



ISSN 2072-8549 (print)
ISSN 2310-6646 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

Экономика

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ НЕОБХОДИМОСТИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ БРЕНДИНГ
КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА
СОЗДАНИЯ ОБРАЗА НАПРАВЛЕНИЙ

ЭФФЕКТИВНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
КАК ОСНОВА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ
И ЕЁ ПЕРЕХОДА НА НОВЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД



2023 / № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8549 (print)

2023 / № 2

ISSN 2310-6646 (online)

серия
ЭКОНОМИКА

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.2.1 – Экономическая теория (экономические науки); 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Economics» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in the following disciplines: 5.2.1 – Economic Theory (Economic sciences); 5.2.3 – Regional and Sectoral Economy (Economic sciences)

ISSN 2072-8549 (print)

2023 / № 2

ISSN 2310-6646 (online)

series
ECONOMICS

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика»:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Московский государственный областной педагогический университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Желтенков А. В. — д-р экон. наук, проф.,
Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора

Шкодинский С. В. — д-р экон. наук, проф.,
Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Путятина Л. М. — д-р экон. наук, проф.,
Московский авиационный институт (национальный
исследовательский университет)

Члены редакционной коллегии:

Журавлева Г. П. — д-р экон. наук, проф.,
Российский экономический университет имени
Г. В. Плеханова;

Ковалев А. П. — д-р экон. наук, проф., Московский
государственный технологический университет
«Станкин»;

Мантаева Э. И. — д-р экон. наук, проф.,
Калмыцкий государственный университет имени
Б. Б. Городовикова

Папцов А. Г. — академик РАН, д-р экон. наук, проф.,
Федеральный научный центр аграрной экономики
и социального развития сельских территорий —
Всероссийский научно-исследовательский институт
экономики сельского хозяйства;

Рагулина Ю. В. — д-р экон. наук, проф.,
Федеральный научный центр аграрной экономики
и социального развития сельских территорий —
Всероссийский научно-исследовательский институт
экономики сельского хозяйства;

Томчак Д. — профессор экономики,
Университетский колледж Эстфолл (Норвегия);

Чех Р. — профессор, профессор экономики,
Университет Флориды в Джексонвилле (США)

ISSN 2072-8549 (print)

ISSN 2310-6646 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика» — печатное издание, в котором публикуются статьи по вопросам управления отраслями народного хозяйства, развития финансово-экономических процессов в России и за рубежом.

Журнал адресован преподавателям вузов, докторантам, аспирантам, научным сотрудникам, финансовым аналитикам, менеджерам, специалистам банков, инвестиционных и страховых компаний, а также всем интересующимся достижениями экономической науки в России и за рубежом.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-73343.

Индекс серии «Экономика»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40725

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.economicsmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. — 2023. — № 2. — 166 с.

© ГУП, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.economicsmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

Founder of the journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Economics":
Moscow Region State Pedagogical University

———— Issued 4 times a year ————

Editorial board

Editor-in-chief:

A. V. Zheltenkov — Dr. Sci. (Economics), Prof., State University of Education

Deputy editor-in-chief:

S. V. Shkodinsky — Dr. Sci. (Economics), Prof., State University of Education

Executive secretary of the series:

L. M. Putyatina — Dr. Sci. (Economics), Prof., Moscow Aviation Institute (National Research University)

Editorial Board:

G. P. Zhuravleva — Dr. Sci. (Economics), Prof., Plekhanov Russian University of Economics;

A. P. Kovalev — Dr. Sci. (Economics), Prof., Moscow State University of Technology STANKIN;

E. I. Mantaeva — Dr. Sci. (Economics), Prof., Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov

A. G. Paptsov — Academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Economics), Prof., Federal Research Centre of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas — All-Russian Research Institute of Agricultural Economics;

J. V. Ragulina — Dr. Sci. (Economics), Prof., Federal Research Centre of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas — All-Russian Research Institute of Agricultural Economics;

D. Tomczak — Prof. of Economic Sciences, Ostfold University College (Norway);

R. Cech — PhD, Professor of Economic sciences, Florida State College in Jacksonville (USA)

ISSN 2072-8549 (print)

ISSN 2310-6646 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Economics" is a printed edition that publishes articles on the problems, including but not limited to the management of national economic sectors and the development of financial and economic processes in Russia and abroad.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, postgraduate students, researchers, financial analysts, managers, bank specialists, and specialists of investment and insurance companies, as well as everyone interested in the achievements of economic science in Russia and abroad.

The journal "Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73343).

The subscription index of the "Economics" series is 40725 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.economicsmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Economics. — 2023. — No. 2. — 166 p.

© SUE, 2023.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

Phone: +7 (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.economicsmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

<i>Ваславский Я. И.</i> Роль государства в системообразовании будущей социально-экономической реальности.	6
<i>Заборовский Е. Ю., Толмачев О. М.</i> Научные школы как отражение концептуальных статусов науки.	15
<i>Маньковский И. А.</i> Эффективная экономическая политика как основа цифровой трансформации экономики и её перехода на новый технологический уклад.	25
<i>Рахмонов А. Х., Леденева В. Ю., Акрамов Ш. Ю.</i> Contribution of Tajik Labor Migrants to the Economy of OECD Countries and Tajikistan.	35

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Алиев А. Т., Желтенков А. В., Балдин К. В.</i> Проблемы и потенциал развития экономики, промышленного производства и инноваций в современной России. .	48
<i>Веселовский М. Я., Федотов А. В., Фатдаков Р. В., Усатова Л. В.</i> Проблемы развития регионального машиностроения в контексте необходимости импортозамещения.	59
<i>Голодова Ж. Г., Лазырин М. С., Кузнецов М. М.</i> Промышленная политика Казахстана: цели, реалии и направления повышения результативности.	71
<i>Джамай Е. В., Фокина Д. А., Михайлова Л. В.</i> Комплексный анализ основных тенденций цифровой трансформации промышленных предприятий.	85
<i>Караман К. С., Лапыгин Ю. Н.</i> Модели формирования стратегии экономической безопасности муниципальных образований.	93
<i>Портнов А. В.</i> Диагностический подход к измерению производительности труда на производствах FMCG.	103
<i>Сарафанова А. Г., Сарафанов А. А.</i> Территориальный брендинг как стратегическая перспектива создания образа направлений.	112
<i>Секерин В. Д., Семенова В. В., Горохова А. Е.</i> Влияние кадрового обеспечения на развитие инновационной инфраструктуры.	125
<i>Семенова Г. Н.</i> Малый бизнес в экономике России: критерии применения специальных налоговых режимов.	132
<i>Сиволоп Л. А., Шикова Л. В.</i> Управление персоналом с учётом теории поколений.	154

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

<i>Yu. Vaslavskiy.</i> The Role of the State in the System Formation of the Future Socio-Economic Reality	6
<i>E. Zaborovsky, O. Tolmachev.</i> Scientific Schools as a Reflection of the Conceptual Statuses of Science.	15
<i>I. Mankovsky.</i> Effective Economic Policy as the Basis for the Digital Transformation of the Economy and its Transition to a New Technological Way	25
<i>A. Rakhmonov, V. Ledeneva, Sh. Akramov.</i> Contribution of Tajik Labor Migrants to the Economy of OECD Countries and Tajikistan	35

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

<i>A. Aliev, A. Zheltenkov, K. Baldin.</i> Problem and Potential of Economic Development, Industrial Production and Innovation in Modern Russia	48
<i>M. Veselovsky, A. Fedotov, R. Fattakhov, L. Usatova.</i> Problems of Regional Mechanical Engineering Development in the Context of the Need for Import Substitution	59
<i>Zh. Golodova, M. Lazyrin, M. Kuznetsov.</i> Industrial Policy of Kazakhstan: Goals, Realities and Directions for Increasing Performance.	71
<i>E. Dzhamay, D. Fokina, L. Mikhailova.</i> Comprehensive Analysis of the Main Trends in the Digital Transformation of Industrial Enterprises	85
<i>K. Karaman, Yu. Lapygin.</i> Models of Formation of the Strategy of Economic Security of Municipalities	93
<i>A. Portnov.</i> Diagnostic approach to measuring labor productivity in FMCG production	103
<i>A. Sarafanova, A. Sarafanov.</i> Territorial Branding as a Strategic Perspective for Creating Directions.	112
<i>V. Sekerin, V. Semenova, A. Gorokhova.</i> The Influence of Human Resource Management on the Development of Innovation Infrastructure	125
<i>G. Semenova.</i> Small Business in the Russian Economy: Criteria for the Application of Special Tax Regimes	132
<i>L. Syvolap, L. Shykova.</i> V. HR Management in Consideration of the Theory of Generations	154

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.101

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-6-14

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМООБРАЗОВАНИИ БУДУЩЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ваславский Я. И.

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Дать теоретическую трактовку роли государства в структурировании системных целостностей, позволяющую понять, в каких пределах оно способно участвовать в формировании социально-экономической целостности.

Процедура и методы. Основное содержание исследования заключается в попытке автора, на основе диалектической логики, выводов системных теорий и анализа взглядов российских философов А. А. Богданова, Н. Ф. Овчинникова, определить теоретический смысл действий государства по укреплению целостности любой системы в сфере экономики или социума.

Результаты. Показано, что в абстрактном смысле целостность системы ассоциируется с качеством её структурной составляющей, представленной государством. Обоснована современная трактовка государства, предполагающая возрастание значимости субъектной составляющей в процессах системообразования в экономике и социуме. Сделан вывод, что консервативное начало государства и его принципиальная неспособность служить драйвером новой социальной реальности основаны на его повторяющихся бесконечное множество раз попытках укрепления существующих структурных связей и умножения их количества.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в определении роли государства как структуры экономических и социальных образований в обеспечении структурной устойчивости путём генерирования иерархии структурных уровней и увеличения структурных связей в социально-экономической системе.

Ключевые слова: государство, диалектика, консерватизм, системная целостность, социальная реальность

THE ROLE OF THE STATE IN THE SYSTEM FORMATION OF THE FUTURE SOCIO-ECONOMIC REALITY

Y. Vaslavskiy

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation
prosp. Vernadskogo 76, Moscow 119454, Moscow, Russian Federation*

Abstract

Aim. To give a theoretical interpretation of the role of the state in structuring systemic integrity, allowing understanding the extent to which it is able to participate in the formation of socio-economic integrity.

Methodology. The main content of the study lies in the author's attempt, made on the basis of dialectical logic, the conclusions of system theories and the analysis of the views of Russian philosophers A.A. Bogdanov, N.F. Ovchinnikov, to determine the theoretical meaning of the state's actions to strengthen the integrity of any system in the sphere of the economy or society.

Results. It is shown in the abstract sense the integrity of the system is associated with the quality of its structural component, represented by the state. The modern interpretation of the state is substantiated, which implies an increase in the importance of the subjective component in the processes of system formation in the economy and society. It is concluded that the conservative beginning of the state and its fundamental inability to serve as a driver of a new social reality are based on its endlessly repeated attempts to strengthen existing structural ties and multiply their number.

Research implications are to determine the role of the state as a structure of economic and social formations in ensuring structural stability by generating a hierarchy of structural levels and increasing structural ties in the socio-economic system.

Keywords: state, dialectics, conservatism, system integrity, social reality.

Введение

Необходимость понимания закономерностей развития событий в новейшей истории человеческого системообразования и роли в них государства обусловлена угрозами, связанными с возможностью повторения сценария экспоненциального роста опасной для человечества инфекции, а также с осложнением социально-экономической ситуации. Механизмы самодвижения системных целостностей регламентируются действием диалектических законов единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные и отрицания отрицания, а государство сопровождает их институционализацией поведения экономических агентов, участвующих в рыночных транзакциях. В этой связи государство опосредует эти процессы с помощью формальных институтов, структурирующих процедуру реализации экономического обмена. Однако именно государство стало причиной формирования фундаментальной проблемы рассогласования экономики и социума, формальных и неформальных институтов, которые, по сути, представляют собой диалектическое единство [10]. Главная проблема, возникающая в этой связи, заключается в том, что государство формализует действия субъектов как экономических агентов, абстрагируясь от тех социальных условий, которые предопределяют индивидуальные ценности, реализуемые человеком в экономике. Это предопределяет необходимость учёта возрастающей значимости субъектной составляющей при определении роли государства в процессах системообразования в экономике и социуме.

Государство и структурные изменения в системах

Государство и формальные институты ориентировались исключительно на обеспечение равновесия в экономике и её финансовой стабильности. В этом случае первостепенно значимыми являются объектная и процессная составляющие структурной самоорганизации в экономике, а субъектная основа системообразо-

вания попросту игнорируется. А экономический субъект между тем приобретает собственные индивидуальные ценности в социуме, демонстрирующем социальную несправедливость, экстраординарный рост поляризации доходов богатых и бедных, неравенство возможностей, сокращение среднего класса, неэффективность общественной системы здравоохранения в условиях пандемии и т. п. [7]. Эти проявления разрушения целостности социума предопределяют качество неформальных институтов, которое реализуется в оппортунистическом поведении субъектов, нацеленных против действий государства, даже если они вполне оправданные.

В результате государство, игнорируя необходимость укрепления диалектического единства формальных институтов в экономике и социальных институтов в обществе, вопреки всем объективным процессам системообразования добивалось финансовой устойчивости в экономике, разрушая при этом целостность социума [3]. На этом основании вполне логично поставить государству в вину нарушение диалектики формальных (неформальных) и социальных институтов, что усугубляло структурную хрупкость сложных систем ещё накануне пандемии формированием её институциональной составляющей. Если государство опосредует все структурные изменения в системах, созданных человеком, то те же самые структурные связи в системах опосредуются людьми, которые становятся подчинёнными социальным нормам, институционализированным государством. И такая подчинённая роль субъективного фактора в системах, которые он создал, на этапе их самоструктурирования (самоорганизации) будет оставаться неизменной в сложившейся системе на сформированной технологической базе.

Однако всё имеет свои пределы, и самоорганизация систем – также. Причём по мере приближения системы к точке «невозврата» государство утрачивает свою структурообразующую функцию, а в результате действия закона отрицания отрицания остаётся фактически не у дел. Если в условиях пандемии коронавируса современные системы, во всяком случае, в границах стран с развитой экономикой, созрели для диалектического скачка в будущую социальную реальность в форме динамических систем на этапе саморазвития, то государство теряет свою миссию организовывать структурные связи нового качества. Это объясняется их отсутствием, поскольку диалектический закон двойного отрицания одним отрицанием разрушил структурные уровни-следствия, а вторым отрицанием – структурные уровни, их сгенерировавшие. Получается, что в новых условиях государству отводится роль генератора условий для субъектов-драйверов новых структурных связей, на основе которых государство приступит к своей извечной функции структурирования и самоорганизации систем как будущей реальности.

Другими словами, на этапе подготовки систем к диалектическому скачку в будущую реальность государству необходимо определиться с её главными драйверами и всячески ускорять формирование их критической массы [4]. Специфика технологической революции 4.0 позволяет определить диалектический скачок и в положении субъективного фактора, который из подчинённой составляющей самоорганизующихся систем должен стать их доминантой. Последнее как раз и обуславливает специфику современной технологической революции. Только творчество многочисленных личностей с качествами интеллектуальной автономности способно превратить возможности, предоставленные научно-техническим прогрессом, в реальность. Другими словами, именно люди с высоким качеством образованности и способностями творить являются драйверами новой реальности. При этом следует понимать, что образование таких талантливых личностей имеет свою диалектическую пару в контексте их адекватной социализации. В условиях

критической массы самодостаточных талантливых личностей от них зависит динамика и саморазвитие системных целостностей, и они способны конкурировать с государством в выборе необходимых для них организаций их деятельности, реализуя свои предпочтения принципов человекоцентризма. А это означает, что именно субъектам уготована особая роль в динамике организационных структур на стадии их саморазвития при условии замещения капиталоцентристских принципов человекоцентристскими на всех уровнях системных целостностей.

Консерватизм государства и системообразование будущей реальности

Ответы на поставленные выше вопросы неизменно связаны с теоретическими разработками специалистов в области государства, государственной политики, государственных финансов и т. п. Обоснуем нашу точку зрения, используя диалектическую логику и оперируя законами самодвижения системных целостностей. Законы диалектики проявляются, а точнее, предопределяют саморазвитие системных образований [5]. При этом положение о самодостаточных экономических системах, способных к самоорганизации и саморазвитию, предопределяет логику понимания роли государства в процессах системообразования и, особенно, в контексте формирования будущей реальности.

Автор исходит из того, что любая созданная людьми система по мере своего усложнения превращается в организационную целостность, сущность которой проявляется в диалектическом единстве таких противоположностей, как собственно система и её элементы. Причём система как целостность выражает диалектический принцип всеобщей связи и взаимообусловленности, а её элементы с необходимостью предполагают расчленённость и дифференцированность целостности. Следует подчеркнуть, что элементарный состав является основополагающим для существования системы. Однако целостность её зависит не столько от самих элементов, сколько от характера их связей в системе. Именно эта проблема является центральной для понимания роли государства в формировании будущей реальности. И это объясняется тем, что речь идёт о генерировании у системы интегративных свойств, отсутствующих у элементов системы и обуславливающих устойчивость внутренних связей над внешними [6]. Таков первый шаг к пониманию значимости государства для обеспечения стабильности системной организации и сути его консерватизма, обращённости в прошлое, а не в будущее.

Любая системная целостность, созданная людьми, предстаёт как нечто существующее, поскольку обладает определённой структурной устойчивостью (пусть даже относительной и временной), которую обеспечивает именно государство. Именно качественной определённой одна системная целостность отличается от любой другой. Движение системы в форме устойчивого состояния, т. е. с сохранением её специфического качества, имеет две стороны, выражающие единую сущность – относительную устойчивость всей системы и её абсолютную изменчивость. Причём системная целостность сохраняет тождественность себе в результате постоянных в её рамках изменений под воздействием взаимоотрицающих и взаимополагающих объектов, субъектов, явлений и процессов. А. А. Богданов описывал процесс системообразования следующим образом: «Итак, во всех областях опыта, на всех ступенях организованности подтверждается одна и та же общая закономерность: системное расхождение заключает в себе тенденцию развития, направленную к дополнительным связям» [2].

Таким образом, чтобы система существовала в качестве целостности, необходимо, чтобы элементы внутри неё были определённым образом взаимосвязаны

и диалектически взаимодействовали друг с другом. В этом контексте на первое место выходит механизм внутренней взаимосвязи элементов в смысле принципа, способа, закона их взаимодействия в рамках определённого системного целого. Фактически именно государство в созданных человеком системах опосредует эти внутренние взаимодействия элементов, выступая структурой всей системы. Данная её характеристика является важнейшей, поскольку отсутствие у системы целостности означает прекращение её существования. Если же система представляет собою целостность, то именно закон связи элементов в системе предопределяет её качество. В этом и состоит теоретический смысл всех действий государства, нацеленных на укрепление целостности любой системы в сфере экономики или социума. Вследствие этого в абстрактном смысле целостность системы ассоциируется с качеством её структурной составляющей, представленной государством.

Продemonстрируем это явление на примере экономической системы, функции структуры которой заключаются в обмене экономической деятельностью и её результатами. Именно экономический обмен занимает центральное место в понимании регламентирующей его миссии со стороны государства. Именно его качество предопределяет усложнение системы за счёт его структурной составляющей. И именно государству в этих процессах отводится центральное место. Действительно, обмен между хозяйствующими субъектами опосредует устойчивые, постоянно повторяющиеся взаимосвязи между участниками по поводу актов купли-продажи разнообразных полезностей. Не будет этих связей в экономике, не будет структуры системы, не будет и её целостности. В этом случае не будет необходимости и в государстве с его целью укрепления целостности системы.

Обмен деятельностью как взаимосвязь двух или более субъектов имеет место там, где есть различия. Она как бы компенсирует их дифференциацию и формирует целостность экономической системы. Её саморегулирование (самоорганизация) осуществляется в результате структурных изменений, вызванных взаимопревращением внутренних различий явления, или вариантных структур. С философской точки зрения именно в опосредовании этих преобразований реализуется деятельность государства. По сути, существенной чертой структурных связей элементов являются те или иные формы их движения. Это свидетельствует о процессуальности созданных человеком систем (организаций), их динамике в контексте усложнения в процессе самоорганизации или в процессе саморазвития. Российский философ Н. Ф. Овчинников писал в этой связи: «Вещь должна породить "своё другое" прежде, чем испытать само воздействие» [8]. В таком случае организация и структура выступают однопорядковыми явлениями, характеризующими устойчивую упорядоченность связей элементов целостной системы.

При этом сущность (структура) и форма её проявления в элементах и системной целостности диалектически взаимосвязаны. Так, внешней форме любой целостности свойственна лабильность, пластичность, связанная с незначительными количественными изменениями элементов за счёт среды и усилением взаимосвязей с нею. Она первой реагирует на воздействие внешних факторов при сохранении до определённого момента неизменной структуры как способа внутренних взаимосвязей её элементов. Причём структура системы, в принципе, способна изменяться, но только в самую последнюю очередь и только в связи с изменением природы самих элементов. Это теоретическое положение раскрывает суть изменений государства, которое до последнего будет выполнять функцию сохранения целостности существующей системы. И только под влиянием кардинальных изменений природы самих элементов и в процессе формирования ими новых связей, часть из которых станет структурными, государство будет менять формы реализации

своих функций. Хотя, по сути, они всегда будут ориентированы на обеспечение стабильности системной целостности в любой сфере, включая экономику.

Применительно к экономической системе обмен экономической деятельностью и её результатами предопределяет внутренний момент вышеупомянутых форм. Именно экономический обмен характеризуется устойчивостью, консервативностью по отношению к изменению объектов, субъектов и процессов, участвующих в обмене. Если целостность выражает силу и существенность связей между элементами системы сравнительно с внешними связями, то структурность подразумевает наличие этих связей и их упорядоченность.

Самоорганизация систем, опосредуемая государством, проявляется в непрерывном усложнении структурных связей, направленных внутрь системной целостности, до бесконечности. Становясь всё более сложной структурно, система имеет предельный момент самодвижения. Если речь идёт о самоорганизующейся системе, то её предел – это готовность системы совершить диалектический скачок от статичного состояния к динамичному. Сущность этого фундаментального превращения связана с действием закона отрицания отрицания, который приводит к разрушению сложившейся в прежней системе структуры. Иными словами, оставаясь в неизменном виде, государство уже неспособно обеспечивать динамическую систему, поскольку отсутствуют структурные связи. Именно на этом основании автор обосновывает свою мысль о том, что государство всегда обращено в прошлое, представляет собою консервативный механизм сохранения прежней структуры и, по сути, способно к изменению только в том случае, когда кардинально меняются сами элементы по своей природе. В данном случае речь идёт об организациях, которые структурируют на микроуровне экономическую (человеческую) деятельность. В экономике эту миссию выполняют частные компании, которые имеют качество самодостаточных и потому способны как к самоструктурированию, так и к саморазвитию [9]. Именно поэтому возложение надежд на государство в качестве драйвера будущей реальности противоречит объективным законам самодвижения системных целостностей.

Только частный бизнес в этом контексте демонстрирует возможность быстро менять связи между существующими элементами и возникающими вновь элементами среды, опосредуя непрерывное становление и генерирование новых свойств и функций. Австрийский теоретик Л. фон Берталанфи обозначал это качество как единство устойчивости и подвижности при преобладающей роли последней: «иерархия проявляется как в "структурах", так и в "функциях". В конечном счете структура (т. е. порядок частей) и функция (т. е. порядок процессов) могут быть одним и тем же: в физическом мире вещество превращается в движение энергии, а в биологическом мире структуры являются выражением определенных процессов» [1, с. 53].

Выделение обмена результатами экономической деятельности в качестве главной структурообразующей характеристики системных целостностей в экономике позволило автору сформулировать диалектические пары и опосредующие их структурные взаимодействия, усложнение которых и предопределяет механизм самоорганизации систем в их статическом состоянии. Взаимосвязи участников экономических систем, возникшие в результате интеграции специализированных видов деятельности, превращаются в структурные. А экономика приобретает качество системной целостности и собственный механизм самоструктурирования или самоорганизации. Другими словами, с возникновением структуры экономическая система становится самоорганизующейся, т. е. способной к самодвижению за счёт усложнения её структуры (структурных связей). В таком качестве у системы генерируется собственный механизм самодвижения, который и опосредуется государством, и не нуждается во внешних факторах для инициации системных изменений.

Исторически первым возник горизонтальный уровень структурных взаимодействий участников диалектических пар по мере расширения денежных форм расчётов по сделкам с реальными товарами и услугами. На этой стадии самоорганизации системы государство нацеливало экономическую политику на обеспечение экономического равновесия в обмене и во всей экономике. На горизонтальном уровне структурные связи обуславливались причинно-следственными связями, которые замыкаются в самой диалектической паре. Причём горизонтальные структурные связи системы регламентируются диалектическим законом единства и борьбы противоположностей, а самоструктурирование – за счёт генерирования вертикальной структурной иерархии законом перехода количественных изменений в качественные.

Формирование вертикальных структурных связей на основе причинно-следственных зависимостей диалектических пар по вертикали заставляет государство переключаться в своей экономической политике на обеспечение финансовой стабильности как основы экономического равновесия. Таким образом, механизм самоорганизации экономических систем в статическом состоянии имеет в своей основе прямые и обратные связи диалектических пар, обратимые процессы их усложнения и предопределяется структуризацией внутренних взаимодействий диалектических пар и действием двух диалектических законов единства и борьбы противоположностей и перехода количественных изменений в качественные. Именно они предопределяют структурные особенности деятельности государства и опосредование им диалектических законов единства и борьбы противоположностей и перехода количественных изменений в качественные.

Заключение

Для государства широко растиражированный сегодня термин «новая нормальность» (англ. “The New Normal”) оборачивается ловушкой непонимания, провала механизма автоматического восстановления рыночного равновесия и объективной предопределённостью «теперь все будет иначе» (англ. «This time is different») (Reinhart et. al.). В чрезвычайных условиях разрушения рыночного равновесия оно, как правило, прибегало к различным сочетаниям фискальных и монетарных мер воздействия на экономических агентов. Однако возвышение субъектной составляющей в качестве приоритетной в механизмах саморазвития экономических систем предопределяет объективный рост значимости факторов консолидации социума и социальных институтов в регламентации поведения субъектов.

Если же государство продолжает оперировать своими фискальными возможностями и рассматривает их в качестве главного условия возрождения сначала национальной экономики, а в конечном итоге – и социальной целостности общества, то время будет упущено. Но такой подход в корне противоречит диалектике формирования будущей социально-экономической реальности, поэтому только государство может служить тем началом, которое запустит данный процесс.

Представления автора о контурах будущей социально-экономической реальности не учитывают особенностей национальных экономик, социумов и их институциональных структур, технологического оснащения национального производства. В результате при универсальности основных тенденций в системообразовании будущей реальности конкретные формы её воплощения в странах мира будут отличаться огромным многообразием.

Статья поступила в редакцию 06.02.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берталанфи Л. Общая теория систем: основы, развитие, приложения / пер. Ю. Г. Юдина // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 30–54.
2. Богданов А. А. Очерки организационной науки // ВикиЧтение: [сайт]. URL: <https://fil.wikireading.ru/44132> (дата обращения: 01.02.2023).
3. Ваславский Я. И. Агрегирование общественного выбора: партнерство государства и бизнеса в структурировании посткоронавирусной реальности // Федерализм. 2020. № 2 (98). С. 51–75.
4. Ваславский Я. И. Государство и бизнес в структурировании социальной реальности будущего: опыт политико-экономического исследования. М.: МГИМО, 2022. 310 с.
5. Ваславский Я. И. Государство и институционализация «социального порядка» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2022. № 3. С. 21–28.
6. Голдин Я. Переосмысление глобальной устойчивости: пандемия напрягает линии экономического и социального разлома // Финансы и развитие. Ежеквартальное издание МВФ. 2020. Т. 57. № 3. С. 5–9.
7. Овчинников Н. Ф. Принципы сохранения. М.: Наука, 1996. 330 с.
8. Овчинников Н. Ф., Алексеев И. С., Печенкин А. А. Принцип симметрии. Историко-методологические проблемы / отв. ред. Б. М. Кедров, Н. Ф. Овчинников. М.: Наука, 1978. 397 с.
9. Пригожин А. И. Современная социология организаций. М.: Интерпракс, 1995. 295 с.
10. Раджан Р. Г. Линии разлома: скрытые трещины, всё ещё угрожающие мировой экономике / пер. И. Фридмана. М.: Институт Гайдара, 2011. 416 с.

REFERENCES

1. Bertalanffy L. von. General System Theory: A Survey (Rus. ed.: Yudin Yu. G., transl. *Obshchaya teoriya sistem: osnovy, razvitie, primeneniya*. In: *Sistemnye issledovaniya: Yezegodnik* [Systems Research: Yearbook]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 30–54).
2. Bogdanov A. A. [Essays on Organizational Science]. In: *WikiReadings*. Available at: <https://fil.wikireading.ru/44132> (accessed: 01.02.2023).
3. Vaslavskiy Ya. I. [Aggregation of Public Choice: Partnership between the State and Business in Structuring Post-Coronavirus Reality]. In: *Federalizm*, 2020, no. 2 (98), P. 51–75.
4. Vaslavskiy Ya. I. *Gosudarstvo i biznes v strukturirovaniyi sotsial'noy real'nosti budushchego: opyt politiko-ekonomicheskogo issledovaniya* [The State and Business in Structuring the Social Reality of the Future: Experience of Political-Economic Research]. Moscow, Moscow State Institute of International Relations Publ., 2022. 310 p.
5. Vaslavskiy Ya. I. [The State and Institutionalization of the “Social Order”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Economics], 2022, no. 3, pp. 21–28.
6. Goldin Ya. [Reconceptualizing Global Sustainability: Pandemic Strains Economic and Social Fault Lines]. In: *Finansy i razvitie. Ezhekvartal'noe izdanie MVF* [Finance and Development. Quarterly publication of the IMF], 2020, vol. 57, no. 3, pp. 5–9.
7. Ovchinnikov N. F. *Printsiipy sokhraneniya* [Principles of Conservation]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 330 p.
8. Ovchinnikov N. F., Alekseyev I. S., Pechenkin A. A. *Printsip simmetrii. Istoriko-metodologicheskiye problemy* [Principle of Symmetry: Historical and Methodological Problems]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 397 p.
9. Prigozhin A. I. *Sovremennaya sotsiologiya organizatsiy* [Modern Sociology of Organizations]. Moscow, Interpraks Publ., 1995. 295 p.

10. Raghuram G. R. Fault Lines. How Hidden Fractures still Threaten the World Economy (Rus. ed.: Fridman I., transl. *Linii razloma: kak skrytyye treshchiny vse yeshchye ugrozhayut mirovoy ekonomike*. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2011. 416 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ваславский Ян Ильич – кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации;
e-mail: vaslavsky@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yan I. Vaslavskiy – Cand. Sci. (Political Science), Assoc. Prof., Department of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations;
e-mail: vaslavsky@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ваславский Я. И. Роль государства в системообразовании будущей социально-экономической реальности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 6–14.
DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-6-14

FOR CITATION

Vaslavskiy Y. I. The Role of the State in the System Formation of the Future Socio-Economic Reality. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2023, no. 2, pp. ??–??.
DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-6-14

УДК 364-12

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-15-24

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СТАТУСОВ НАУКИ

Заборовский Е. Ю., Толмачев О. М.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Целью исследования выступают выявление признаков и осмысление деятельности научных школ как отражения концептуальных статусов науки.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ научной литературы, в которой отражены различные аспекты деятельности научных школ, приведён анализ взглядов исследователей на роль научных школ в системе иерархических взаимосвязей, возникающих в процессе научного познания.

Результаты. Проведённый анализ показал, что именно научные школы определяют высокий статус научного знания, являются основанием для дальнейшего развития науки как системы познания и объяснения фактов и событий человеческого бытия, основанного на методологических основаниях «коллективного разума», стремящегося к всеобъемлющему познанию Истины. По итогам исследования сделан вывод о том, что для отнесения коллектива учёных к научной школе должны быть соблюдены определённые параметрические основания, дающие возможность говорить о том, что коллектив учёных достиг уровня организации и научной результативности, характерного для «научной школы».

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме, в научный оборот введены критерии, позволяющие говорить о том, что коллективом учёных удалось создать научную школу, повысив статус исследуемой научной проблематики до уровня истинного знания. Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в процессе написания научных исследований, учебников, методических материалов по вопросам, касающимся роли научных школ в познании объективной реальности.

Ключевые слова: научная школа, статус, параметры, истина, авторитет, коллектив, разум

SCIENTIFIC SCHOOLS AS A REFLECTION OF THE CONCEPTUAL STATUS OF SCIENCE

E. Zaborovskij, O. Tolmachev*State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Annotation

Aim. The aim of the article is to identify the signs and comprehend the activities of scientific schools as a reflection of the conceptual status of science.

Methodology. The main content of the study is the analysis of scientific literature, which reflects various aspects of the activities of scientific schools, analyzes the views of researchers on the role of scientific schools in the system of hierarchical relationships that arise in the process of scientific knowledge.

Results. The analysis showed that it is the scientific schools that determine the high status of scientific knowledge, are the basis for the further development of science as the only system of cognition of the facts and events of human existence, based on the systemic «collective mind» striving to cognize the Truth. Based on the results of the study, it was concluded that in order to classify a team of scientists as a scientific school, certain parametric grounds must be observed, which make it possible to say that a team of scientists has reached the level of a scientific school.

Research Implications. The new material on the topic under study has been summarized, criteria have been introduced into scientific circulation, allowing us to say that a team of scientists managed to create a scientific school, raising the status of the scientific problem under study to the level of true knowledge. The practical significance of the study lies in the fact that the results obtained can be used in the process of writing scientific research, textbooks, methodological materials on issues related to the role of scientific schools in the cognition of objective reality.

Keywords: scientific school, status, parameters, truth, authority, collective, mind

Введение

Одной из определяющих закономерностей развития науки является преемственность идей, концепций, методов исследования, составляющих содержание любой науки. Люди разных поколений, осуществляя процесс научного поиска, словно передают из рук в руки накопленный ими «духовный и интеллектуальный капитал», на фоне чего возникает извечная проблема учителей и учеников, старшего и молодого поколений в науке, основателей новых научных направлений и их продолжателей, иными словами, формируется проблематика становления и развития научных школ, которая до конца не раскрыта. В частности, проблемными являются вопросы, связанные с ролью научных школ в формировании авторитета науки, с критериями отнесения коллектива учёных именно к «научной школе».

Следует сказать, что создание научных школ – добрая традиция, являющаяся результатом уникального культурно-исторического развития России, а их наличие является основанием для формирования авторитета и высокого статусного положения отечественного научного знания, что определяет высокий статус науки в системе общественных отношений.

Вне научных школ наука не может развиваться с достаточной степенью динамичности, поскольку даже революционные научные открытия учёных-одиночек требуют дальнейшего осмысления на уровне «коллективного разума», который формируется в рамках деятельности научной школы.

К вопросу о деятельности научных школ и их роли в развитии современной науки в последние годы обращались А. А. Аузан, А. А. Курдин [1], М. Вебер [2], Р. Г. Гостев [3], С. В. Иванова [5], А. В. Ковалёв [6], Н. И. Кузнецова [8], Н. О. Николов [10], А. П. Соловей [13] и др. Данные учёные развили ранее существующие теоретические положения относительно процессов формирования научных школ, их развития, специфических особенностей, общественной и научной значимости.

В то же время в научной литературе недостаточно внимания уделено вопросам статусного положения научных школ как основания для формирования высокого авторитета научного знания.

В этой связи актуальным представляется дальнейшее рассмотрение теоретических основ развития научных школ.

Целью данного исследования выступают выявление признаков и осмысление деятельности научных школ как отражения концептуальных статусов науки.

Научная школа как институциональная основа формирования статуса науки

Толковый словарь определяет понятие «статус» как термин, обозначающий совокупность параметров, характеризующих некий объект либо субъект и формирующих в своей совокупности основание для занятия этими субъектами и объектами определённой позиции в некой иерархической системе¹.

В этой связи, когда мы говорим о «концептуальных статусах науки», мы понимаем под этим выражением систему характерных признаков научного направления, дающих этому направлению право претендовать на высшую ступень в иерархии результатов коллективного человеческого познания неких фактов и явлений человеческого бытия.

При этом и сама наука является иерархической системой, в которой осмысление научных фактов происходит по восходящей траектории – от элементарной констатации факта отдельным индивидуумом до осмысления данного факта и его трансляции в систему общечеловеческого научного знания, осуществляемого в рамках деятельности коллективов учёных, научных школ.

Таким образом, мы можем говорить о том, что концептуальные статусы науки находят своё отражение и в деятельности научных школ, которые, собственно, и определяют незыблемое положение научного знания в системе познания мира.

Определяя содержание самого понятия «научная школа», мы вслед за С. В. Ивановой и А. В. Ковалёвым понимаем под данной дефиницией коллектив учёных, возглавляемый руководителем-лидером, разрабатывающий новое направление научной теории, созданной в рамках деятельности научной школы и получившей признание в качестве научного достижения, осуществляющий подготовку научных кадров, публикацию научных монографий, статей, создавая предпосылки для распространения научных идей и результатов коллективного научного поиска.

Рассуждая о понятии «научная школа», можно обратить внимание на его многозначность и «лексическую подвижность», поскольку в концептуальный круг данного понятия возможно включить ряд синонимических элементов (теоретическая школа, научное направление, научный коллектив, научное сообщество и т. д.), которые отражают тот или иной аспект существования научной школы, круг явлений, который относится к их деятельности, однако при этом данное лексическое многообразие расширяет содержательную сторону понятия «научная школа», искажая его истинную сущность.

При этом следует сказать и о том, что множество классификаций научных школ, которые приводятся в научной литературе, также предлагают различные основания для такой классификации и, соответственно, возникает множество признаков, по которым исследователи относят то или иное научное направление к «научной школе». Данная ситуация абсолютно понятна, поскольку феномен научных школ с трудом укладывается в традиционные рамки институционального оформления различных научных организаций.

В данном случае, говоря об «институциональном оформлении», мы имеем ввиду наличие таких организационных структур, как, например, «научно-исследовательская организация», «научная академия», которые оформляют научную деятельность в организационном плане, однако не могут претендовать на звание «научной школы» в силу того, что структурно научная школа может быть сформирована внутри данных организационных структур, либо наоборот, объединять ряд институциональных научных образований в границах научной школы.

В этом плане трудно говорить о том, что научная школа представляет собой некую устойчивую организационную структуру, напротив, научная школа, по наше-

¹ Статус // Толковый словарь русского языка: 80000 слов и выражений / сост. С. И. Ожегов, Н. И. Шведова. М.: А-Темп, 2006. С. 764.

му мнению, является весьма подвижной формой объединения научных усилий по исследованию некой научной проблемы, состав которой может изменяться, привлекая к себе новые элементы и отторгая те, которые не соответствуют теоретическим концепциям научной школы.

При этом следует обратить внимание на то, что «научная школа» является или, скорее, формируется именно в научной среде, любые направления производственной деятельности, создающие прорывные технологии, продукты, товары или услуги, не могут претендовать на звание «научная школа», если в процессе своей деятельности производственникам не удалось создать некой теории, что позволило говорить о том, что им удалось расширить горизонты научного знания.

Рассмотрим далее исследуемое понятие, вновь вернувшись к его лексическому наполнению.

Этимологически понятие «научная школа» занимает место между понятиями о «школе» и «науке» как системе научных знаний и особой деятельности по их производству, в связи с этим можно согласиться с тем, что, говоря о научной школе, мы имеем ввиду такое сообщество учёных, которое занято не только самой «наукой», но и «обучением науке», т. е. трансляцией знаний, методологических оснований познания, форм научной деятельности, необходимых учёному следующего поколения для продолжения научной деятельности в избранном направлении.

Данная особенность научных школ не является единственной, в научной литературе при рассмотрении деятельности научных школ чаще всего опираются на их существенные признаки. Можно выделить несколько фундаментальных признаков, характерных для научных школ, определяющих их особый статус в науке.

Во-первых, научная школа в процессе своего создания и развития образует научный коллектив – учёных-единомышленников, работающих над той или иной научной проблемой. Отметим, что данная проблема должны быть научно значимой, т. е. вносить в научное сознание некие новые теоретические обобщения, позволяющие на их основе создавать новые теории, развивать науку и научную деятельность как таковую.

Во-вторых, во главе научной школы стоит личность учёного, который изначально самостоятельно выдвинул некое теоретическое положение, оказавшееся вполне разделяемым коллективом учёных, готовых принять её за основу научного поиска и развивать новую теоретическую научную концепцию под руководством её автора, который не только предлагает некие научные идеи и постулаты, но и способен сформировать метрологию научного познания в новой области научного поиска. При этом коллективная работа обогащает сформулированную идею, развивает методологию и расширяет направления исследований.

При этом следует признать, что не всегда деятельность научной школы начинается с того, что её научный руководитель предлагает научную теорию, которая получила признание в научном мире: в ряде случаев эта теория создаётся в процессе деятельности научной школы, когда коллективная работа учёных создаёт новое научное направление. В формировании новой теории участвуют сотрудники научной организации, однако решающая роль в её проработке, как правило, принадлежит руководителю, способному довести полученные коллективные результаты до уровня законченного исследования, оформив коллективные достижения в единую научную теорию и наметив пути дальнейшей работы коллектива учёных.

В-третьих, отличительной чертой научной школы, позволяющей выделять её среди научных коллективов в отдельную форму, является то, что научная школа не только создаёт научную теорию, развивает и формирует новые направления развития науки, но и является «школой научных кадров». Бесспорно, значительно влияют на развитие науки научные школы, одинаково активно решающие как

задачи научного характера, так и задачи подготовки новых поколений учёных. Такими научными школами, например, в отечественной научно-педагогической науке являлись школы Е. П. Белозерцева, М. Г. Ярошевского и др. [8].

В научной школе, где подготовка учёных недооценивается, существует принципиально иной климат, чем там, где эта задача выдвигается на первый план. Такие школы, как правило, лишены перспективы самостоятельно развивать идеи своего основателя и тем самым инициировать процесс преемственного развития научной школы. Примером школы подобного типа, к сожалению, была школа известного советского психолога Л. С. Выготского, которая практически распалась после его смерти, хотя его последователи А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец, Л. И. Божович, П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин, опираясь на идеи Л. С. Выготского, создали в дальнейшем собственные научные направления психологической науки.

В научной школе такого типа единственный генератор идей – её руководитель, ориентирующий коллектив на проверку его научных концепций, но не на выдвижение новых идей, на не создание основ новых научных направлений.

В-четвёртых, для научной школы характерным является лидерство её руководителя и его способность создать в научном коллективе уникальную атмосферу творческого научного поиска. По этому поводу Г. Кребс отмечает, что именно эта черта делает научную школу наиболее привлекательной для молодёжи, которая получает в ней то, что чрезвычайно сложно приобрести, не работая в тесном контакте с руководителем научной школы, не дыша её атмосферой. Итак, притягивающая черта научной школы – стиль работы (климат) [7].

Например, «климат» Копенгагенской школы теоретической физики Нильса Бора – известный физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии Виктор Ф. Вайскопф характеризует так: «Вряд ли можно представить себе ту атмосферу энтузиазма и интенсивного подъёма, царившую тогда в институте. Воздействие Бора проявилось здесь в полную силу. Он создал свой особый стиль физики – копенгагенский стиль» [17]. В российской науке такую атмосферу творчества в своих коллективах создавали такие руководители научных школ, как Н. И. Вавилов, Л. Д. Ландау, Л. В. Конторович, П. Л. Капица, Ж. И. Алфёров, В. Л. Гинзбург, К. С. Новоселов.

Характерными чертами этих научных школ являются опора на уважение мнения каждого члена коллектива учёных, демократизм, поощрение научной полемичности, игнорирование прошлых заслуг при всеобщем уважении заслуг каждого члена научного коллектива.

Приведённые выше рассуждения позволяют говорить о значительной роли лидеров научных школ в процессе их создания. Личности, о которых речь шла выше, имели особую способность, а именно способность эффективно организовать коллективную работу. Данная способность чрезвычайно важна для развития научной школы, поскольку учёный в своём поиске не является одиночкой, он сознательно или бессознательно соотносит свой труд с деятельностью определённой научной школы или даже нескольких школ. Как утверждает Макс Шелер: «...настоящей и абсолютной свободы научного поиска в истории не было никогда; тем более неуместно было бы считать, что она выросла из автономной силы научного духа – свобода науки возникла из взаимной конкуренции реально-социологических факторов, причем в тесной связи с деятельностью иных научных коллективов» [15].

Таким образом, говоря о свободе учёного, нужно понимать, что, когда люди профессионально и специально занимаются научными исследованиями, трудно представить себе, чтобы такая работа осуществлялась каждым исследователем автономно, вне творческого взаимодействия с другими учёными-исследователями. И речь идёт не только об эффективности менеджмента коллективной работы по сравнению с усили-

ями одиночек, но и об определённой корпоративной солидарности, которая в своей основе убеждена в правильности избранного направления научного поиска [4].

Отметим и то, что общим правилом развития научных школ стало формирование научной этики, необходимой для успешной профессиональной деятельности, на чём настаивал ещё Фридрих Ницше, говоря о том, что каждый человек, стремящийся утвердить своё исследовательское достоинство, должен ориентироваться на лучшие добродетели учёного, прежде всего на честность перед самим собой [11].

Т. е. не только в профессиональном, но и во всех других отношениях этика учёного должна стать для современного человека образцом.

Впрочем, в истории философии науки имели место и иные взгляды. Тот же Ф. Ницше, несмотря на колоссальное влияние на философию и философов, не создал и не положил начала ни одной философской школе – он скорее представляет образец учёного-героя, достигающего величия именно в отрыве от массы.

В этой связи актуальной представляется аргументация К. Попера в полемике с Т. Куном по поводу того, кто творит настоящую науку. В отличие от Т. Куна, защищавшего научные сообщества и научное сотрудничество как социальную основу науки [9], К. Попер подчёркивает решающее значение научного открытия, которое не просто имеет своего автора, но и каждый раз оказывается результатом научного подвига, плодом не только гения, но и смелости учёного, готовности идти наперекор научному сообществу с его шаблонами мышления и стереотипами восприятия в научном поиске [16].

Данную мысль развил М. Вебер, считавший, что едва ли не самые важные достоинства учёного – это добродетели одиночки, аскета в науке, поскольку наука требует не только самоотверженности, но и значительной доли самоотречения и умения воздерживаться от посторонних дел [2].

В этой связи стоит упомянуть классическое утверждение Ф. Ницше относительно того, что любое овладение знанием требует самостоятельности, достичь которую можно, только получив собственный опыт радикального сознательного уединения [12].

Таким образом, можно говорить о том, что если научная школа представляет собой сообщество, то сообщество весьма специфическое, а именно сообщество автономно мыслящих исследователей, сознательно принимающих правила сосуществования и этики, сформулированные в рамках научной школы, рассматривая науку не только как смысл профессиональной деятельности, но и как смысл жизни.

Соответственно, высокий морально-нравственный авторитет учёного является важным аспектом повышения статусной роли науки и научных школ в общественном сознании. Кроме того, необходимо понимать, что именно наличие научных школ формирует основания для того, чтобы научный образ мышления и высокий статус научного знания обрели в современном мире, насыщенном информацией разной степени достоверности, авторитет, формирующий в обществе уважение к научному факту, обоснованному и доказанному представителями научных школ.

Уточнение признаков научной школы, определяющих её роль в статусной системе познания

Развитие современной человеческой цивилизации оказывает существенное воздействие и на процессы, характеризующие развитие научных школ, что ведёт к появлению новых признаков, характеризующих их деятельность (кроме приведённых выше), которые определяют высокий статус научных школ в современном мире.

Анализ работ [1; 5; 6; 8; 10; 13; 14] показывает, что к таким признакам можно отнести: – способность научных школ довести полученные научные результаты до уровня НИОКР, коммерциализировать полученные теоретические результаты в форме

окончательного продукта, продукции, технологии. Данная способность отражает важнейшую черту научных школ эпохи развитого капитализма (который является доминирующей социально-экономической формацией во всём мире, в том числе и в России) – стремление к получению финансово-экономической независимости с целью осуществления свободного научного поиска. В начале XXI столетия научные школы активно включаются в практическую деятельность, стремясь довести полученные научные результаты до уровня прокторского применения, имея ввиду технологическое воплощение полученных научных результатов, их коммерциализацию (к сожалению, данный признак научных школ успешно реализуется на Западе (напр. научные школы С. Паабо (химия-фармация), Р. Пенроуза (квантовая физика-физиология мозга); Б. Листа (химия-асимметричный органокатализ), однако в России результаты, полученные в рамках деятельности научных школ, редко находят своё практическое воплощение; при этом отметим, что и те научные школы, которые в настоящее время не имеют выхода на практические результаты, стремятся коммерциализировать свою деятельность за счет участия в различных социально-значимых проектах, популяризирующих науку, издавая научных монографий, организации лекций и т. д.);

- популяризацию собственных научных достижений, которые формирует ещё одну черту современных научных школ, а именно способность создавать научные материалы, которые имеют как научно-популярный, так и узко научный интерес, т. е. интерес для специалистов в той или иной области. Иными словами, в настоящее время формируется признак коммуникативной универсальности научных школ, способных эффективно коммуницировать как с обычными гражданами, так и с научным сообществом;

- внимание научных школ к результатам своей деятельности, имея виду их стремление к тому, чтобы теоретические разработки не несли существенного вреда для экологии, гуманитарной сферы, нравственности и не нарушали естественного порядка мироздания. Отсюда весьма сдержанное отношение передовых научных школ, например, к таким вопросам, как клонирование, искусственный интеллект и т. д.;

- обретение научными школами на сегодняшний день нового функционального содержания и нового статуса, по сути, генераторов теоретических идей, имеющих прикладное значение. Однако вновь обратим внимание на то, что практический характер научных школ не снижает их важности как школ развития науки в том смысле, что передовые научные школы формируют образцы научной этики, методологии научного поиска, организации коллектива учёных, педагогической деятельности и т. д.

В этом смысле научные школы следует рассматривать как «инкубаторы», в которых формируется наука как форма продуктивной деятельности личности, стремящейся удовлетворить свои личные потребности в научном творчестве, в познании истины и общественные интересы, связанные с использованием результатов труда учёных [8].

В целом мы можем говорить о том, что научная школа в наиболее общем определении является социальным институтом передачи традиций и знаний, накопленных в области научной деятельности, безусловной ценностью которого является стремление к истине, и эта ценность формирует в обществе статус высокого научного знания и авторитет науки, в целом.

При этом традиции и знания рассматриваются как основа творчества, осознанного и рационального объяснения объективно существующих законов и закономерностей с целью познания истины. «Истина» как безусловная ценность определяет степень «научности» школы, а без стремления и приближения к истине школа представляет собой что угодно, но только не науку, поскольку теряется целевая её функция, удовлетворяющая социальные потребности общества в познании фактов человеческого бытия.

В этом смысле данная статья представляется весьма актуальной, поскольку даёт основу для дальнейшего исследования вопросов, связанных с разграничением «ис-

тинных научных школ» и «лженаучных школ», которые в XXI столетии существенным образом дискредитируют высокий статус современной науки.

Заключение

Таким образом, характерным признаком развития науки (в исторической ретроспективе, а также на современном этапе) является существование научных школ, уникальных коллективных образований, целью создания которых является познание истины, формирование новых идей, научных взглядов, трансляция полученных результатов в общественное сознание, в социальную и производственную практику.

Данный феномен оказывает определяющее влияние на статусную роль науки в современном обществе, формируя в общественном сознании образ науки как важного элемента общественного прогресса.

В настоящее время научные школы, обретая новые черты, тем не менее, по-прежнему выступают центрами концентрации творческой энергии учёных, наиболее активного их влияния на общественный прогресс, формируя высокий статус современной науки.

Сам факт существования различных школ в науке обусловлен историко-культурными особенностями её развития, различиями в понимании предмета и метода объекта исследования, неодинаковой глубиной и разной степенью осмысления и разработки изучаемых проблем. В то же время не подлежит сомнению, что высокий статус современных научных школ является самым надёжным основанием для повышения авторитета науки, что определяет диалектическую взаимосвязь статусных отношений между наукой, как высшей формой познания истины, и научными школами, как институциональными сегментами современной науки.

Статья поступила в редакцию 05.04.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аузан А. А., Курдин А. А. Институциональный аспект эволюции научных школ // Проблемы прогнозирования. 2022. С. 91–100.
2. Вебер М. О внутреннем призвании к науке // Вебер М. Избранные произведения / сост. Ю. Н. Давыдов. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
3. Гостев Р. Г. Научно-педагогические школы России в контексте Русского мира и образования // БЕРЕГИНЯ.777.СОВА. 2017. № 3. С. 247–259.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. Л. Б. Гофмана. М.: Наука, 1991. С. 5–380.
5. Иванова С. В. Научная школа: цели, преимущества и риски институционализации // Ценности и смыслы. 2022. № 1. С. 6–27.
6. Ковалёв А. В. Институциональные аспекты деятельности научной школы // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2020. Т. 30. № 2. С. 208–216.
7. Кребс Г. Становление учёного // Природа. 1969. № 3. С. 53–59.
8. Кузнецова Н. И. Параметры научной школы: к постановке проблемы // Проблемы деятельности учёного и научных коллективов. 2022. № 4. С. 261–268.
9. Кун Т. Логика открытия или психология исследования? // Кун Т. Структура научных революций / сост. В. Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003. С. 539–576.
10. Николов Н. О. Научная школа как перспективный уровень развития научно-исследовательского коллектива // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2021. № 4. С. 113–125.
11. Ницше Ф. Веселая наука // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3 / пер.

- В. М. Бакусева, К. А. Свасьяна. М.: Культурная революция, 2014. С. 313–596.
12. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4 / пер. Ю. М. Антоновского. М.: Культурная революция, 2007. С. 11–330.
 13. Соловей А. П. Научная школа в системе факторов повышения // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2022. № 3. С. 268–278.
 14. Шадже А. Ю. Междисциплинарная методология в научной школе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2021. № 4. С. 85–94.
 15. Шелер М. Проблемы социологии знания / пер. А. Н. Малинкина. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. 320 с.
 16. Popper K. Normal Science and its Dangers // Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge, Cambridge University Press, 1970. P. 51–58.
 17. Weisskopf V. F. Knowledge and Wonder: The Natural World as Man Knows It. New York: Anchor Books, 1966. 282 p.

REFERENCES

1. Auzan A. A., Kurdin A. A. [Institutional Aspect of the Evolution of Scientific Schools]. In: *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], 2022, pp. 91–100.
2. Weber M. Inneren Berufe zur Wissenschaft (Rus. ed.: Davydov Yu. N., comp. *O vnutrennem prizvanii k nauke*). In: Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Collected Works]. In: Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 707–735.
3. Gostev R. G. [Scientific and Pedagogical Schools of Russia in the Context of the Russian World and Education]. In: *Amulet.777.Sova* [BEREHINYA.777.Owl], 2017, no. 3, pp. 247–259.
4. Durkheim E. De la division du travail social (Rus. ed.: Fofman L. B. transl. *O razdelenii obshchestvennogo truda*). In: Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [De la division du travail social]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 5–380).
5. Ivanova S. V. [Scientific school: goals, advantages and risks of institutionalization]. In: *Tsennosti i smysly* [Values and meanings], 2022, no. 1, pp. 6–27.
6. Kovalev A. V. [Institutional Aspects of the Activity of a Scientific School]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo* [Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law], 2020, vol. 30, no. 2, pp. 208–216.
7. Krebs G. [Becoming a scientist]. In: *Priroda* [Nature], 1969, no. 3, pp. 53–59.
8. Kuznetsova N. I. [Parameters of a Scientific School: Problem Statement]. In: *Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnykh kolektivov* [Problems of the Activity of a Scientist and Scientific Teams], 2022, no. 4, pp. 261–268.
9. Kuhn T. The Logic of Discovery or Psychology of Research? (Kuznetsov V. Yu., comp. *Logika otkrytiya ili psikhologiya issledovaniya?*). In: *Struktura nauchnykh revolyutsij* [The Structure of Scientific Revolutions. Moscow, AST Publ., 2003. 608 p.).
10. Nikolov N. O. [Scientific school as a promising level of development of a scientific research team]. In: *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov* [Scientific Support of the System of Personnel Training], 2021, no. 4, pp. 113–125.
11. Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft (Rus. ed.: Bakusaev V. M., Svas'yan K. A., transl. *Vesjolaya nauka*). In: Nietzsche F. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 3* [Collected Works. Vol. 3]. Moscow, Kulturnaya revolyutsiya Publ., 2014, pp. 313–596).
12. Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen (Rus. ed.: Antonovsky Yu. M., transl. *Tak govoril Zarathustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo*). In: Nietzsche F. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 4* [Collected Works. Vol. 4]. Moscow, Kulturnaya revolyutsiya Publ., 2007, pp. 11–330).
13. Solovej A. P. [Scientific School in the System of Factors of Improvement]. In: *Problemy*

deyatelnosti uchenogo i nauchnykh kolektivov [Problems of the Activity of a Scientist and Scientific Teams], 2022, no. 3, pp. 268–278.

14. Shadzhe A. Yu. [Interdisciplinary methodology in a scientific school]. In: *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [Bulletin of Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies], 2021, no. 4, pp. 85–94.
15. Scheler M. Die Probleme der Wissenssoziologie (Rus. ed.: Malinkin A. N., transl. *Problemy sotsiologii znaniya*. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovanij Publ., 2011, 320 p.).
16. Popper K. Normal Science and its Dangers. In: *Criticism and the Growth of Knowledge*. Cambridge, Cambridge University Press, 1970, pp. 51–58.
17. Weiskopf V. F. Knowledge and Wonder: The Natural World as Man Knows It. New York, Anchor Books, 1966. 282 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Заборовский Евгений Юрьевич – аспирант кафедры экономического и финансового образования Государственного университета просвещения;

Толмачев Олег Михайлович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономического и финансового образования Государственного университета просвещения;

e-mail: oltom@inbox.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Evgeny Y. Zaborovsky – Postgraduate Student, Department of Economic and Financial Education, State University of Education;

Oleg M. Tolmachev – Cand. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Department of Economic and Financial Education, State University of Education;

e-mail: oltom@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Заборовский Е. Ю., Толмачев О. М. Научные школы как отражение концептуальных статусов науки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 15–24.

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-15-24

FOR CITATION

Zaborovsky E. Yu., Tolmachev O. M. Scientific Schools as a Reflection of the Conceptual Statuses of Science. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2023, no. 2, pp. 15–24.

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-15-24

УДК 330.341.2

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-25-34

ЭФФЕКТИВНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ОСНОВА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ЕЁ ПЕРЕХОДА НА НОВЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД

Маньковский И. А.*Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Минский филиал
220070, г. Минск, ул. Радиальная, д. 40, Республика Беларусь*

Аннотация

Цель. Определить институциональные условия, формирование которых необходимо для преодоления негативных факторов, оказывающих влияние на развитие экономики России, в том числе на процессы её цифровой трансформации и переход на новый технологический уклад, вызванных экономическим давлением недружественных стран, в том числе беспрецедентными антироссийскими санкциями.

Процедура и методы. Теоретической основой исследования послужили научные труды, выполненные в области экономической теории. В ходе исследования применены следующие научные методы: сравнительного анализа, индукции, дедукции.

Результаты. В ходе исследования установлено, что экономика Российской Федерации развивается в условиях экономического давления недружественных стран, которое способно оказать негативное влияние на процесс цифровой трансформации экономики и её последующий переход на новый технологический уклад. В складывающихся геополитических условиях особое значение для преодоления имеющих место негативных факторов имеет соответствующая требованиям времени институциональная структура России. Основное значение предаётся политической и экономической системам, а также применяемой для разработки экономической политики государства экономической теории.

Теоретическая и/или практическая значимость. На основании проведённого исследования политическая и экономическая системы определены как системообразующие элементы институциональной структуры России. В политической системе России предложено выделить два блока: государственный блок и блок, составляющий российское общество. Установлено, что два блока политической системы представляют две противопоставленные группы интересов: публичные и частные. В качестве теоретической основы государственной экономической политики доказана необходимость применения институциональной экономической теории. Результаты исследования вносят определённый вклад в развитие теории институционализма.

Ключевые слова: геополитика, институциональная среда, институциональная структура, политическая система, санкции, цифровая трансформация, экономическая политика, экономическая теория

EFFECTIVE ECONOMIC POLICY AS THE BASIS FOR THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ECONOMY AND ITS TRANSITION TO A NEW TECHNOLOGICAL WAY

I. Mankovsky*Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov, Minsk branch
ul. Radialnaya 40, Minsk 220070 Republic of Belarus*

Abstract.

Aim. To determine the institutional conditions, the formation of which is necessary to overcome the negative factors influencing the development of the Russian economy, including the processes of its digital transformation and the transition to a new technological order, caused by the economic pressure of unfriendly countries, including unprecedented anti-Russian sanctions.

Methodology. The theoretical basis of the study was scientific works carried out in the field of economic theory. In the course of the study, the following scientific methods were applied: comparative analysis, induction, deduction.

Results. The study found that the economy of the Russian Federation is developing under the economic pressure of unfriendly countries, which can have a negative impact on the process of digital transformation of the economy and its subsequent transition to a new technological order. In the prevailing geopolitical conditions, of particular importance for overcoming the existing negative factors is the institutional structure of Russia that meets the requirements of the time. The main importance is given to the political and economic system, as well as the economic theory used to develop the economic policy of the state.

Research implications. On the basis of the study, the political and economic systems are defined as the backbone elements of the institutional structure of Russia. In the political system of Russia, it is proposed to single out two blocks: the state block and the block constituting the Russian society. It has been established that two blocks of the political system represent two opposing groups of interests: public and private. As a theoretical basis of the state economic policy, the necessity of applying the institutional economic theory is substantiated. The results of the study make a certain contribution to the development of the theory of institutionalism.

Keywords: geopolitics, institutional environment, institutional structure, political system, sanctions, digital transformation, economic policy, economic theory

Введение

На современном этапе экономического развития Российской Федерации, а именно в период проведения цифровой трансформации национальной экономики с её последующим переходом на новый технологический уклад, особое значение приобретает процесс внедрения в экономику инновационных технологий и в целом развитие экономики как инновационной, в следствие чего, в том числе, должна быть достигнута цель трансформации всех секторов экономики и повышения её производительности, что отмечается в научной литературе [14, с. 43].

Вместе с тем сложившиеся геополитические условия функционирования российской экономики оказывают существенное влияние на эффективность её развития, в том числе на процессы цифровой трансформации, разработку и внедрение в экономику инноваций. Так, в настоящее время экономика Российской Федерации функционирует в условиях, во-первых, возрастающего влияния на экономическое развитие факторов политического свойства, которые выражаются в том, что некоторые государства применяют в отношении России непродуктивные с точки зрения взаимовыгодного экономического сотрудничества экономические методы, а также инструменты финансового, торгового, инвестиционного и технологического давления для решения своих геополитических и национальных задач [4, с. 179], угрожающих экономической безопасности России, и, во-вторых, беспрецедентных антироссийских экономических санкций. «Санкции, объявленные России ... свидетельствуют о том, что новый мировой порядок уже формируется. По мере их

воздействия на экономику России должна быть создана новая экономическая модель, которая не только сможет им противостоять, но и будет модератором многих мировых процессов» [2, с. 21]. Таким образом, в настоящее время национальная экономика Российской Федерации развивается под экономическим давлением недружественных стран, чем созданы в некотором роде чрезвычайные условия для её функционирования, что, в свою очередь, можно рассматривать как стимул для переориентации направлений развития экономики, макроэкономических предпочтений России, а также как существенное основание для скорейшего развития экономики инновационного типа.

Институциональные условия как основа преодоления негативных факторов в экономике

Преодоление названных негативных факторов, оказывающих влияние на процессы цифровой трансформации экономики, её инновационное развитие возможно в случае создания для этого институциональных условий, соответствующих требованиям времени:

- глобально – необходимо формирование институциональной структуры и далее институциональной среды Российской Федерации, соответствующей выбранному направлению социально-экономического развития, в том числе разработка новых приёмов и средств регулирования экономических отношений [8, с. 113]. При этом, в институциональной структуре следует выделить две основные (конституирующие) группы институтов: политические и экономические, эффективное взаимодействие которых друг с другом является неперенным условием поступательного развития как непосредственно национальной экономики, так и всего российского общества. По сути, политическая и экономическая системы как институты институциональной структуры должны быть квалифицированы как системоопределяющие [10, с. 85];

- в частности, во-первых, любые инновации, внедряемые в экономику, представляют собой продукт творческого труда человека, осуществлявшего научный поиск, что указывает на необходимость развития человеческого капитала, в том числе посредством совершенствования технологий высшего образования, и, во-вторых, для эффективного социально-экономического развития, включая цифровую трансформацию экономики, её развитие как экономики инновационного типа, переориентацию макроэкономических связей России и релокацию производств с планомерным переходом экономики на следующий технологический уклад, необходима разработка новой экономической политики.

Следует констатировать тот факт, что выбор направления экономического развития государства, содержание и качество новой экономической политики, необходимой для достижения поставленных в экономике целей, зависят от ряда факторов, и в первую очередь:

- от качества государственного управления, созданных в государстве политических и, как следствие, правовых условий, обеспечивающих свободу предпринимательства, устанавливающих разумную налоговую систему, создающих условия разработки и внедрения в экономику инноваций, а по сути, от качества институциональной структуры и, как следствие, институциональной среды Российской Федерации;

- от той экономической теории, которая будет выбрана в качестве научной основы разрабатываемой экономической политики.

Влияние политических институтов на экономическое развитие

Такие действия, как непосредственно выбор типа экономики, направлений её развития, желаемого технологического уклада и, далее, создание надлежащих правовых условий эффективной реализации выбранной экономической политики, входят в состав внутренних функций государства как политической системы управления обществом.

Политическая система Российской Федерации как институт институциональной структуры России включает в свой состав следующие элементы:

- государство, состоящее из органов государственного управления, создание которых предусмотрено Конституцией Российской Федерации (государственный блок политической системы);

- политические партии, не имеющие представительства в Государственной Думе Российской Федерации, профессиональные союзы, иные общественные объединения и граждан, не являющихся членами общественных объединений (блок политической системы, составляющий российское общество).

Таким образом, в структуре политической системы Российской Федерации в рамках институционального исследования необходимо выделить два блока политических сил, представляющих две противопоставленные группы интересов – публичные интересы и частные интересы. Публичные интересы представляет государственный блок, а частные – блок, составляющий российское общество.

При этом, государственный блок, являясь главным источником политической власти, официальным представителем российского общества в условиях закреплённой в Конституции России представительной демократии, обладающим в силу этого монопольным правом издания нормативных правовых актов, играет главную роль среди других компонентов политической системы [16, с. 19]. «Обеспечивая функционирование всей социально-экономической системы формальными институтами, государство реализует функции дискриминирующего монополиста» [3, с. 25]. В указанных институциональных условиях взаимодействия общества и государства российское общество должно выступать некоторым противовесом публичной власти, силой, направленной на достижение баланса публичных и частных интересов в процессе разработки и реализации государством социально-экономической политики.

Политическая система России оказывает прямое регулирующее воздействие на все социальные институты общества, в том числе на экономическое развитие, посредством управления практически всеми, в том числе и экономическими отношениями, включая процесс построения экономики инновационного типа. Непосредственно государственный блок политической системы «...разрабатывает государственную инновационную политику» [12, с. 17] и создаёт, в первую очередь, правовые, а также экономические условия её реализации.

Управление является одной из основных функций политической системы, активно взаимодействующей с другими социальными системами, и в первую очередь с правовой, служащей средством легализации политической воли, и экономической, создающей материальную основу существования государства, общества в целом и каждого его члена в отдельности.

В процессе государственного управления, осуществляемого в рамках политической системы, реализуется одно из главных требований общества – распределение национальных ресурсов, что в условиях развитых демократий происходит с применением партисипаторного бюджетирования при делиберативном принятии решений, что не присуще политической системе Российской Федерации.

Таким образом, от качества политической системы, в первую очередь её государственного блока, зависят качество и направления социально-экономического

развития России, в том числе содержание реализуемой экономической политики, а также выбор экономической теории в качестве научной основы разрабатываемой экономической политики.

Следует отметить тот факт, что в Российской Федерации в настоящее время существуют серьёзные проблемы, влияющие на динамику социально-экономического развития и характеризующиеся как хронические [1, с. 58]. «Одной из важнейших причин ... негативных тенденций ... является тотальная невосприимчивость современной российской экономики к инновациям, а порой их прямое отторжение», на что указывают в научной литературе [7, с. 359]. Приведённое утверждение можно признать обоснованным, а развивающиеся негативные тенденции вызванными наряду с ментальностью многонационального народа, проживающего на государственной территории России, неудовлетворительным качеством политической системы и, как следствие, принимаемых правящим истеблишментом решений в сфере государственного управления национальной экономикой. На основании выводов, сделанных в научной литературе, можно констатировать тот факт, что «...в Российской Федерации меры государственной поддержки и стимулирования внедрения инновационных продуктов, работ и услуг используются неэффективно» [12, с. 19]. При этом следует констатировать тот факт, что политическая система должна обеспечивать эффективное распределение ресурсов в процессе государственного управления практически всеми общественными отношениями, возникающими на государственной территории, и в первую очередь, национальной экономикой, не допуская при этом развития в обществе застойных явлений и деградации народа.

На основании изложенного и ранее проведённого исследования [11, с. 35-50] можно констатировать:

- факт высокой степени влияния политической системы и легализующей политическую волю системы права на развитие общества и, соответственно, государства, на направления и эффективность развития национальной экономики Российской Федерации;
- развитие некоторых негативных тенденций в политической системе как *совокупности политических институтов*;
- назревшую необходимость модернизации политической системы. При этом модернизацию следует проводить на основании методологии институциональной экономической теории, целесообразность применения которой обусловлена тем, что политическая система входит в институциональную структуру России и, что указывалось выше, должна быть признана одним из конституирующих элементов институциональной структуры наряду с системой экономической.

В ходе модернизации политической системе как элементу институциональной структуры должны быть приданы определённые качества, направленные на достижение в экономике баланса публичных и частных интересов, создание условия для формирования эффективной институциональной среды, что, в свою очередь, направлено на оптимизацию взаимодействия политических и экономических институтов, будет способствовать повышению эффективности национальной экономики России и последующей смене технологического уклада.

После модернизации политическая система должна обеспечивать наличие в России устойчивой (стабильной) совокупности политических партий, участвующих в политическом процессе в рамках представительной демократии, снижение трансформационных и транзакционных издержек функционирования политического процесса, безусловный контроль законодательной власти за действиями власти исполнительной, за ходом и качеством исполнения принимаемых решений,

в первую очередь в сфере управления национальной экономикой. По сути, модернизированная политическая система должна обеспечивать эффективность государственного управления при минимальных расходах общественных благ на содержание государственного аппарата и общественного контроля за выполнением государством возложенных на него функций.

Научная основа государственной экономической политики

В отношении экономической теории, которая должна служить научной основой государственной экономической политики в условиях цифровой трансформации и подготовки экономики к переходу на следующий технологический уклад, можно отметить следующее. В третьем десятилетии XXI в. в мировой, в том числе российской экономической науке, доминирующей признана неоклассическая экономическая теория, являющаяся преобладающим направлением развития экономической мысли, экономическим мейнстримом или ортодоксальной экономикой.

Так же следует констатировать тот факт, что неоклассическая парадигма рассматривает экономическую систему «...как совокупность взаимодействующих агентов, осуществляющих в свободном экономическом пространстве процессы производства, потребления, обмена и исходящих при этом из собственных интересов, понимаемых главным образом как максимизация прибыли от всех видов деятельности» [6, с. 5]. Главным отличительным признаком неоклассической экономической мысли выступает математика как инструмент построения теоретических моделей и тестирования их на предмет правильности при помощи инструментария математической статистики (эконометрики) [5, с. 31]. При этом математическое моделирование при построении теоретических моделей в экономике дает нам предполагаемую количественную оценку экономического развития, но упускает из виду качественную, что можно признать одним из факторов, влияющих на достоверность теоретических математических моделей. Изложенное позволяет принять высказанное в научной литературе предположение о том, что «... правящая экономическая парадигма не располагает инструментами для понимания основных факторов, делающих экономическое развитие таким не равномерным» [13, с. 77]. Долгое время экономическая теория «...развивалась в условиях усиливающегося давления математических методов и моделей, которые ... потребовали введения весьма жестких предпосылок ... не следующих из экономического содержания моделируемых процессов» [15, с. 5], в результате чего можно сделать вывод, что «... экономической науке стало тесно в рамках неоклассической парадигмы» [15, с. 5].

Выбирая экономическую теорию, подлежащую применению для разработки новой экономической модели в условиях цифровой трансформации экономики, необходимости переориентации макроэкономических предпочтений России и подготовки экономики к переходу на новый технологический уклад необходимо учитывать то обстоятельство, что интересы российского государства, в том числе охрана внешних границ, внутреннего правопорядка, оказание социальной поддержки малообеспеченным слоям населения и другие аналогичные интересы, включая процесс управления национальной экономикой, определяемые возложенными на государство функциями, зачастую не совпадают с интересами частными, интересами российского общества, отдельных его групп.

Изложенное позволяет утверждать о необходимости изменения подходов к научному анализу экономических отношений, в ходе которого следует учитывать все наиболее значимые социальные институты, и в первую очередь, политические, как институты, определяющие направления экономического развития, способные по-

средством разработки и введения в действие нормативных правовых актов создать условия для достижения поставленных в экономике целей либо, наоборот, парализовать деятельность экономических агентов, активизировать либо минимизировать коммерческий интерес к какому-либо виду предпринимательской деятельности.

Вышеназванными обстоятельствами обусловлена необходимость разработки такой государственной экономической политики, которая будет направлена на удовлетворение частных интересов, т. е. интересов различных слоёв российского общества, без ущерба для удовлетворения интересов публичных, обусловленных необходимостью государственного управления всеми процессами, развивающимися в государстве и обществе, и в первую очередь управления национальной экономикой, что возможно посредством применения методологии институциональной экономической теории, предполагающей междисциплинарный анализ складывающихся экономических отношений.

Применение междисциплинарного подхода позволит, во-первых, проводить всестороннюю объективную оценку всех фактически складывающихся в социуме и в первую очередь политических и правовых отношений, оказывающих в силу своей специфики наиболее существенное влияние на развитие экономических институтов в общем и поведение экономических агентов в частности, и, во-вторых, учесть общественный выбор, необходимость соблюдения баланса частных и публичных интересов [9, с. 58], а также степень влияния на экономические институты действующей модели государственного управления.

Заключение

В рамках проведённого исследования установлено, что государственное управление национальной экономикой России осуществляется политической системой, в структуре которой нами выделено два блока: государственный блок, представляющий публичные интересы и непосредственно оказывающий регулирующее воздействие на социально-экономическое развитие Российского государства и общества, и блок, составляющий российское общество и представляющий частные интересы. При этом определено, что блок политической системы, представляющий частные интересы, должен служить некоторым противовесом, сдерживающим фактором при принятии политических решений государственным блоком, что позволит достичь разумного баланса частных и публичных интересов в процессе распределения ресурсов и управления национальной экономикой. При этом для результативного проведения цифровой трансформации экономики и её последующего перехода на новый технологический уклад необходима соответствующая экономическая политика, основой которой должна служить современная экономическая теория, представляемая в настоящей статье институциональной экономической теорией, применяющей в качестве методологии экономического анализа междисциплинарный подход, учитывающий влияние на экономическое развитие практически всех наиболее значимых социальных институтов, получающих развитие в России: политических, включая правовые, экономических, ментальности многонационального народа России, существующих негативных тенденций, таких как коррупционные проявления в экономике, достаточно развитый у российского народа правовой нигилизм, возможное оппортунистическое поведение как государственных служащих, так и контрагентов по заключённым договорам, проявление которого не исключается в силу специфической ментальности субъектов экономической деятельности.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов Е. А., Ерзнкян Б. А. Системные принципы совершенствования стратегического управления: институциональный аспект // Экономическая наука современной России. 2021. № 2 (93). С. 57–71.
2. Андреев В. Ю. Анализ экономического взаимодействия России и Германии на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2022. № 2. С. 20–35.
3. Ваславский Я. И. Государство и институционализация «социального порядка» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2022. № 3. С. 21–28.
4. Вязкина И. В. Безопасность экономического развития Российской Федерации в условиях нарастания геополитических угроз // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 5. С. 178–189.
5. Заостровцев А. П. Неоклассический мейнстрим: торжество научного метода или нищета философии? // Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 2. С. 31–36.
6. Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. 240 с.
7. Красильников О. Ю. Инновационная невосприимчивость экономики России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21. № 4. С. 358–365.
8. Маньковский И. А. Институционализм как фундаментальная основа новой парадигмы социально-экономического развития // Социально-экономическое и экологическое развитие приграничного региона: возможности и вызовы: материалы III Международной научно-практической конференции, г. Смоленск, 8 ноября 2022 г. Смоленск: Издательство Смоленского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2022. С. 113–116.
9. Маньковский И. А. Институциональная экономическая теория в качестве научной основы перехода на новый технологический уклад: перспективы и условия применения // Экономическое возрождение России. 2022. № 4. С. 57–67.
10. Маньковский И. А. Политико-правовая система как основной институт институциональной экономической теории: проблемные вопросы влияния на развитие инновационной экономики // Теоретические и экспериментальные исследования в современной науке: материалы V Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, г. Пятигорск, 28–29 апреля 2022 г. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2022. С. 80–87.
11. Маньковский И. А. Политическая система и система права – основные социальные институты, влияющие на процесс построения инновационной экономики // Экономика. Право. Общество. 2022. Т. 7. № 1. С. 35–50.
12. Парникова М. П., Рубинштейн Е. Д., Урумова Ф. М. Инновационное развитие РФ: экономические инструменты государственной поддержки внедрения инноваций // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2022. № 1. С. 15–22.
13. Райнет Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. Н. Автономовой. М.: Высшая школа экономики, 2011. 384 с.
14. Расулинежад Э. Политика развития цифровой экономики в условиях пандемии коронавируса (на примере Ирана и России) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2021. № 1. С. 42–48.
15. Рубинштейн А. Я. Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное. М.: Институт экономики РАН, 2015. 52 с.
16. Силаев В. С. Структурные элементы политической системы общества (методологический анализ) // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 12 (90). С. 17–21.

REFERENCES

1. Agafonov E. A., Erznkyan B. A. [System principles of strategic management improvement: institutional aspect]. In: *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic Science of Modern Russia], 2021, no. 2 (93), pp. 57–71.
2. Andreyuk V. Yu. [Analysis of economic interaction between Russia and Germany at the present stage]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics], 2022, no. 2, pp. 20–35.
3. Vaslavskiy Ya. I. [State and institutionalization of “social order”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics], 2022, no. 3, pp. 21–28.
4. Vyakina I. V. [Security of economic development of the Russian Federation in conditions of increasing geopolitical threats]. In: *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2016, no. 5, pp. 178–189.
5. Zaoostrovsev A. P. [Neoclassical mainstream: triumph of scientific method or poverty of philosophy?]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University], 2013, iss. 2, pp. 31–36.
6. Kleiner G. B. *Evolutsiya institutsional'nykh sistem* [Evolution of institutional systems]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 240 p.
7. Krasil'nikov O. Yu. [Innovation resistance of the Russian economy]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [News of Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law], 2021, vol. 21, no. 4, pp. 358–365.
8. Mankovskiy I. A. [Institutionalism as a fundamental basis of a new paradigm of socio-economic development]. In: *Sotsial'no-ekonomicheskoe i ekologicheskoe razvitiye prigranichnogo regiona: vozmozhnosti i vyzovy: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii, g. Smolensk, 8 noyabrya 2022 g.* [Socio-economic and ecological development of the border region: opportunities and challenges: materials of III international scientific and practical conference, Smolensk, November 8, 2022]. Smolensk, Smolensk Branch of REU im. G. V. Plekhanova Publ., 2022, pp. 113–116.
9. Mankovskiy I. A. [Institutional economic theory as a scientific basis for transitioning to a new technological structure: prospects and conditions of application]. In: *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic Revival of Russia], 2022, no. 4, pp. 57–67.
10. Mankovskiy I. A. [Political and legal system as the main institution of institutional economic theory: problems of influence on the development of innovative economy]. In: *Teoreticheskie i eksperimental'nye issledovaniya v sovremennoy nauke: materialy V Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferencii, Pyatigorsk, 28–29 aprelya 2022 g.* [Theoretical and Experimental Research in Modern Science: V All-Russian Scientific and Practical Conference (with International Participation), Pyatigorsk, April 28–29, 2022]. Stavropol, Design-studiya B Publ., 2022, pp. 80–87.
11. Mankovskiy I. A. [Political system and legal system as the main social institutions affecting the process of building an innovative economy]. In: *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo* [Economy. Law. Society], 2022, vol. 7, no. 1, pp. 35–50.
12. Parnikova M. P., Rubinshteyn E. D., Urumova F. M. [Innovative development of the Russian Federation: economic instruments of state support for innovation implementation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics], 2022, no. 1, pp. 15–22.
13. Reinert E. S. How Rich Countries Got Rich... And Why Poor Countries Stay Poor (Rus. ed.: Avtonomova N., transl. *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi*. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2011. 384 p.).
14. Rasilynezhad E. [Policy of digital economy development during the coronavirus pandemic (on

- the example of Iran and Russia)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics], 2021, no. 1, pp. 42–48.
15. Rubinshteyn A. Ya. *Teoriya opekayemykh blag i paternalizm v ekonomicheskikh teoriyakh: obshcheye i osobennoe* [Theory of merit goods and paternalism in economic theories: common and peculiar]. Moscow, Institute of Ekonomiks of RAS Publ., 2015. 52 p.
16. Silaev V. S. [Structural elements of the political system of society (methodological analysis)]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2007, no. 12 (90), pp. 17–21.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маньковский Игорь Александрович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Минского филиала Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова;
e-mail: Mankovskiy.IA@rea.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor A. Mankovsky – Cand. Sci (Law), Assoc. Prof., Deputy Director, the Minsk Branch of Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: Mankovskiy.IA@rea.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маньковский И. А. Эффективная экономическая политика как основа цифровой трансформации экономики и её перехода на новый технологический уклад // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 25–34.
DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-25-34

FOR CITATION

Mankovsky I. A. Effective Economic Policy as the Basis for the Digital Transformation of the Economy and its Transition to a New Technological Way. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2023, no. 2, pp. 25–34.
DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-25-34

УДК 331.5

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-35-47

CONTRIBUTION OF TAJIK LABOR MIGRANTS TO THE ECONOMY OF OECD COUNTRIES AND TAJIKISTAN

A. Rakhmonov, V. Ledeneva, Sh. Akramov

*Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS)
ul. Fotievoy 6/1, Moscow 119333, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the channels and scale of emigration from Tajikistan to the OECD countries, as well as to determine the contribution of Tajik emigrants to the economy of Tajikistan and the OECD countries.

Methodology. During the research two methods were used: 1) the economic and statistical method; 2) the method of conducting interviews with experts.

Results. The article discusses the scale of emigration from Tajikistan to the EERS countries, internal and external factors that caused the reorientation of the flow of labor migrants from Tajikistan to a new direction - the OECD countries in the mid-2010s. As well as the economic contribution of labor migration from Tajikistan to the economy of the host countries by the method of assessing wages in GDP and to the economy of Tajikistan itself by the method of assessing the contribution of remittances to GDP.

Research implications. The conducted research expands the idea of emigration from Tajikistan to a new direction of the OECD country. The practical significance of the study is that certain provisions of the work can be used in the work of the authorities of the Republic of Tajikistan, the OECD countries, as well as the Russian Federation, when making decisions regarding labor migration and some other areas of the economy.

Keywords: emigration, remittances, Tajikistan, OECD, labor migration, GDP, Russia

ВКЛАД ТАДЖИКСКИХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В ЭКОНОМИКУ СТРАН ОЭСР И ТАДЖИКИСТАНА

Рахмонов А. Х., Леденева В. Ю., Акрамов Ш. Ю.

*Институт демографических исследований – обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской
академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН)
119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить каналы и масштабы эмиграции из Таджикистана в страны ОЭСР, а также определить вклад таджикских эмигрантов в экономику Таджикистана и стран ОЭСР.

Процедура и методы. В ходе исследования были использованы два метода: 1) экономико-статистический метод; 2) метод проведения интервью с экспертами.

Результаты. В работе рассматриваются масштабы эмиграции из Таджикистана в страны ОЭСР, внутренние и внешние факторы, обусловившие в середине 2010-х гг. переориентацию потока трудовых мигрантов из Таджикистана на новое направление – страны ОЭСР, а также экономический вклад трудовой миграции из Таджикистана в экономику принимающих стран по методу оценки зарплаты в ВВП и в экономику самого Таджикистана по методу оценки вклада денежных переводов в ВВП.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование расширяет представление об эмиграции из Таджикистана в новое направление страны ОЭСР. Практическая значимость исследования состоит в том, что отдельные его положения могут быть использованы в работе органов власти Республики Таджикистан, стран ОЭСР, а также РФ при принятии решений относительно трудовой миграции и некоторых других сфер экономики.

Ключевые слова: эмиграция, денежные переводы, Таджикистан, страны ОЭСР, трудовая миграция, ВВП, Россия

Introduction

The main reasons for labor migration from the Republic of Tajikistan have socio-economic and demographic conditionality. The development of the economy of the Republic of Tatarstan in the post-Soviet period is accompanied by the crisis state of its labor market. Unemployment during this period reaches 30% of the total economically active population in the republic. In addition, the low wages of the employed population, which does not cover the cost of the consumer basket, is the cause of hidden unemployment. This situation generates poverty, the level of which, according to 2009, is 39%) of the total population. This indicator is the highest in the CIS countries [5].

The labor market of Tajikistan in the post-Soviet period is experiencing a deep crisis. The reason was that in the new conditions in the country, the problems of an economic and social nature have sharply worsened. Industrial enterprises ceased to function, numerous state institutions were closed, the main branch of the economy - agriculture, as well as the sphere of transport and communications - were particularly affected. Russia and other CIS countries have become the main channels of emigration from Tajikistan [6].

But, in recent years, migration flows from Tajikistan have been reoriented to new directions and regions. These changes are due to several economic and geopolitical factors. The fall in the ruble exchange rate and the decline in wages in rubles, the tightening of migration policy in Russia and Kazakhstan partially forced labor migrants to look for new migration directions at the head of the OECD countries [1]. As a result, the trend of reorientation of the flow of labor migrants to new directions is gradually gaining strength. Given the volume of labor resources and the importance of Tajikistan in the Eurasian migration subsystem, the reorientation of the flow of labor migrants to new directions in the near future may be fraught with significant losses for the labor markets of Russia and Kazakhstan [5].

External factors of reorientation and the scale of emigration from Tajikistan to the OECD countries

Various crises in Russia, ranging from the currency crisis to COVID-19, as a result of which migrants from Tajikistan lost their jobs or their wages were reduced, as well as new sanctions from the EU and the United States against Russia caused the reorientation of Tajik emigrants from the Russian labor market to a new direction of labor emigration in the OECD countries. The Organization for Economic Cooperation and Development

(OECD) consists of 37 States, including most EU member States, as well as the United States, Canada, Japan and the Republic of Korea. The OECD member states account for about 60% of global GDP¹. In recent years, it is the OECD countries that are becoming new areas of labor emigration for citizens of Tajikistan. In addition to the external factor, internal factors, such as the popularization of the English language in Tajikistan among young people, high wages in OECD countries compared to Russia have influenced emigration in the OECD countries [4].

2001–2019 approximately 137.9 thousand citizens of Tajikistan left for the OECD countries (table 1).

Table 1

The scale and channels of emigration from Tajikistan to OECD countries in 2001–2019, people

	USA				Canada		EU			Republic of Korea and Japan
	Green Card Lottery	Immigration visas	Non-immigration visas	Refugees	Immigration visas	Refugees	Schengen visa	Refugees	Educational program «Erasmus»	Immigration visas
Since 2001 to 2005	423	333	10771	595	1340	410	-	2478	-	543
Since 2006 to 2010	813	528	11381	594	940	319	2449	2472	-	935
Since 2011 to 2018	4790	3062	23968	3618	520	485	28362	15832	70	3217
2019	1401	1067	4487	806	-	66	5367	3424	18	-
Total:	7427	4990	50607	5613	2800	1280	36178	24206	88	4695

Source: compiled by the authors based on data^{2, 3, 4, 5, 6, 7, 8}.

¹ List of Member OECD Countries [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.oecd.org/about/members-and-partners> (дата обращения: 23.01.2021).

² OECD data [Электронный ресурс]. URL: <https://stats.oecd.org> (дата обращения: 03.04.2021).

³ The Data of the Korean Statistical Information Service [Electronic resource]. URL: <http://www.kostat.go.kr/eng> (дата обращения: 28.03.2021).

⁴ Data on "Schengen Visa Statistics" by Countries [Электронный ресурс]. URL: <https://statistics.schengenvisa.info.com/> (дата обращения: 07.01.2021).

⁵ UNHCR Data [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unhcr.org> (дата обращения: 23.02.2021).

⁶ Data from the Canadian National Statistics Agency [Электронный ресурс]. URL: <https://www12.statcan.gc.ca> (дата обращения: 05.01.2021).

⁷ Data of the State Licensed Immigration Service US Green Card Service GmbH. Green Card Lottery Winners' Statistics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.green-card.com/winner-statistics> (дата обращения: 28.07.2021).

⁸ Data from the US Department of State [Электронный ресурс]. URL: <https://travel.state.gov/content/travel/en/legal/visa-law0/visa-statistics.html> (дата обращения: 13.06.2021).

Tajik migrants went to OECD countries by different channels. Based on the tab. 1, we can conclude that in the United States for 2001 – 2019, citizens of Tajikistan most of all traveled through non-immigration visas (tourist, business, educational, etc.) – 64.6%, the green card lottery – 15.9%, refugees – 11.1%, immigration visas – 8.5%. To Canada, immigration visas – 40%, refugees – 52%, etc. To European countries, the main channels of migration were the Schengen visa – 51.8%, refugees – 30.1%, etc. For 2001 – 2019. The inflow of migrants from Tajikistan to the Republic of Korea and Japan amounted to 4695 people.

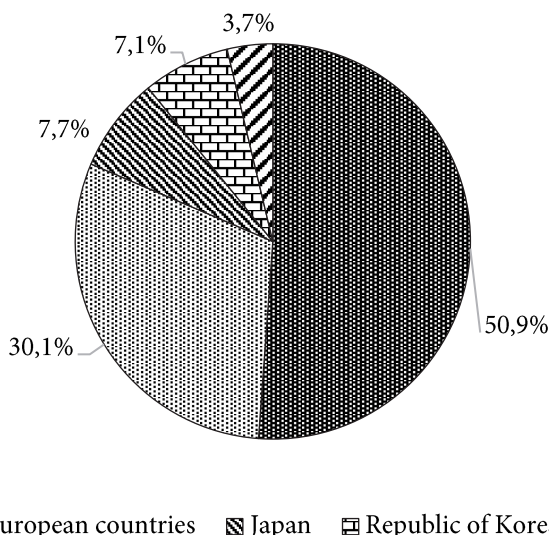


Fig. 1. Geography of employment and settlement of emigrants from Tajikistan to the OECD countries in 1992-2018, %

Source: compiled by the authors based on data¹.

According to the OECD, among the OECD countries, Tajiks migrated most to Western and Eastern Europe – 51%, followed by the United States – 30%, then Canada – 8%, Japan – 7% and Korea – 4%. Other OECD countries, such as Australia, Israel, Mexico, and Tajiks visited the least, for various reasons, either because of difficulties in emigration channels, or because of a shortage of jobs, or because of high requirements for emigrants to the labor markets of these countries.

In the Republic of Tajikistan, in addition to private agencies, there are also many State employment agencies. This means that the state of Tajikistan itself is interested in reorienting from Russia and Kazakhstan to search for new countries for the employment of its citizens. Among the OECD countries, the Republic of Tajikistan has now concluded an employment agreement with Poland, Turkey and the Republic of Korea.² Compared to Russia, OECD countries are interested in attracting and retaining migrants from Central Asian countries. For example, in Germany there is a law according to which, if foreign citizens who have graduated from a university in Germany, the government will give them 18 months to find a job in the country, after searching they can get a German work visa.³

¹ OECD data [Электронный ресурс]. URL: <https://stats.oecd.org> (дата обращения: 15.08.2021).

² Шодмон Я. Минтруда: всё больше таджикистанцев ищут работу в Турции и Польше [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.ozodi.org/a/29761680.html> (дата обращения: 15.02.2022).

³ Initiatives of Germany to Attract Foreign Students [Электронный ресурс] // Accreditation in Education. Information and Analytical Journal. URL: https://akvobr.ru/iniciativy_germanii_po_privlecheniyu_inostrannyh_studentov.html# (дата обращения: 02.09.2022).

Based on this, we can say that the OECD countries may soon become new areas of labor emigration for a large part of Tajik citizens.

Contribution of migrants from Tajikistan to the economy of OECD countries

The adaptation of migrants is accompanied by some difficulties. Job search is the main one, which usually takes several months. But as a result, most migrants find jobs. Many open their own businesses, primarily those who previously had their own business [10]. In adaptation to the OECD countries, including on their labor markets, first of all, Tajik citizens are primarily helped by other compatriots who live in these countries and the Tajik Diasporas in the OECD countries [4].

Migration from Tajikistan to the OECD countries is long-term, so based on this, we calculated the share of wages of Tajik migrants in the GDP of the recipient countries. The share of wages of Tajik migrants in the GDP of the OECD countries in 2019 was 0.007%. So far, this contribution is insignificant, but as the number of migrants focused on long-term and permanent migration increases, it will grow (table 2).

Table 2

The share of wages of Tajik migrants in the GDP of recipient countries in 2019

Country	Average salary of Tajik migrant		Total number of migrants in 2019, thousand people	Total nominal wages of the employed population in the country's economy for 2019, USD million	Host countries' GDP for 2019, billion USD	Migrant earnings as a percentage of GDP, %
	per month, USD	per year, USD				
Germany	2474,7	29696,4	26	772,1	3,861	0,02
Russia	393,4	4720,8	2652	12519,56	1,7	0,73
Canada	2800	33600	24	806,4	1,736	0,05
Turkey	280	3360	2,64	8,87	0,761	0,0012
Kazakhstan	205	2460	39	95,94	0,181	0,053
OECD	1770	21240	90	1911,6	28,9	0,007

Source: compiled by the authors based on data^{1, 2, 3, 4, 5}.

In this table, we have reviewed the average salary of Tajik migrants in all recipient countries based on different sources for 2019. We calculated the average salary of Tajik migrants in Germany based on the Tajik migrant blogger "BORODA TJ", who has been working in Germany for a long time⁶. For Russia, we used data from "RIA NOVOSTI"⁷. For Canada, we have compiled the average salary of Tajik migrants based on data from

¹ OECD data [Электронный ресурс]. URL: <https://stats.oecd.org> (дата обращения: 18.02.2021).

² Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения: 18.08.2021).

³ World Bank Data [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org> (дата обращения: 07.06.2021).

⁴ Data from the Canadian National Statistics Agency [Электронный ресурс]. URL: <https://www12.statcan.gc.ca> (дата обращения: 13.05.2022).

⁵ Joshua Project Data [Электронный ресурс]. URL: <https://joshuaproject.net> (дата обращения: 15.09.2021).

⁶ BORODA TJ. Ойлик дар Германия ва дигар саволҳо [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JErDvrmf8&t=86s> (дата обращения: 13.05.2022).

⁷ Lisitsyn P. Tajiks in Russia Receive Less than Other CIS Migrants // RIA Novosti [Электронный ресурс]. URL: <https://sn.ria.ru/20170815/1500391836.html> (дата обращения: 24.06.2021).

reviews of migrants from CIS countries in the field of handymen¹. For Turkey, we used the reviews of several Tajik migrants who work in Turkey². For the OECD countries, the average wage and the total number of migrants were determined based on different sources.

In our work, we first found the average monthly salary, then multiplied it by 12 months and got the average salary for the year. Then, to find the total nominal salary of the country's population employed in the economy, we need to multiply the total inflow of Tajik migrants in 2019 by the average salary of Tajik migrants for the year.

The share of wages in the country's GDP (wage intensity of GDP) is equal to the ratio of the amount of the national salary of the population employed in the economy to the size of the national GDP.

Salary intensity of GDP = $1 / \text{Salary output in the economy (SOIE)}$,
where $\text{SOIE} = \text{GDP} / \text{wages of the employed in the economy}$.

For example, for Germany, GDP for the year is equal to 3.861 trillion us dollars, wages of employed Tajik migrants in the economy = 772.1 million us dollars. The salary return will be equal to 5001 (3.861 billion / 772.1 million) USD. Wage intensity of GDP (Share of wages in GDP) = 0.02% ($(1/5001) * 100\%$). That is, in 2019, the earnings of Tajik migrants amounted to 0.02% of Germany's GDP.

As a result, it was found that the share of wages of Tajik migrants in the GDP of the OECD countries is insignificant, it is 6 times less than in Russia, but the number of Tajik migrants in the Russian Federation is 20 times more than in the OECD countries. All of this suggests higher incomes for Tajik migrants in the OECD countries, due to their high qualifications, and will ultimately only contribute to the growth of long-term strategies among migrants. For example, the average wage of a Tajik migrant in OECD countries is \$ 1,770.

The impact of remittances from Tajik migrants from OECD countries on the economy of Tajikistan

After gaining independence, a civil war broke out in the Republic of Tajikistan, and the consequence of the civil war led to the destruction of infrastructure, factories, enterprises, as well as large outflows of refugees [2]. Remittances of labor migrants have become the main revenues of the country's budget [9].

Tajikistan is one of the leading countries in the world with a high share of migrant remittances in the structure of gross domestic product. For example, at the beginning of the global crisis, in 2008 (table 3), 49% of Tajikistan's GDP was accounted for by migrant remittances [4]. Of course, in this situation, Tajikistan is very dependent on the external environment, the demand for migrant labor in the world labor market, the stability of the national currencies of the recipient countries of Tajik migrants in relation to the US dollar, and the foreign policy situation.

From the OECD countries, Tajik migrants transferred about 1.553 billion US dollars to their homeland in 2010-2018 (table 3).

¹ Work in Canada. Jobs and Vacancies Abroad [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IYpyNa-o2jQ&t=43s> (дата обращения: 13.09.2021).

² Захар Тj. Турцияда ойлик квартира кор чансумай [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=KG_NDrqfVic&t=177s (дата обращения: 18.08.2021).

Table 3

Remittances of Tajik migrants from the OECD countries to the economy of Tajikistan in 2010–2018

Year	Volume of remittances to Tajikistan, USD million	Share of Tajikistan's GDP from remittances, %	Volume of remittances from OECD countries to Tajikistan, USD million	Remittances from OECD countries to GDP Tajikistan, %	Ratio of in-flows of remittances from OECD countries to exports of goods and services in Tajikistan	Ratio of inflows of remittances from OECD countries to net foreign direct investment in Tajikistan
2010	2305,8	36	141	2,5	0,17	1,5
2011	3059,9	42	188	2,9	0,18	1,3
2012	3739,5	42	231	3,0	0,18	1,0
2013	4154,3	44	237	2,8	0,25	0,8
2014	3853,5	37	215	2,4	0,26	0,7
2015	2258,6	29	129	1,7	0,16	0,3
2016	1867,4	27	105	1,5	0,12	0,4
2017	2237,2	31	125	1,7	0,11	0,7
2018	2183,3	29	182	2,4	0,16	0,8

Source: compiled by the authors based on data¹.

In 2010–2018, an average of 2.3% of Tajikistan's GDP was made up of remittances from Tajik labor migrants from the OECD country.

As we noted, migrant remittances play a large role in Tajikistan's GDP. In 2012, 3.01% of Tajikistan's GDP were remittances from migrants from OECD countries.

Remittances from Tajik labor migrants from OECD countries to Tajikistan in 2010 were 1.5 times higher than Tajikistan's net foreign direct investment.

Russia remains the main destination for the outflow of Tajikistan's surplus labor resources, respectively, money transfers mainly come from there. The peak of remittances of migrant workers to the economy of Tajikistan was in 2013, when 4,154 billion US dollars were transferred by migrant workers to their homeland², which amounted to about half of Tajikistan's GDP – 49.2%. A lot of remittances from Tajik labor migrants also come from OECD countries, but so far the values of the OECD countries are not comparable with the data for Russia, since today a large share of migrants from Tajikistan come from Russia, but with the increase in the reorientation of the flow of Tajik migrants to the OECD countries, this share will grow and have an increasing impact on the markets labor of the host countries.

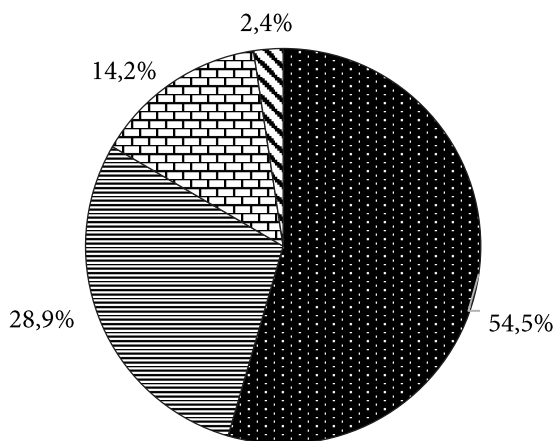
Among OECD countries (figure 2) Tajiks sent the most money home from Western and Eastern European countries (54.5%), followed by the United States and Canada (14.2% and 2.4%), followed by other OECD countries (28.9%).

The impact of remittances of Tajik migrants from OECD countries on the well-being of the population of the Republic of Tajikistan

Table 4 shows some data that give an idea of the impact of remittances on the welfare of the population, in particular, an increase in the level of average per capita income of the population, labor income, and an increase in the country's GDP, as well as a decrease in poverty.

¹ World Bank Data [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org> (дата обращения: 28.10.2021).

² Ульмасов Р. У. Денежные переводы внешних трудовых мигрантов [Электронный ресурс]. URL: eurazvitiye.org/publication/20141218 (дата обращения: 03.05.2021).



■ European countries ▨ Other OECD countries ▤ USA ▩ Canada

Fig. 2. Remittances of Tajik migrants from OECD countries to Tajikistan in 2010–2018, %

Source: compiled by the authors based on data¹.

Table 4

Some socio-economic parameters of Tajikistan in 2010–2018¹

Year	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
The volume of remittances from OECD countries, million US dollars	141	188	231	237	215	129	105	125	182
Per Capita total income of the population, «somon» per month	190,8	225,62	258,81	293,58	323,64	297,61	351,14	374,12	409,78
Poverty rate, %	39,6	42,0	37,4	34,3	32,0	31,3	30,3	29,5	27,4
Inflation rate, %	6,4	12,42	5,79	5,03	6,07	5,78	5,97	7,31	3,84
Average monthly labor income of the population, «somon» per month	77,5	154,27	174,9	202,79	231,7	244,48	252,40	272,55	290,20
Average number of Tajik migrants in OECD countries, persons	9325	9325	9325	9325	9325	9325	9325	9325	9325

¹ World Bank Data [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org> (дата обращения: 25.03.2021).

End of table 1

GDP, million "smoni"	24707,1	30071,1	36163,1	40525,5	45606,6	48408,7	54491,0	61093,6	68844,0
GDP growth, %	6,5	7,4	7,5	7,4	6,7	6,0	6,9	7,1	7,3

Source: compiled by the authors based on data ^{1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10}.

To quantify the impact of remittances from an OECD country on some socio-economic parameters of Tajikistan, we calculated the correlation coefficients presented in table 5.

Table 5

Matrix of correlation coefficients of dependence between some socio-economic indicators in the Republic of Tajikistan in 2010–2018

	Remittances from OECD countries to Tajikistan, USD million	Per capita total income of the population, somoni	Poverty rate, %	Inflation rate, %	Number of Tajik migrants in OECD countries, person
Remittances from OECD countries to Tajikistan, USD million	1				
Per capita total income of the population, somoni	-0,193	1			
Poverty rate, %	0,308	-0,943	1		
Inflation rate, %	-0,059	-0,484	0,658	1	
Number of Tajik migrants in OECD countries, persons	0,119	-0,654	0,516	0,138	1

Source: compiled by the authors based on data in tab. 4.

Analyzing the values presented in this table, we can draw the following conclusions:

1. The obvious fact is that there is a close inverse relationship between per capita income and the level of poverty: an increase in income leads to a decrease in the share of the poor population.

¹ Federal Reserve Bank St. Louis Crisis [Электронный ресурс]. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/TJKPCPIPCHPRT> (дата обращения: 12.12.2021).

² World Bank data [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org> (дата обращения: 28.10.2021).

³ National Report on Human Development in the Republic of Tajikistan [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/tajikistan_rus2013.pdf (дата обращения: 19.01.2022).

⁴ OECD Data [Электронный ресурс]. URL: <https://stats.oecd.org> (дата обращения: 03.04.2021).

⁵ The Data of the Korean Statistical Information Service [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kostat.go.kr/eng/> (дата обращения: 28.03.2021).

⁶ Data On "Schengen Visa Statistics" by Countries [Электронный ресурс]. URL: <https://statistics.schengenvisainfo.com> (дата обращения: 07.01.2021).

⁷ UNHCR Data [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unhcr.org> (дата обращения: 23.02.2021).

⁸ Data from the Canadian National Statistics Agency [Электронный ресурс]. URL: <https://www12.statcan.gc.ca> (дата обращения: 05.01.2022).

⁹ Data of the State Licensed Immigration Service US Green Card Service GmbH. Green Card Lottery Winners' Statistics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.green-card.com/winner-statistics> (дата обращения: 28.07.2021).

¹⁰ Data from the US Department of State [Электронный ресурс]. URL: <https://travel.state.gov/content/travel/en/legal/visa-law0/visa-statistics.html> (дата обращения: 13.06.2021).

2. There is a fairly close direct relationship between the level of poverty and the level of inflation; in this case, it is obviously a mutual influence, since, on the one hand, inflation “accelerates” prices in the domestic market, which leads to an increase in the level of poverty, on the other hand, with a high proportion of the poor population, consumption decreases, which allows you to adjust inflation.

3. Labor emigration, although to a small extent, reduces the level of inflation and the level of poverty (weak feedback), this is quite understandable, since in fact there is a decrease in tension in the national labor market due to labor emigration to OECD countries, and migrant remittances are the source of a significant share of the total income of the population.

4. There is a weak direct link between remittances and the level of poverty.

It would seem that this is an illogical result, but in this case, the relationship may be indirect: remittances, on the one hand, contribute to reducing the level of poverty of the population, but on the other hand, they are mainly used for personal consumption of households, on the national scale, the problem of the development of the economy of Tajikistan is not solved: the growth rate of the number of jobs is significantly inferior to the growth of the population, the development of new large-scale industries does not actually occur, therefore, labor emigration is actually the only way to contain the tension in the labor market. This leads us to an important conclusion about the dual role of remittances: the positive aspect is to reduce short – term risks to the development of the national economy, the negative – to maintain structural imbalances in the long term.

Remittances to Tajikistan through official channels from emigrants who left for work in 2013 amounted to about 4,154 billion US dollars, which is several times higher than the republican budget¹. Accordingly, this makes the further development of Tajikistan's economy very dependent on them. Transfers are mainly made in dollars, which is the reason for the high dollarization of the country's economy. In such a situation, it is difficult for the state to pursue a macroeconomic policy, since the instruments that stabilize the situation in the country's financial market are weaker than the flow of dollars transferred by emigrants. Thus, on the one hand, money transfers cover the negative balance of payments balance, and, on the other hand, the National Bank of Tajikistan loses control over the process of macroeconomic and financial stability.²

Conclusion

In recent years, migration flows from Tajikistan have been reoriented to new directions and regions. These changes are due to several economic and geopolitical factors. The fall in the ruble exchange rate and the decline in wages in rubles, the tightening of migration policy in Russia and Kazakhstan partially forced labor migrants to look for new migration directions at the head of the OECD countries. As a result, the trend of reorientation of the flow of labor migrants to new directions is gradually gaining strength. Given the volume of labor resources and the importance of Tajikistan in the Eurasian migration subsystem, the reorientation of the flow of labor migrants to new directions in the near future may be fraught with significant losses for the labor markets of Russia and Kazakhstan.

Remittances from Tajik migrants play a significant role in the socio-economic development of the country as a whole, as well as individual households, allowing them to meet their basic needs in the purchase of food, durable goods, investments in the

¹ World Bank Data [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org> (дата обращения: 25.03.2021).

² Рязанцев С. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/trudovaya-migraciya-iz-czentralnoj-azii-v-rossiyu-v-kontekste-ekonomicheskogo-krizisa> (дата обращения: 10.10.2021)

construction and repair of housing, and investment in the development of education for children. This is the positive impact of migrant remittances on the country's economy. However, on the other hand, we cannot ignore the negative impact of the lack of a long-term development strategy, when only current needs are actually met, and new, high-tech jobs are created slowly and in insufficient numbers, not keeping up with population growth. The country is becoming a hostage to the changing external environment: demand for foreign labor, crisis phenomena in recipient countries.

Despite Tajikistan's attempts to regulate labor migration more and more actively based on bilateral agreements with OECD countries, Russia still remains attractive for Tajik labor migrants. The advantages of Russia are the absence of a language barrier, no need to obtain a visa and work permit, a common mentality, and prospects for obtaining citizenship. However, the rigidity of the migration policy and the fall in wages in Russia may be negative factors that will contribute to the reversal of some of the flows of labor migrants from Tajikistan in favor of the OECD countries [10].

Статья поступила в редакцию 18.01.2023.

REFERENCES

1. Akramov Sh. Yu., Vazirov Z. K., Rakhmonov A. Kh. [Migrants from Tajikistan in Russia: Estimation of Numbers and Socio-Economic Situation]. In: *Nauchnoe obozrenie. Seriya Ekonomika i pravo* [Scientific Review. Series. Economy and Law], 2018, no. 6, pp. 20–27.
2. Rakhmonov A. Kh. [Refugee as a New Channel of Emigration from Tajikistan to Western and Eastern Europe]. In: *Upravlenie* [Management], 2019, vol. 10, no. 2, pp. 88–94.
3. Ryazantsev S. V., Akramov Sh. Yu., Rakhmonov A. Kh., Ponomarev E. S. [Emigration from Tajikistan to OECD countries: trends, consequences, prospects]. In: *Nauchnoe obozrenie. Ekonomika i pravo. Seriya 1* [Scientific Review. Economy and Law. Series 1], 2018, no. 3–4, pp. 22–34.
4. Ryazantsev S. V., Rakhmonov A. Kh. [New Trends of Labor Emigration from Tajikistan]. In: *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: natsional'nye proekty 2019–2024 gg. v sotsial'nom razvitií molodezhi* [State youth policy: national projects 2019–2024 in the social development of youth]. Available at: <https://itdperspektiva.page.link/MolPol2020> (accessed: 26.08.2020).
5. Ryazantsev S. V., Khramova M. N., Rakhmonov A. Kh., Kasymov O. K. [Impact of remittances from abroad on the socio-economic development of Tajikistan]. In: *Central Asia and the Caucasus* [Central Asia and the Caucasus], 2020, vol. 23, no. 4, pp. 85–103.
6. Ul'masov R. *Denezhnye perevody tadjikskikh trudovykh migrantov: problemy i vozmozhnosti* [Money transfers of Tajik labor migrants: problems and opportunities]. Available at: eurazvitiye.org/publication/20141218 (accessed: 03.05.2020).
7. Sharipov B. [The role of remittances from migrants in ensuring macroeconomic stability of the Republic of Tajikistan]. In: *Central Asia and the Caucasus*, 2014, vol. 17, pp. 103–116.
8. Babagaliyeva Zh., Kayumov A., Mahmadullozoda N., Mustaeva N. Migration, remittances and climate resilience in Tajikistan. Available at: http://carececo.org/eng_P2%20WP1%20Migration,%20remittances_FIN.pdf (accessed: 02.10.2020).
9. Kononov L. A., Ledeneva V. Yu. Development of theoretical provisions on the adaptation and integration of migrants. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2019, vol. 12, no. 12, pp. 2170–2181.
10. Rakhmonov A. Kh., Manshin R. V. Trends and strategies of labor emigration from Tajikistan to OECD countries. In: *RUDN Journal of Economics*, 2019, no. 27 (1), pp. 59–168.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акрамов Ш. Ю., Вазиров З. К., Рахмонов А. Х. Мигранты из Таджикистана в России: оценка численности и социально-экономическое положение // Научное обозрение. Серия. Экономика и право. 2018. № 6. С. 20–27.
2. Рахмонов А. Х. Беженство как новый канал эмиграции из Таджикистана в страны Западной и Восточной Европы // Управление. 2019. Т. 10. № 2. С. 88–94.
3. Рязанцев С. В., Акрамов Ш. Ю., Рахмонов А. Х., Пономарев Е. С. Эмиграция из Таджикистана в страны ОЭСР: тенденции, последствия, перспективы // Научное обозрение. Экономика и право. Серия 1. 2018. № 3–4. С. 22–34.
4. Рязанцев С. В., Рахмонов А. Х. Новые тренды трудовой эмиграции из Таджикистана. Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи [Электронный ресурс]. URL: <https://itdperspectiva.page.link/MolPol2020> (дата обращения: 26.08.2020).
5. Рязанцев С. В., Храмова М. Н., Рахмонов А. Х., Касымов О. К. Влияние денежных переводов из-за рубежа на социально-экономическое развитие Таджикистана // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 4. С. 85–103.
6. Ульмасов Р. Денежные переводы таджикских трудовых мигрантов: проблемы и возможности [Электронный ресурс]. URL: eurazvitiye.org/publication/20141218 (дата обращения: 03.05.2020).
7. Шарипов Б. Роль денежных переводов мигрантов в обеспечении макроэкономической стабильности Республики Таджикистан. Центральная Азия и Кавказ. Т. 17. 2014. С. 103–116.
8. Babagaliyeva Zh., Kayumov A., Mahmadullozoda N., Mustaeva N. Migration, remittances and climate resilience in Tajikistan [Электронный ресурс]. URL: http://carecoco.org/eng_P2%20WP1%20Migration,%20remittances_FIN.pdf (дата обращения: 02.10.2020).
9. Kononov L. A., Ledeneva V. Yu. Development of theoretical provisions on the adaptation and integration of migrants // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. № 12 (12). С. 2170–2181.
10. Rakhmonov A. Kh., Manshin R. V. Trends and strategies of labor emigration from Tajikistan to OECD countries // RUDN Journal of Economics. № 27 (1). С. 159–168.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abubakr Kh. Rakhmonov – Cand. Sci. (Economy), Senior Researcher, Institute for Demographic Research, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS),

e-mail: abubak.93@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9924-5857

Victoria Yu. Ledeneva – Dr. Sci. (Sociology), Chief Researcher, Institute for Demographic Research, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS),

e-mail: vy.ledeneva@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9478-2917

Sharif Yu. Akramov – Cand. Sci. (Sociology), Leading researcher, Institute for Demographic Research, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS),

e-mail: sharif_akram@rambler.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рахмонов Абубакр Хасанович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН);

e-mail: abubak.93@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9924-5857

Леденева Виктория Юрьевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН);

e-mail: vy.ledeneva@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9478-2917

Акрамов Шариф Юлдашевич – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН);

e-mail: sharif_akram@rambler.ru

FOR CITATION

Rakhmonov A. Kh. Ledeneva V. Yu., Akramov Sh. Yu. Contribution of Tajik Labor Migrants to the Economy of OECD Countries and Tajikistan. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2023, no. 2. pp. 35–47.

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-35-47

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Рахмонов А. Х., Леденева В. Ю., Акрамов Ш. Ю. Contribution of Tajik Labor Migrants to the Economy of OECD Countries and Tajikistan // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 35–47.

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-35-47

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 338.4

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-48-58

ПРОБЛЕМЫ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ, ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА И ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Алиев А. Т.¹, Желтенков А. В.², Балдин К. В.³

¹ Академия социального управления

141006, Московская обл., г. Мытищи, ул. Индустриальная, д. 13, Российская Федерация

² Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

³ Всероссийский научно-исследовательский институт «Центр»

123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 11, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. В статье рассматривается современное развитие отечественной экономики и бизнеса в условиях геостратегических политических изменений и развязывания экономической войны коллективного Запада против России.

Процедура и методы. При проведении исследования в качестве основных методов были использованы системный анализ, метод контент-анализа документов, а также методы дедукции и индукции, методы анализа, сопоставления, диагностический подход, интерпретации результатов исследования и некоторые другие.

Результаты. В статье проводится анализ состояния российского промышленного производства тяжёлого машиностроения, станкостроения и электронной промышленности после февральских событий 2022 г. в связи с хлынувшими на Россию беспрецедентными санкциями, введёнными недружественными странами. Выявлено, что зависимость этих отраслей от импортных поставок и последствия от неё потребовали начать ускоренное импортозамещение и разворот экспортных транспортно-логистических маршрутов в восточном направлении. В статье раскрыты проблемы и потенциал на пути структурной перестройки отечественных ключевых средне- и высокотехнологичных отраслей промышленности, обусловленные наступившими событиями и вызовами, в ответ на санкционное давление недружественных стран.

Теоретическая и/или практическая значимость. Авторами работы на основе развёрнутого анализа состояния российского промышленного производства тяжёлого машиностроения, станкостроения и электронной промышленности после февральских событий 2022 г. доказано, что стратегическим плюсом нового витка санкций станет мощный импульс к импортозамещению. Выявлено, что за последний год уже зримо наметился прогресс во многих отраслях промышленности, в том числе в рассмотренных в статье производствах. Вместе с тем на предстоящем длинном пути импортозамещения ещё есть много разрывов в технологических цепочках, которые придётся преодолеть. Отмечено, что одним из важнейших препятствий на этапе восстановления российской электронной промышленности станет импорт зарубежной

микроэлектроники, её компонентной базы, элементов и другой продукции, последствия от которого для всей промышленности и инфраструктуры будут временно крайне тяжёлыми.

Ключевые слова: экономика, промышленное производство, санкции, коллективный Запад, инновации, недружественные страны, импортные поставки, структурная перестройка, импортозамещение, тяжёлое машиностроение, станкостроение, электронная промышленность, микроэлектроника

PROBLEMS AND POTENTIAL OF ECONOMIC DEVELOPMENT, INDUSTRIAL PRODUCTION AND INNOVATION IN MODERN RUSSIA

A. Aliev¹, A. Zheltenkov², K. Baldin³

Academy of Social Management

Industrialnaya 13, Mytishchi 141005, Moscow Region, Russian Federation

²*State University of Education*

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

³*All-Russian Research Institute "Center"*

ul. Sadovaya-Kudrinskaya 11 str. 1, Moscow 123242, Russian Federation

Abstract

Aim. The article examines the modern development of the domestic economy and business in the context of geostrategic political changes and the unleashing of the economic war of the collective West against Russia.

Methodology. During the research, system analysis, methods of content analysis of documents, as well as methods of deduction and induction, methods of analysis, comparison, diagnostic approach, interpretation of research results and some others were used as the main methods.

Results. The article analyzes the state of the Russian industrial production of heavy machinery, machine tools and electronics industry after the events of February 2022 in connection with the unprecedented sanctions imposed on Russia by non-friendly countries. It was revealed that the dependence of these industries on import supplies and the consequences from them required the start of accelerated import substitution and the reversal of export transport and logistics routes in the eastern direction. The article reveals the problems and potential on the way of structural restructuring of domestic key medium- and high-tech industries, caused by the events that have occurred and in response to the sanctions pressure of unfriendly countries.

Research Implications. The authors of the work, based on the detailed analysis of the state of the Russian industrial production of heavy machinery, machine tools and electronic industry after the events of February 2022, proved that the strategic advantage of the new round of sanctions will be a powerful impetus to import substitution. It is revealed that over the past year, progress has already been visibly outlined in many industries, including the industries discussed in the article. At the same time, there are still many gaps in the technological chains that will have to be overcome on the upcoming long path of import substitution. It is noted that one of the most important obstacles at the stage of the restoration of the Russian electronics industry will be the import of foreign microelectronics, its component base, elements and other products, the consequences of which for the entire industry and infrastructure will be temporarily extremely severe.

Keywords: economics, industrial production, sanctions, collective West, innovations, unfriendly countries, imports, structural adjustment, import substitution, heavy engineering, machine tool building, electronic industry, microelectronics

Введение

Постсоветский период развития экономики и бизнеса в тридцатилетней истории интеграции России с иностранным капиталом одномоментно закончился 24 февраля 2022 г. с началом проведения специальной военной операции (СВО), выявив впоследствии, что она ведётся не с Украиной, а на её территории с НАТО во главе с США. Окончательный разрыв политических и финансово-экономических отношений между нашей страной и коллективным Западом подвёл черту не только под постперестроечным периодом, но и под «новым политическим мышлением» образца конца 80-х и ранних 90-х гг. прошлого столетия.

Введённые беспрецедентные санкции против России оказались несомненно болезненными для национальной экономики и отечественного бизнеса, чётко обнажив глобальный характер нынешнего конфликта, вскрыв реальные проблемы необходимости структурной перестройки нашей хозяйственной системы.

Наступивший кризис, кардинально отличающийся от предыдущих, высветил целый комплекс проблем развития ряда промышленных обрабатывающих производств, который особенно остро проявился в тяжёлом машиностроении, станкоинструментальной (далее по тексту станкостроение) и электронной промышленности, наиболее зависимых от импортных поставок многочисленных видов промежуточной продукции. И самый большой потенциал в основе их решения заложен в системе импортозамещения, переориентации логистической инфраструктуры на юго-восток и ускоренном развитии оборонно-промышленного комплекса с опорой на масштабную государственную поддержку.

Современное состояние российской экономики и бизнеса

Агрессивные геополитические и геоэкономические действия со стороны недружественных стран против России свернули налаженные производственные и транспортные логистические цепочки поставок продукции, создали трудности в системе взаиморасчётов и платежей по экспортно-импортным операциям в национальных валютах и их конвертируемости и др. А небывалые санкции обусловили турбулентность в российском государстве, оказав сильнейшее воздействие на экономику и бизнес (заморозка значительной части резервов ЦБ России, отключение от SWIFT крупнейших национальных банков, закрытие границ, массовые миграционные потоки и пр.).

Процесс интеграции в российское пространство четырёх новых территорий ещё больше обострил противостояние коллективного Запада с Россией, вызвав предельно острую необходимость структурных сдвигов в нашей экономической системе в целях обеспечения национальной безопасности нашей страны.

Для отечественного бизнеса проблема усугубилась нарастанием неопределённости и рисков, о чём свидетельствуют результаты проведённого опроса производителей топ-менеджмента FMCG-компаний в октябре 2022 г., которые дали следующие ответы топ-5 индустриальных рисков:

- перебои в цепочках поставок и/или рост цен на сырьё – 87%;
- изменение потребительских привычек и трансформация спроса в связи с текущей геополитической ситуацией – 55%;
- проблемы с доставкой товаров в розничный магазин и/или увеличение затрат на логистику – 48%;
- недостаток производственных мощностей – 26%;
- отсутствие запасов – 25%¹.

¹ Калянина Л. Российский бизнес переживает беспрецедентный период: [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.ru/expert/2022/44/vremya-peredelov> (дата обращения: 09.03.2023).

Российский FMCG-рынок по итогам 2022 г. показал самое глубокое падение объёмов продаж с момента кризиса 2014–2015 гг. Несмотря на номинальный рост продаж товаров повседневного спроса, который составил 13,6%, реальное выражение данного значения имело отрицательную величину – 3,4%, т. е. свой вклад в это расхождение внесла инфляция (17%)¹.

Но при всей степени сложившейся неопределённости и рисков всё-таки начали вырисовываться основные черты происходящей трансформации во всех секторах российской экономики, в том числе и в отраслях промышленности, бизнеса и рынка. В данный период нашу экономику вытягивает, во-первых, активизация производственного спроса (а не потребительского, как раньше), ставшего локомотивом развития отраслей промышленности. Во-вторых, изменение поставок различных видов материалов, продукции и оборудования с разворотом на внутренние российские рынки. В-третьих, сворачивание российского экспорта энергоресурсов в западные страны и его переориентация в направлении стран Азии и Ближнего Востока. В-четвёртых, перестройка транспортных потоков по экспорту и импорту на более дорогие по стоимости логистики новые маршруты. В-пятых, масштабная внутренняя реструктуризация отечественных предприятий, направленная, с одной стороны, на отказ от неэффективных, экспериментальных инвестиций, с другой – на оптимизацию работы персонала, в том числе в связи с частичной военной мобилизацией.

Более того, опрос представителей отечественного бизнеса среди 100 топ-менеджеров российских компаний в индустрии FMCG продемонстрировал оптимистические настроения, показав, что половина из них ожидают роста бизнеса по итогам 2022 г.² В новых условиях многие представители российского бизнеса отмечали, что до СВО они работали с зарубежными компаниями по инерции и не желали отказываться от привычных схем поставок даже в тех случаях, когда появлялись аналоги российских производителей.

В то же время уже в период коронавируса, к примеру, на многих автопредприятиях структурная перестройка уже началась в части создания новых цепочек поставок запасных частей и узлов. После начала СВО, отказавшись от европейских поставщиков в связи с их уходом из России из-за санкций, отечественные, китайские и турецкие производители с таким же качеством комплектующих быстро осуществили импортозамещение. При этом, если раньше наши автопредприятия сосредотачивались на выпуске специального транспорта на базе Мерседес, Вольво и т. п., то сегодня эти компании перестали производить в России новые машины этих и других зарубежных брендов, хотя в наших автопарках такая техника ещё сохранилась и находится в рабочем состоянии. Её постепенно заменяют отечественные КамАЗы, белорусские МАЗы, а также китайские марки Shacman, Hono, JAC. И сейчас у нас производство специальной автотехники налажено с адаптацией под все китайские модели шасси и самосвалов.

В структурном преобразовании экономики России, которое по необходимости уже началось, в ближайшей перспективе намечается прогресс. Так, в президентском Послании В. Путин обозначил глубину геополитических вызовов и перспективу быстрого роста российской экономики. По оценкам экспертов, новая экономическая программа обеспечит рост нашего ВВП от 4 до 6% в год уже в текущем и

¹ NielsenIQ: 2022 год завершился самым глубоким падением продаж FMCG после 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.retail.ru/articles/nielseniq-2022-god-zavershilsya-samym-glubokim-padeniem-prodazh-fmcg-posle-2015-goda/> (дата обращения: 09.03.2023).

² Планы FMCG-бизнеса на 2023 год: опрос топ-менеджеров [Электронный ресурс]. URL: <https://nielseniq.com/global/ru/insights/analysis/2022/plany-fmcg-biznesa-na-2023-god-opros-top-menedzherov> (дата обращения: 09.03.2023).

следующем годах¹. Эти оценки базируются на последних данных Росстата по итогам 2022 г., которые показали минимальное снижение ВВП – всего на 2,1%², что значительно лучше прошлых официальных оценок и многих заявленных прогнозов о спаде экономики на 20–25%. Такой результат получился, прежде всего, за счет сокращения импорта, что вносит положительный вклад в ВВП, а также демонстрирует развернувшийся инвестиционный процесс, охвативший в целом все сектора российской экономики. Свидетельством этого является, в частности, факт роста корпоративного кредитования на 19% в прошлом году по сравнению с 2021 г.

Эти и другие развернувшиеся современные процессы в экономике страны формируют оптимистические представления о будущих трендах развития, концентрирующихся в трёх ключевых направлениях – импортозамещении, развороте на юго-востоке и инфраструктурном строительстве.

Последнее направление для масштабного экономического рывка позволит снизить издержки бизнеса внутри страны, повысить уровень связанности хозяйственной системы и выступить драйвером развития сфер, отраслей и регионов на огромном российском пространстве. К тому же за счёт инфраструктурного строительства можно получить дополнительный мультипликационный эффект, в частности транспортную доступность, что в современных условиях является важнейшим фактором решения ещё одного важного вопроса для экономики России – переориентации на новые рынки сбыта.

Проблемы структурной трансформации отечественного промышленного производства

Запущенный процесс мобилизации национального экономического потенциала, внутренних факторов и резервов обусловило ускоренное решение проблемы импортозамещения промышленного производства критически зависимой продукции, ранее обеспечиваемой межгосударственным взаимодействием, которое должно сопровождаться завершением технологических цепочек внутриотраслевой кооперацией и внутренней оптимизацией организационно-технологической структуры предприятий.

Особенно остро эта проблема стоит для предприятий отечественных отраслей обрабатывающей промышленности, таких как тяжёлое машиностроение, станкостроение, электронная промышленность, уступающих иностранным аналогичным производителям по качеству, цене и срокам изготовления изделий, что явилось одной из главных причин их большой зависимости от импортных поставок продукции.

Известно, что во всех индустриально развитых странах *тяжёлое машиностроение* выступает стратегической отраслью промышленности. Она является базовой, обеспечивая научно-технический и технологический прогресс, а её уровень развития характеризует качество, конкурентоспособность и динамику роста производства, а также состояние инфраструктуры и обороноспособности страны.

В Советском Союзе предприятия тяжёлого машиностроения имели узкую специализацию производства и монопольное положение в стране. При этом в структуре производства выделялась продукция двойного назначения – наряду с гражданской выпускалась продукция оборонного назначения, что ставило задачи конверсии при недозагрузке производственных мощностей.

¹ Гурова Т., Скоробогатый П. А дальше – борьба и экономический рост [Электронный ресурс]. URL: <http://pressa.ru/ru/top10/detail/a-dalshe--borba-i-ekonomicheskij-rost-20994> (дата обращения 09.03.2023).

² Росстат оценил спад ВВП РФ в 2022 году в 2,1% [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/887045> (дата обращения 09.03.2023).

В постсоветский период России в связи с переходом к рыночной экономике тяжёлому машиностроению не уделялось должного внимания как приоритетной структурообразующей отрасли промышленности, хотя структура производства в условиях диверсификации, в отличие от советской конверсии, в целом не изменилась. Однако основной проблемой для современных предприятий тяжёлого машиностроения (помимо отсутствия производства некоторых видов высокотехнологичных комплектующих) остаётся дефицит квалифицированного персонала, занятого в отрасли, возникшей ещё в 1990-х гг. в связи с сокращением подготовки инженеров, конструкторов, технологов и рабочих кадров, а также с ограниченным притоком молодёжи.

Станкостроение для российской экономики имеет так же, как и тяжёлое машиностроение, стратегическое значение. Эта отрасль промышленности создаёт условия для самостоятельного развития страны и независимости экономики от импортных поставок. Ключевая её роль заключается в том, что предприятия отрасли производят станки и технологическое оборудование для обеспечения отраслей машиностроения (авиационной, судостроительной, автомобильной, энергетической, нефтехимической, оборонно-промышленного комплекса), формируя основную долю активной части основного капитала производственных мощностей предприятий и их технологическое обновление. Кроме того, осуществляя выпуск конкурентоспособной и высокотехнологичной продукции, эта отрасль удовлетворяет потребности как внутреннего, так международного рынков [1].

После развала СССР отечественное станкостроение не может в полной мере восстановиться и обеспечить отечественную промышленность продукцией станкостроения собственного производства, больше того, оказалось на грани исчезновения. Только за период с 1990–2010 гг. объёмы производства металлообрабатывающих станков упали в 25 раз, а удельный вес отечественных производителей на внутреннем рынке сузился до 10% [2].

В целом же за последние тридцать лет постсоветской истории России проводимая экономическая политика в отношении станкостроения (и других отраслей обрабатывающей промышленности) не менялась. При этом приток иностранной валюты от чистого экспорта складывался в золотовалютные резервы и ФНБ, а не направлялся на инвестирование проектов по развитию импортозамещения. В будущем развитии отечественного станкостроения по известным геополитическим и геоэкономическим причинам восполнить прежние объёмы импортных поставок, по мнению авторов, не представляется возможным, особенно если это касается прецизионных сложных станков и современного технологического оборудования. Поэтому в ближайшей перспективе нам вряд ли удастся переломить тенденцию на отставание по технико-технологическому уровню отечественных разработок и по возможности создания и выпуска такой продукции. Надеяться на поставки прецизионных сложных станков и технологического оборудования из КНР также не приходится, поскольку они не производятся в самом Китае.

Важной задачей в российском станкостроении также остаётся научное и кадровое обеспечение деятельности предприятий отрасли с точки зрения как проведения фундаментальных и прикладных исследований, так и покрытия острого дефицита инженерного персонала – конструкторов, технологов, специалистов, которые участвуют в разработке и создании станков, а также их наладчиков, электронщиков и т. д. Это только часть проблемы. Другая заключается в том, что большинство ныне действующих предприятий в станкостроительной индустрии превратилось в сборочные цеха с потерей своих профессиональных компетенций по изготовлению сложной продукции, в то время как современное производство должно быть

оснащено высокотехнологичной комплектацией. Само проектирование и изготовление станка сейчас не является большой проблемой, но для него требуются соответствующие электронные компоненты, которые у нас сегодня не производятся. Поэтому, когда речь заходит об импортозамещении в станкостроении, то имеется в виду обеспечение комплектующими, и в первую очередь электроникой¹.

Отечественная *электронная* промышленность после развала СССР по сравнению с другими отраслями оказалась в наибольшей степени зависимой от поставок импортной продукции. В её составе выделяется производство радиоэлектроники и микроэлектроники, выпускающее большую номенклатуру продукции. Основными изделиями производства радиоэлектроники являются приборы связи и телекоммуникационное оборудование, а микроэлектроники – процессоры, модули памяти и другие микросхемы, выступающим ключевым элементом любой электроники и основой всей современной техники, станков, технологического оборудования приборов и прочей продукции. Именно эта промышленность сегодня оказалась в критической ситуации из-за санкций и ограничений, когда нарушились международные кооперационные поставки электронной компонентной базы импортного производства, используемой для комплектации бытовой техники и продукции производственно-технического назначения, с одновременным возросшим спросом на такую продукцию.

Концептуально отечественная электронная промышленность досталась нам в наследство от Советского Союза. После окончания Великой Отечественной войны в разрушенной стране за считанные годы была основана радиоэлектронная промышленность и изобретены одни из первых в мире ЭВМ. И в период оттепели им не было равных. Однако, начиная с 70-х годов прошлого века, из-за ряда допущенных управленческих ошибок и в целом неэффективности государственной административно-централизованной экономики наметилось существенное отставание отечественной электроники от зарубежных аналогов. А развал СССР и «лихие 90-е гг.» фактически добились науку и предприятия электронной промышленности, предприятия которой в то время разрушались и перепрофилировались в торгово-развлекательные центры, склады и прочие непроеизводственные организации.

В постсоветский период России этой отрасли стали уделять внимание и её возрождение началось с 2010 г. с принятием государственной программы «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности на 2013–2025 гг.». В соответствии с госпрограммой доля отечественной электронной продукции к 2025 г. по сравнению с 2011 г. должна будет вырасти: на внутреннем рынке с 17% до 40%, а на внешнем с 0,3% до 0,8%².

Но развернувшиеся политические события на Украине приостановили реализацию этой программы до лучших времён и главное внимание было сконцентрировано на общей политике импортозамещения. Предполагалось, что в начале в целях обеспечения национальной безопасности потребуются производство собственной продукции для государственных нужд. Однако, несмотря на имеющиеся разработки, заменить зарубежные электронные изделия российскими аналогами не представлялось возможным по ряду причин: низкое качество и конкурентоспособность, отсутствие массового спроса на отечественную продукцию.

В то же время в стране начались разработки отечественной гражданской электроники. Хотя история последних лет показала, что назвать собственные разработ-

¹ Российское станкостроение: состояние и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.informdom.com/novosti/rossiiskoe-stankostroenie-sostoyanie-i-perspektivy.html> (дата обращения: 09.03.2023).

² Государственная программа «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности на 2013–2025 гг.» (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.12.2012 № 2396-р).

ки электронной продукции российскими можно с большой натяжкой. Например, операционная система «Аврора» изначально являлась финской разработкой, выкупленной «Ростелекомом». Или концерн «Автоматика» на авиасалоне «МАКС-2019» представил моноблоки «Эльбрус 801 М» и «Бином-КА» с чипами «Эльбрус-8 С» производства МЦСТ, который позиционировал эту продукцию как свои сверхзащищенные от хакерских атак компьютеры с возможным использованием государственными и силовыми структурами. На самом деле эти «Эльбрусы» собирались за рубежом на тайваньском предприятии TCMS, а в «Бином-КА» сочетаются два компьютера – на базе отечественного «Эльбрус-8С», имеющего изолированную систему для внутреннего пользования, и на базе одного из стандартных американских чипов для работы с привычным программным обеспечением.

Наряду с этими разработками на практике получила распространение продукция так называемого фиктивного отечественного импортозамещения. Так, в 2017 г. Генпрокуратура и ФАС фиксировали подобные случаи: оборонные предприятия закупали зарубежное оборудование под видом отечественного, прикрепляя на него российскую этикетку. В этом была своя целесообразность: качество отечественных комплектующих изделий было низким и ставило под угрозу оборонные проекты. Аналогичный пример из недавнего прошлого – крупные китайские производители техники и оборудования при поставке её в Россию и пересечении нашей таможни наклеивали этикетки на русском языке и таким образом выдавали за продукцию, созданную российскими предприятиями. Ещё один пример из практики РЖД – для маркировки своих вагонов продолжали применять разработки немецкой компании Balluf, так как эти метки дешевле и качественнее. И таких примеров до начала проведения специальной военной операции (СВО) было много.

До наступления февральских событий 2022 г. 17 января 2020 г. Правительство РФ утвердило «Стратегию развития электронной промышленности РФ на период до 2030 г. и план мероприятий по ее реализации» (далее – Стратегия), в которой были определены основные направления государственной политики в сфере развития электронной промышленности. Цель Стратегии состояла в создании конкурентоспособной отрасли на основе развития научно-технического и кадрового потенциала, оптимизации и технического перевооружения производственных мощностей, создания и освоения новых промышленных технологий, а также совершенствования нормативно-правовой базы для удовлетворения потребностей в современной электронной продукции. Кроме того, в Стратегии предусматривалось, что доля гражданской электронной продукции в общем объёме производства промышленной продукции (по выручке) будет составлять не менее 87,9%, доля электронной продукции российского производства в общем объёме внутреннего рынка электроники (по выручке) – 59,1%, объём экспорта электронной продукции – 12020 млн долл. США¹.

Стратегия не утратила своей актуальности, поскольку в ней были сформулированы на десятилетний период наиболее важные для страны вопросы, требующие решения: какое телекоммуникационное оборудование считать российским; какие компоненты должны производиться на территории страны для обязательного использования вместо иностранных аналогов; какая их доля может быть локализована; какие иностранные электронные продукты несут в себе угрозы национальной

¹ Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 г. (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.01.2020 № 20-р).

безопасности. Однако в ближайшей перспективе решить их не представляется возможным по причине большой зависимости от импортных изделий.

В Стратегии также была выдвинута задача по разработке реестра унификации критерия отнесения к отечественной продукции из всей номенклатуры производимых электронных изделий, иначе говоря, для всех предприятий этой отрасли (а их сегодня около 3000 тыс.) нужна выработка единого критерия определения отечественной продукции. Однако здесь возникает ряд проблем – количество изделий, не связанных между собой базой единого критерия для отнесения к отечественной продукции, огромное множество, так как их определяет каждое предприятие самостоятельно. Но у них, во-первых, большое разнообразие бизнес-моделей, технологических процессов, различия в структурах фондовооружённости, производственных мощностей и т. д. Во-вторых, изготовить изделия электроники исключительно собственными силами сегодня практически невозможно, поскольку многие их компоненты не производятся в России и являются иностранными (блок питания, элементы микропроцессора, оперативная память и др.). В-третьих, отечественную продукцию могли производить лишь те российские предприятия, которые имели в собственности более 50% акций. Им же должны были принадлежать права на применение программного обеспечения, документацию и модернизацию используемых технологий. Кроме того, они должны были осуществлять производство, сборку и монтаж на площадках внутри страны. Если эти требования нельзя соблюсти, то они не должны включаться в реестр (и это всё в условиях беспрецедентного санкционного давления со стороны недружественных стран и ухода иностранных компаний из России).

Несмотря на то, что российские предприятия электронной промышленности достигли зрелого уровня технологий производства полупроводников и имеют в этой области достаточные инженерные компетенции, сегодня они испытывают большие трудности с замещением иностранных материалов, технологического оборудования и запасных частей к нему, производящихся на зарубежных фабриках электронного машиностроения. Из-за санкций и ограничений они не имеют доступа к иностранным производителям, выпускающим продукцию микроэлектроники, в том числе к главной из них – тайваньской TSMC, массово поставляющей микросхемы с плотностью интеграции 7 нм.

Поэтому в нынешних условиях для отечественной электронной промышленности главной проблемой выступает достижение независимости от импортных поставок микроэлектроники, являющейся базовым элементом всей современной электронной продукции. Это зависит в первую очередь от развития российского электронного машиностроения, способного обеспечить такую независимость, а ключевой технологией здесь является разработка фотолитографии (степперов), с помощью которой можно реализовать различные проектные нормы – от 130 до 28 нм и меньше.

На российской фабрике «Микрон» в Зеленограде только проектируется выпуск изделий, отвечающих нормам в 90 нм, хотя реальные возможности производства микросхем ограничены нормами 180 нм и выше при условии доступности к использованию импортных материалов. Между тем, сегодня их производство по нормам 180 нм и более на международном рынке составляет почти треть, примерно столько же приходится на производство по нормам 28 и меньше.

Значительным ограничением является и недостаточная проектная мощность российских полупроводниковых фабрик. Дело не только в минимизации проектных норм, но и ещё в широком наборе технологических опций, которые необходимы для производства различных видов продукции микроэлектроники. Число этих опций может достигать сотен, а на их освоение потребуется не один десяток лет, причем это при условии наличия необходимых материалов, уникальных оборудо-

вания, аппаратных средств, приборов, инструментов для измерения и контроля. А при рассмотрении возможности создания у нас продукции, отвечающей более тонким проектным нормам, объём и сложность задач возрастают¹.

Однако, по мнению авторов, на сегодняшний день самыми важными проблемами для всех указанных выше отраслей промышленного производства являются, во-первых, научно-организационное обеспечение, ранее утратившее компетенции в области разработки и проведения не только фундаментальных, но и проектно-прикладных исследований, и, во-вторых, острый дефицит отечественных специалистов – инженеров, технологов, конструкторов и менеджеров (директоров) для их предприятий.

Заключение

На Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации и годовщину начала проведения СВО на Украине коллективный Запад и ряд присоединившихся к нему стран отреагировали введением ещё одного нового, десяти-того пакета санкций. Длинный список ограничений и запретов по широте охвата уступил лишь девяти прошлым пакетам, объявленным после начала российской военной спецоперации.

Последний обширный десятый пакет санкций не только затронул ограничение многих национальных сфер деятельности – банков, экспорта и импорта различных товаров, государственных СМИ и др., но ещё и ввел дополнительные ограничения на поставки в нашу страну оборудования, материалов и прочей продукции, расширив их уже в отношении ряда компаний других стран, прежде всего Китая в наказание за его содействие по этим поставкам в Россию в обход первичных санкций. Если этот сигнал ужесточения санкционного контроля со стороны Запада будет воспринят высокотехнологичными компаниями дружественных или нейтральных стран, возможности смягчения ограничений либо запретов путём их обхода существенно снизятся. В любом случае, это означает, что нельзя менять курс на производство импортозависимых критически важных позиций в нашей технологической продуктовой линейке. В этой связи, как представляется, стратегическим плюсом нового витка санкций станет мощный импульс к импортозамещению, имеющий самый большой потенциал. Здесь за последний год уже зримо наметился прогресс во многих отраслях промышленности, в том числе в рассмотренных выше производствах. Вместе с тем на предстоящем длинном пути импортозамещения ещё много разрывов в технологических цепочках, которые придётся преодолеть. Одним из важнейших препятствий на этапе восстановления российской электронной промышленности станет импорт зарубежной микроэлектроники, её компонентной базы, элементов и другой продукции, последствия от которого для всей промышленности и инфраструктуры будут временно крайне тяжёлыми.

Статья поступила в редакцию 13.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев А. Т., Слепов В. А., Маршавина Л. Я. Машиностроительная индустрия как основа технологического обновления российского промышленного производства // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 5. С. 29–32.
2. Алиев А. Т. Развитие станкоинструментальной промышленности России в современных условиях геостратегических изменений // Экономические системы. 2022. № 3. С. 56–65.

¹ Покровский И., Механик А. Возможности и проблемы отечественной микроэлектроники: [сайт]. URL: <https://expert.ru/expert/2023/04/vozmozhnosti-i-problemy-otechestvennoy-mikroelektroniki/> (дата обращения 09.03.2023).

REFERENCES

1. Aliyev A. T., Slepov V. A., Marshavina L. Ya. [Machine-building industry as the basis for technological renewal of Russian industrial production]. In: *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki* [Problems of economics and legal practice], 2018, no. 5, pp. 29–32.
2. Aliyev A. T. [Development of machine-tool industry in Russia in the context of modern geopolitical changes]. In: *Ekonomicheskie sistemy* [Economic systems], 2022, no. 3, pp. 56–65.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алиев Адик Тагирович – доктор экономических наук, профессор Академии социального управления;

e-mail: alievadik@yandex.ru

Желтенков Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры проектного и функционального менеджмента Государственного университета просвещения;

e-mail: kaf-menedg@mgou.ru

Балдин Константин Васильевич – доктор экономических наук, профессор Всероссийского научно-исследовательского института «Центр»;

e-mail: kvbaldin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Adik T. Aliyev – Dr. Sci (Economics), Prof., Academy of Social Management;

e-mail: alievadik@yandex.ru

Alexander V. Zheltenkov – Dr. Sci (Economics), Prof., Head of the Department, Department of Project and Functional Management, State University of Education;

e-mail: kaf-menedg@mgou.ru

Konstantin V. Baldin – Dr. Sci (Economics), Prof., All-Russian Research Institute "Center";

e-mail: kvbaldin@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алиев А. Т., Желтенков А. В., Балдин К. В. Проблемы и потенциал развития экономики, промышленного производства и инноваций в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 48–58.

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-48-58

FOR CITATION

Aliyev A. T. , Zheltenkov A. V. , Baldin K. V. Problem and Potential of Economic Development, Industrial Production and Innovation in Modern Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2023, no. 2, pp. 48–58.

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-48-58

УДК 338.45

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-59-70

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ НЕОБХОДИМОСТИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Веселовский М. Я.¹, Федотов А. В.¹, Фатдаков Р. В.¹, Усатова Л. В.²

¹Технологический университет

141074, Московская обл., г. Королев, ул. Гагарина, д. 42, Российская Федерация

²Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова
308012, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46 Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определение путей развития регионального машиностроения в контексте необходимости импортозамещения и создания устойчивой промышленной базы.

Процедура и методы. При проведении исследования были использованы статистические данные Росстата, экономические материалы промышленных ассоциаций и предприятий, экспертные заключения. Применялись теоретические и практические методы сравнительного анализа, синтеза, группировки и обобщения, а также эмпирические методы наблюдения и сопоставления полученных результатов. Таким образом, применение теоретических подходов и практических методов исследования деятельности промышленных предприятий способствует решению задачи эффективного импортозамещения и развития производственных, социальных и технико-технологических задач производства.

Результаты. В условиях возрастающих санкций и ограничений импорта всё актуальней становится импортозамещение, развитие собственного производства. В настоящее время из-за увеличенного дефицита оборудования и комплектующих создаётся широкий спектр возможностей для развития собственного машиностроительного производства. При всём имеющемся потенциале для развития и создания собственного бесперебойного процесса машиностроения, экономика сталкивается с определёнными трудностями и проблемами. Для обеспечения устойчивого развития регионального машиностроения необходимо создать благоприятные условия для модернизации производства, повысить инвестиционную активность в сфере разработки и применения цифровых и передовых производственных технологий, меры федеральной и региональной поддержки отечественного производства.

Теоретическая и/или практическая значимость обусловлена необходимостью разработки научных рекомендаций, способствующих развитию регионального машиностроения в контексте необходимости импортозамещения и обеспечения государственной самодостаточности для достижения стратегических целей развития национальной экономики и повышения уровня благосостояния населения.

Ключевые слова: машиностроение, импортозамещение, региональное развитие, промышленная политика

PROBLEMS OF REGIONAL ENGINEERING DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF IMPORT SUBSTITUTION

M. Veselovsky¹, A. Fedotov¹, R. Fatdakov¹, L. Usatova²

¹*Technological University*

42, ul. Gagarina, Korolev, 141074, Moscow Region, Russian Federation

Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov

46, ul. Kostyukova, Belgorod, 308012, Russian Federation.

Abstract

Aim. Identification of ways to develop regional engineering in the context of the need for import substitution and the creation of a sustainable industrial base.

Methodology. During the research, statistical data of Rosstat, economic materials of industrial associations and enterprises, expert opinions were used. Theoretical and practical methods of comparative analysis, synthesis, grouping and generalization, as well as empirical methods of observation and comparison of the results were used. Thus, the application of theoretical approaches and practical methods of studying the activities of industrial enterprises contributes to solving the problem of effective import substitution and the development of production, social and technical and technological tasks of production.

Results. In the conditions of increasing sanctions and import restrictions, import substitution as well as the development of own production is becoming more and more relevant. Currently, due to the increased shortage of equipment and components, a wide range of opportunities for the development of own machine-building production is being created. With all the potential available for the development and creation of its own uninterrupted process of mechanical engineering, the economy faces certain difficulties and problems. In order to ensure the sustainable development of regional mechanical engineering, it is necessary to create favorable conditions for the modernization of production, increase investment activity in the development and application of digital and advanced production technologies, measures of federal and regional support for domestic production.

Research implications. It is conditioned by the need to develop scientific recommendations that contribute to the development of regional mechanical engineering in the context of the need for import substitution and ensuring state self-sufficiency to achieve strategic goals for the development of the national economy and improving the welfare of the population.

Keywords: mechanical engineering, import substitution, regional development, industrial policy

Введение

Машиностроительная отрасль – это деятельность промышленного производства, способная оказывать существенное влияние на уровень конкурентоспособности экономики любого государства. Благодаря данной отрасли возможно обеспечение оборудованием и иными производственными ресурсами всех секторов экономики. Продукция машиностроения способствует внедрению научно-технического прогресса и обеспечивает устойчивое развитие предприятий на региональных и международных рынках. Импортозамещение в машиностроительной отрасли обеспечивает государство экономической и технологической безопасностью, а также позволяет реагировать на любые геополитические и макроэкономические изменения с наименьшими последствиями.

В настоящее время наиболее острой является необходимость в обеспечении экономики национальными точками производства, замещении продукции ушедших из Российской Федерации предприятий. Изменения, которые происходят в мировой экономике за последние годы, и особенно за последние месяцы, заставляют все отрасли промышленности искать альтернативы для продолжения бесперебойной работы собственных предприятий.

Превосходство на внутреннем рынке национальной продукции с высокой добавленной стоимостью – одна из основных целей развития экономики. Благодаря развитию машиностроения возможно создание высокотехнологичной продукции, с помощью которой происходит совершенствование процессов производства.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что развитие машиностроения является объективной необходимостью развития экономики государства. Преимущества, которыми обладает машиностроительная отрасль важны для экономики особенно в контексте регионального развития. Масштабные территории и большое число регионов Российской Федерации содержат в себе значительный потенциал для использования и развития машиностроительной отрасли, а также для применения конечного продукта машиностроения.

Изучению вопросов теории и практики региональной промышленной политики и промышленного производства посвящены исследования как отечественных учёных: С. Ю. Глазьева [2], Ю. В. Вертакова [1], Н. А. Калайтан [3], А. А. Мага [4], С. А. Толкачева, А. Ю. Теплякова [5], – так и иностранных: Ф. Кастеллачи [6], Ф. Геелс [7], А. Генус, А. Коулз [8].

Однако изменившиеся внешнеэкономические условия требуют ускоренного развития импортозамещения и решения проблем, связанных с данным процессом. В этой связи необходимы научные исследования, направленные на решение данных задач и выработку предложений по стимулированию импортозамещения.

Основные направления процесса импортозамещения в области машиностроения

Высокотехнологичная продукция – сложная товарная единица, которая содержит в себе большое количество разнообразных элементов. Создание конкурентоспособной продукции машиностроения включает в себя элементы новизны, способные заменить зарубежные аналоги. За счёт роста и развития отрасли машиностроения происходит улучшение процессов во всех сферах национальной экономики. В этой связи важно получить качественный итоговый продукт, имеющий элементы новизны и удовлетворяющий запросы потребителей.

Выпуск высокотехнологичного и качественного продукта напрямую влияет на качество жизни граждан и экономическую стабильность государства. В качестве оценки национальной экономики на мировом рынке выступает показатель валового внутреннего продукта (ВВП). Этот показатель во многом характеризует уровень экономического развития страны. Данная статистика применяется в развитых странах для наиболее общей характеристики результатов экономической деятельности государства за конкретный промежуток времени.

В таблице 1 приводятся показатели ВВП в разных странах мира, в том числе в Российской Федерации¹.

¹ Мировой валютный фонд [Электронный ресурс]. URL: <https://imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/April> (дата обращения: 09.02.2023).

Таблица 1 / Table 1

Рейтинг крупнейших экономик мира по номинальному ВВП по состоянию на октябрь 2021 г. (млн. \$) / Rating of the world's largest economies by nominal GDP as of October 2021 (million \$)

Позиция	Страна	Номинальный ВВП (в млн. \$)
1.	США	22 939 580
2.	Китай	16 862 979
3.	Япония	5 103 110
4.	Германия	4 230 172
5.	Великобритания	3 108 416
6.	Индия	2 946 061
7.	Франция	2 940 428
8.	Италия	2 120 232
9.	Канада	2 015 983
10.	Республика Корея	1 823 852
11.	Россия	1 647 568

Источник: расчеты на основании открытых данных Международного валютного фонда [10].

Данные таблицы показывают наличие определённого отставания уровня ВВП России от отдельных развитых стран мира. Приведённая статистика имеет непосредственную связь с уровнем экспорта страны, в том числе с производственной мощностью, в которую входит и машиностроительная отрасль. Экспорт – и относительно небольшая зависимость государства от импорта – позволяет добиться высоких показателей ВВП. Для роста данного показателя необходимо усилить внутреннее ориентирование на машиностроительное производство и создание высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью.

Существует традиционная модель функционирования предприятий машиностроительной отрасли. Данная модель представлена на рисунке 1.

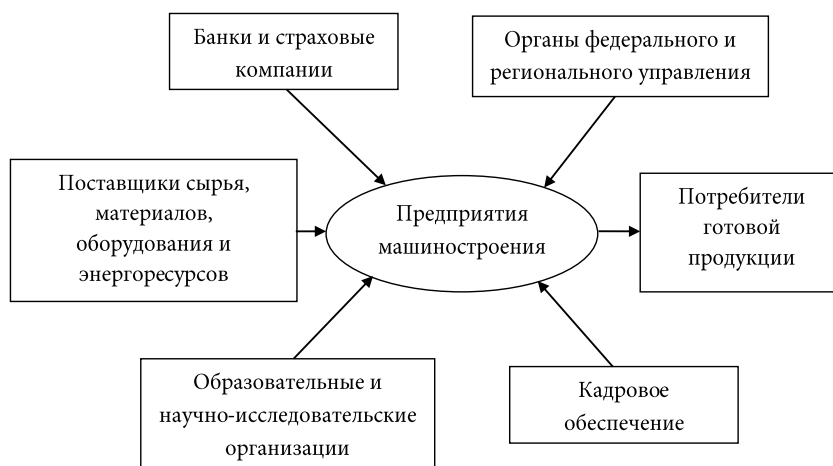


Рис. 1 / Fig. 1. Модель функционирования предприятий машиностроения / Model of mechanical engineering enterprises functioning

Источник: данные авторов.

Основу данной модели занимают отношения предприятий машиностроения со своими поставщиками и потребителями. Значительное влияние на деятельность предприятий машиностроения также оказывают взаимоотношения с банками и страховыми компаниями, органами федерального и регионального управления, образовательными и научно-исследовательскими организациями, кадровое обеспечение отрасли.

В связи с изменением текущей обстановки, необходимостью импортозамещения и модернизации предприятий машиностроения требуется изменение взаимоотношений сторон в традиционной модели функционирования предприятий отрасли машиностроения. Так, необходимы существенные изменения выбора поставщиков сырья, материалов и оборудования. Необходимость таких изменений обусловлена, прежде всего тем, что многие ведущие западные компании ушли с российского рынка и прекратили поставку запасных частей и комплектующих для ранее поставляемой продукции. В этой связи требуется перестройка традиционных цепочек поставок, ориентация на новых поставщиков, прежде всего из дружественных стран.

По мнению авторов, необходимы также существенные изменения во взаимоотношениях с банками и страховыми компаниями. Требуется дальнейшее снижение процентов банковской ставки и более мягкие условия страхования рисков деятельности предприятий машиностроения.

В изменениях нуждаются и отношения органов федерального и регионального управления. Эти изменения должны включать в себя ослабление государственного контроля над деятельностью предприятий машиностроения, оказание финансовой, правовой и других форм поддержки.

Совершенствования необходимы и во взаимоотношениях с образовательными и научно-исследовательскими организациями. Изменения должны строиться на более тесных взаимодействиях с данными организациями, привлечении научного потенциала университетов и научно-исследовательских институтов в решении проблем налаживания выпуска новой продукции на предприятиях машиностроения. Кроме того, предприятия машиностроения остро нуждаются в притоке квалифицированных кадров – в рабочих и инженерных профессиях. К сожалению, наблюдается определённый дефицит высококвалифицированных кадров, сдерживающий дальнейшее развитие отрасли.

Безусловно, в поддержке нуждаются и потребители готовой продукции отрасли машиностроения. В частности, необходимо увеличение размера предоставляемых им субсидий для покупки новой продукции.

Таким образом, требуются существенные изменения во взаимоотношениях предприятий машиностроения с окружающей средой. Изменения должны способствовать увеличению конкурентоспособности отрасли, повышению качества выпускаемой продукции и выпуску новой продукции, по своим характеристикам не уступающей зарубежным аналогам.

Несмотря на нестабильные условия современной мировой экономики и существующие проблемы, Россия продолжает наращивать собственный производственный потенциал в области машиностроения. Во многих регионах Российской Федерации машиностроительные предприятия наладили выпуск отечественной продукции, по своим техническим параметрам не уступающей зарубежным аналогам.

В таблице 2 приводятся примеры деятельности предприятий машиностроительной отрасли, наладивших импортозамещение зарубежной продукции в 2022 г.

Таблица 2 / Table 2

Предприятия машиностроительной отрасли, наладившие импортозамещение зарубежной продукции в 2022 году / Enterprises of the machine-building industry, which established import substitution of foreign products in 2022

Регион	Предприятие	Деятельность	Изменения
Московская область	«Тонар»	Выпуск магистральных полуприцепов, сельскохозяйственной техники.	Импортозамещение в области производства осей полуприцепов
Брянская область	Клинцовский автокрановый завод	Сборка кранов-манипуляторов, автогидроподъемников, гусеничных полноповоротных кранов	Открытие в 2022 году нового цеха по сборке оборудования
Москва	Щербинский лифтостроительный завод	Производство и обслуживание лифтов	Запуск производства высокоскоростных лифтов
Самарская область	Пегас-Агро	Разработка и продажа самоходных опрыскивателей-разбрасывателей	Производство новой версии самоходного опрыскивателя-разбрасывателя «Туман-3»
Челябинская область	СпецАгрегат	Разнообразная техника – комбинированные машины, бортовые автомобили, прицепы и иная сложная в производстве машиностроительная продукция	Выпуск бульдозера с газозлектрическим приводом, планируется импортозамещение аэродромной техники, в том числе плужно-щеточной машины с раздачей твердого реагента и подметально-продувочной машины.
Пермский край	Пермский завод «Машиностроитель»	Производство твердотопливных ракетных двигателей для нужд военно-промышленного комплекса и ракетно-космической отрасли.	Планируется импортозамещение в авиационной области – производство комплектующих для авиационных двигателей (реверсивные устройства, корпуса)

Источник: Составлено авторами на основе анализа данных Минпромторга РФ¹.

Как следует из приведённых данных, к числу регионов, наиболее успешно осуществляющих процесс импортозамещения, следует отнести Москву и Московскую область, Пермский край, Самарскую, Брянскую и Челябинскую области.

В качестве примера регионального развития можно выделить отдельные предприятия, которые, несмотря на ограниченные условия внешнеторговой деятельности и санкционную политику, продолжают развитие собственного производства, выпуская новую продукцию и получая поддержку от государства. К числу таких предприятий следует отнести АО «Кировское машиностроительное предприятие», судостроительный комплекс «Звезда», ООО «Комбайновый завод "Ростсельмаш"» и другие².

¹ Минпромторг России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://minpromtorg.gov.ru> (дата обращения: 10.02.2023).

² Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 10.02.2023).

Как показывает практика 2022 г., производители пытаются компенсировать нехватку продукции машиностроительной отрасли и нарастить свои мощности. Несмотря на возникшие сложности, предприятия не останавливают выпуска новой продукции, а государство продолжает оказывать помощь ключевым отраслям экономики – особенно машиностроению. Импортозамещение, создание модернизированных версий отечественной продукции – всё это в тренде современного развития предприятий отраслей машиностроения.

Рассматривая проблему в разрезе машиностроительной отрасли, можно выделить несколько кейсов, которые делают актуальной данную проблематику и требуют определённых изменений.

Во-первых, недостаточное развитие отдельных отраслей машиностроения обусловлено слабой поддержкой и подготовкой необходимых кадров в инженерной области. Несмотря на то, что Российская Федерация имеет лидирующие позиции по количеству выпускников-инженеров, развитие машиностроительной отрасли отстаёт от кадрового обеспечения. Четверть выпускников вузов страны – инженеры, и по данному показателю Россия превосходит большинство стран мира. Однако, надо учитывать, что затем выпускники инженерных специальностей зачастую переходят работать в другие секторы экономики, так как уровень развития машиностроения довольно слаб и не обеспечивает выпускников работой по специальности¹.

Имеющаяся статистика востребованности молодых специалистов показывает низкий уровень трудоустройства по инженерной специальности. Сложность возникает на этапе трудоустройства. Всё чаще выпускники инженерных специальностей сталкиваются с отказом в работе по причине отсутствия опыта или недостаточной компетенции будущего работника. Как итог – возможная потеря молодого ума, способного привнести в отрасль новации и перспективные идеи.

Кроме этого, выпускники зачастую сталкиваются с зарплатным разочарованием и неудовлетворительными перспективами роста. В настоящий момент молодые инженеры находят себя в иных профессиях, далёких от выбранной инженерной сферы. Например, там, где больше размер заработной платы или выше перспективы роста и развития, от IT до сферы услуг.

Перечисленные факторы не позволяют машиностроительной отрасли обеспечить кадровую преемственность и омолодить инженерный персонал.

Для решения данной проблемы можно предложить следующие:

1) увеличить количество контрактов между учебными заведениями и предприятиями, создать больше возможности для «закрепления» будущих выпускников на рабочих местах;

2) расширить число грантов за разработки и идеи, что позволит нарастить стимул среди студентов и учеников;

3) субсидировать предприятия, предоставляющие выпускникам рабочие места, что позволит выделить успешным инженерам конкурентную заработную плату.

Вторую проблему можно определить, как недостаточное информационное оповещение производителей в машиностроительной отрасли. Российские производители недостаточно активно реализуют меры государственной поддержки. В большей мере это связано с недостаточной информативностью и малой активностью в процессе получения необходимой поддержки. Так, многие предприятия не озна-

¹ Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/12/16/bolshe-vsego-v-rossii-gotoviat-inzhenerov.html?ysclid=l9bhfsdml0728727555> (дата обращения: 10.02.2023).

комлены со всеми доступными им субсидиями, льготными кредитами и банковскими гарантиями, а также с другими мерами возможной поддержки.

Следует отметить, что существует сервис ГИСП, который расшифровывается как «Государственная информационная система промышленности». Данная система является навигатором мер государственной поддержки. ГИСП создана для автоматизации процессов получения полной и исчерпывающей информации о реализации государством мер поддержки предприятия в сфере промышленности. Зарегистрировавшись, производитель получает полный доступ к информации обо всех мерах поддержки, которые предоставляют все органы власти – как федеральные, так и региональные¹.

Например, в данный момент активно реализуется Стратегия цифровой трансформации промышленности. Финансирование осуществляется в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 30.04.2019 № 529. Главная цель данной стратегии – создание отечественного программного обеспечения для обрабатывающих отраслей промышленности. Документ был сформирован для стимулирования российских ИТ-предприятий и предприятий, связанных с отраслью машиностроения. Он включает в себя 34 пункта, с подробным пояснением процесса предоставления субсидий, а также методику определения рейтинга заявки и лист для расчёта размера субсидий².

На финансирование проектов в рамках данной программы в 2022 г. было выделено 792 млн руб. В следующем году планируется увеличение данной суммы до 1185 млн руб., а в 2024 г. – до 1 440 млн руб. Следует отметить, что субсидии не превышают суммы, равной 50% от затрат на разработку, хоть их размер и не ограничен. Все проекты вносятся в Единый реестр российского программного обеспечения, но права на разработанный продукт сохраняются у производителя.

За все время существования программы была оказана поддержка на сумму более 5 млрд. рублей за счёт средств федерального бюджета. Следует также отметить, что было привлечено и внебюджетное финансирование, размер которого составил 11 млрд руб.

В рамках данной программы уже утверждено 92 комплексных проекта, 36 из которых завершены. Например, ООО «Сознательные машины», деятельность которого связана с областью специального и сельскохозяйственного машиностроения. Представленной компанией была разработана технологическая сеть IoT, которая является платформой для подключения транспортных средств к облачным сервисам с целью осуществления удалённого управления и мониторинга.

В качестве примера можно привести опыт ООО «ИЦ «КАМАЗ», автомобилестроительного предприятия. В работе данного предприятия используется проект «Цифровая платформа обеспечения качества распределенной разработки высокотехнологичной продукции», призванный обеспечивать применение общих подходов с использованием передовых технологий на всех этапах реализации сложных проектов в машиностроении.

Следует отметить, что в планах находится запуск мультисервисной платформы, которая должна будет собрать в одном сервисе ИТ-компаний и промышленные предприятия. Ожидаемой датой выхода был конец 2022 г. Система предоставит

¹ Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 № 488-ФЗ.

² Постановление Правительства РФ от 30.04.2019 г. № 529 «Об утверждении Правил предоставления субсидий российским организациям на возмещение части затрат на разработку цифровых платформ и программных продуктов в целях создания и (или) развития производства высокотехнологичной промышленной продукции».

доступ к обширному перечню верифицированных отечественных IT-решений для промышленности.

Широкий спектр государственной поддержки оказывается и в отрасли радиоэлектронной промышленности, которая непосредственно связана с машиностроением.

Поддержка реализуется в рамках следующих нормативно-правовых актов:

1) Постановление Правительства РФ от 17 февраля 2016 г. № 109 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий российским организациям на финансовое обеспечение части затрат на создание научно-технического задела по разработке базовых технологий производства приоритетных электронных компонентов и радиоэлектронной аппаратуры». На основании данного документа предоставляются субсидии российским предприятиям для покрытия части затрат на создание научно-технического задела по разработке базовых технологий производства приоритетной радиоэлектронной аппаратуры. Государство готово покрыть 70% процентов издержек, срок ограничен до 7 лет, последующий объем реализации комплектующих долженкратно превышать размер субсидии.

2) Постановление Правительства РФ от 16 декабря 2020 г. № 2136 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий российским организациям на финансовое обеспечение мероприятий по проведению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области средств производства электроники». Данный документ предназначен для предприятий, занимающимся разработкой и выпуском основных средств для производства электроники. Для таких предприятий предоставляется субсидия на финансовое обеспечение мероприятий по проведению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Финансирование осуществляется в 90% размере, срок – 10 лет, должна быть реализована продукция в размере 115% от субсидии.

3) Постановление Правительства РФ от 24 июля 2021 г. № 1252 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий российским организациям на финансовое обеспечение части затрат на создание электронной компонентной базы и модулей». Поддержка оказывается российским предприятиям на финансовое обеспечение части затрат на создание электрокомпонентных модулей, предназначенных для внедрения в состав конечной продукции. Финансирование в размере 90%, а срок составляет 7 лет. Максимальный объем финансирования – 1,5 млрд руб. в год, результат — 100% от субсидии для модулей и 50% для электронных компонентов.

Помимо радиоэлектронной промышленности, существуют и иные программы поддержки для других категорий машиностроительной отрасли. На данный момент фонд развития промышленности профинансировал уже более 1 100 проектов, суммарно выдано почти 282 млрд руб. Из них 73,3% – это проекты в сфере машиностроения.

Доступен широкий спектр программ:

- 1) «Проекты развития»;
- 2) «Комплектующие изделия»;
- 3) «Конверсия»;
- 4) «Производительность труда»;
- 5) «Цифровизация промышленности»;
- 6) «Автокомпоненты»;
- 7) «Лизинг»;
- 8) «Станкостроение»;

- 9) «Маркировка товаров»;
- 10) «Формирование компонентной и ресурсной базы»;
- 11) «Приоритетные проекты»;
- 12) «Экологические проекты»;
- 13) «Транспортное машиностроение».

При полном соответствии условиям отбора предприятия могут обеспечить себя финансированием – от 50 до 90%. Для производителя это огромные суммы¹.

Исходя из приведённой выше информации, можно сделать вывод, что государство принимает определённые меры для развития отечественного машиностроения. Перечень имеющихся субсидий и других льгот может заинтересовать предпринимателей. Оценить в полной мере итоговые результаты всех нововведений представится возможным уже в ближайшие несколько лет.

Немаловажной также является проблема качества, производимой и ввозимой по импорту техники. Ужесточение и повышение контроля качества – важная необходимость в современных условиях. Параллельный импорт и ряд ограничений создают широкий спектр возможностей для реализации высокотехнологичной продукции на отечественном рынке. В текущий период времени реализуемые меры способствуют проникновению большого количества техники сомнительного качества. Механизмы импорта не позволяют таможенным службам достаточно тщательно контролировать качество ввозимой продукции и необходимых компонентов. В этой связи необходимо принятие дополнительных мер контроля и ограничений проникновения некачественной продукции на внутренний рынок.

Заключение

В настоящее время важно создать благоприятные условия для импортозамещения зарубежной продукции и развития предприятий отечественного машиностроения. Задача заключается в дальнейшем стимулировании выпуска высококачественной инновационной отечественной продукции и всемерной поддержки отраслей машиностроения, используя эффективно как средства федерального и регионального бюджета, так и собственные средства машиностроительных предприятий.

Необходима концентрация совместных усилий по налаживанию производства машин и оборудования, комплектующих узлов и запасных частей. Требуется программа дальнейшего развития высокотехнологических производств, способных заместить зарубежную продукцию.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вертакова Ю. В., Клевцова М. Г., Клевцов С. М., Фарафонова С. Г. Обоснование механизмов государственного экономического регулирования для обеспечения устойчивого развития промышленности регионов // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2016. № 3 (29). С. 25–33.
2. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 2020. 310 с.

¹ Субсидии предприятиям промышленности. Какие меры господдержки доступны производителям? [Электронный ресурс]. URL: https://exkavator.ru/main/news/inf_news/142792_subsidii_2022_kakie_merigospoddergki_dostupni_proizvoditelyam.html (дата обращения: 10.02.2023).

3. Калайтан Н. А. Управление технологическим развитием промышленных предприятий России // Сибирский торгово-экономический журнал. 2015. № 1 (20). С. 27–29.
4. Мага А. А. Измерение уровня инновационного развития экономических систем // Вестник экономиста ЗАБГУ. 2013. № 3. С. 1–13.
5. Толкачев С. А., Тепляков А. Ю., Нормова Ю. В. Циклический характер промышленной политики в течение жизненного срока мирохозяйственного уклада // III Арригиевские чтения: материалы международной научно-практической конференции по теме: «Путь России в будущей мировой порядок», г. Орёл, 22–24 октября 2020 г. Ч. 1. Орёл: ОГУ имени И. С. Тургенева, 2020. С. 60–67.
6. Castellacci F. Technological paradigms, regimes and trajectories: Manufacturing and service industries in a new taxonomy of sectoral pattern of innovation // Research Policy. 2018. № 6–7. P. 978–996.
7. Geels F. W. Technological transitions as evolutionary reconfiguration processes: a multilevel perspective and a case-study // Research Policy. 2022, pp. 1257–1274.
8. Genus A., Coles A. M. Rethinking the multi-level perspective of technological transitions // Research Policy. 2018. № 9. P. 1425–1441.

REFERENCES

1. Vertakova Yu. V., Klevtsova M. G., Klevtsov S. M., Farafonova S. G. [Substantiation of mechanisms of state economic regulation to ensure sustainable development of regional industry]. In: *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii* [Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technologies], 2016, no. 3 (29), pp. 25–33.
2. Glaz'ev S. Yu. *Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of long-term techno-economic development]. Moscow, VladaR Publ., 2020. 310 p.
3. Kalaytan N. A. [Management of technological development of Russian industrial enterprises]. In: *Sibirskii torgovo-ekonomicheskii zhurnal* [Siberian Trade and Economic Journal], 2015, no. 1 (20), pp. 27–29.
4. Maga A. A. [Measurement of the level of innovative development of economic systems]. In: *Vestnik ekonomista ZABGU* [Bulletin of the Economist of ZABGU], 2013, no. 3, pp. 1–13.
5. Tolkachev S. A., Teplyakov A. Yu., Normova Yu. V. [Cyclical nature of industrial policy during the life cycle of the world economic structure]. In: *III Arrigievskie chteniya: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po teme: "Put' Rossii v budushchii mirovoi porjadok"*, g. Oryol, 22–24 oktyabrya 2020 g. Ch. 1 [III Arrihievsky Readings: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference on the Topic: "Russia's Path to the Future World Order", Oryol, October 22–24, 2020. Pt. 1]. Orel, OSU named after I. S. Turgenev Publ., 2020, pp. 60–67.
6. Castellacci F. Technological paradigms, regimes and trajectories: Manufacturing and service industries in a new taxonomy of sectoral pattern of innovation. In: *Research Policy*, 2018, no. 6–7, pp. 978–996.
7. Geels F. W. Technological transitions as evolutionary reconfiguration processes: a multilevel perspective and a case-study. In: *Research Policy*, 2022, pp. 1257–1274.
8. Genus A., Coles A. M. Rethinking the multi-level perspective of technological transitions. In: *Research Policy*, 2018, no. 9, pp. 1425–1441.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Веселовский Михаил Яковлевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления Технологического университета;
e-mail: consult46@bk.ru

Федотов Александр Владленович – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры управления Технологического университета;
e-mail: fed230@yandex.ru

Фатдаков Руслан Владимирович – аспирант кафедры управления Технологического университета;
e-mail: fatdakov@mail.ru

Усатова Людмила Васильевна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры бухгалтерского учёта и аудита Белгородского государственного технологического университета имени В. Г. Шухова;
e-mail: usatoval@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhail Ya. Veselovsky – Dr. Sci. (Economics), Prof., Head of Department, Department of Management, Technological University;
e-mail: consult46@bk.ru

Aleksandr V. Fedotov – Dr. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Prof., Department of Management, Technological University;
e-mail: fed230@yandex.ru

Ruslan V. Fatdakov – Postgraduate Student, Department of Management, Technological University;
e-mail: fatdakov@mail.ru

Ludmila V. Usatova – Dr. Sci. (Economics), Prof., Prof., Department of Accounting and Audit, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov;
e-mail: usatoval@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Проблемы развития регионального машиностроения в контексте необходимости импортозамещения / М. Я. Веселовский, А. В. Федотов, Р. В. Фатдаков, Л. В. Усатова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 59–70.

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-59-70

FOR CITATION

Veselovsky M. Ya., Fedotov A. V., Fattakhov R. V., Usatova L. V. Problems of Regional Mechanical Engineering Development in the Context of the Need for Import Substitution. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2023, no. 2. pp. 59–70.

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-59-70

УДК 330.3; 338.2

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-71-84

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА: ЦЕЛИ, РЕАЛИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ

Голодова Ж. Г., Лазырин М. С., Кузнецов М. М.*Российский университет дружбы народов**117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить тенденции развития обрабатывающей промышленности Казахстана, раскрыть предпосылки и направления трансформации стратегии его инновационно-индустриального развития, оценить их результативность.

Процедура и методы. Применены методы научного познания сравнения и обобщения, индукции и дедукции, статистического анализа. Использованы научные публикации зарубежных и российских учёных-экономистов, нормативно-правовые акты и официальные статистические данные.

Результаты. На основе анализа развития промышленности современного Казахстана авторами выделены этапы трансформации промышленной политики и определены их особенности. Выявлены важнейшие тенденции промышленного развития, определены основные проблемы, сдерживающие развитие обрабатывающей промышленности. Проведена оценка результатов реализации стратегии «новой индустриализации» – программ инновационно-индустриального развития Казахстана, раскрыты новые меры стимулирования развития обрабатывающей промышленности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты проведённого исследования вносят вклад в развитие теории индустриализации. Наряду с теоретической систематизацией положений, исследование имеет практическую значимость, заключающуюся в оценке результатов реализации государственных программ инновационно-индустриального развития Казахстана, определении тенденций и перспективных направлений развития его обрабатывающей промышленности.

Ключевые слова: промышленная политика, обрабатывающая промышленность, индустриализация, структурные преобразования экономики, диверсификация, стратегия развития, региональная дифференциация

INDUSTRIAL POLICY OF KAZAKHSTAN: GOALS, REALITIES AND DIRECTIONS FOR INCREASING PERFORMANCE

Zh. Golodova, S. Lazyrin, M. Kuznetsov*Peoples Friendship University of Russia (RUDN University)**ul. Miklukho-Maklaya 6, Moscow 117198, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the trends in the development of the manufacturing industry in Kazakhstan, reveal the prerequisites and directions for transforming the strategy of its innovative and industrial development, and evaluate their effectiveness.

Methodology. Methods of scientific knowledge of comparison and generalization, induction and deduction, statistical analysis are applied. Scientific publications of foreign and Russian scientists-economists, legal acts and official statistics are used.

Results. Based on the analysis of the development of industry in modern Kazakhstan, the authors have identified the stages of transformation of industrial policy and determined their features. The most important trends in industrial development have been identified, and the main problems hindering the development of the manufacturing industry have been identified. The results of the implementation of the strategy of «new industrialization» – the programs of innovative and industrial development of Kazakhstan were assessed; new measures to stimulate the development of the manufacturing industry were disclosed.

Research implications. The results of the study contribute to the development of the theory of industrialization. Along with the theoretical systematization of the provisions, the study has practical significance, which consists in assessing the results of the implementation of state programs for the innovative and industrial development of Kazakhstan, identifying trends and promising directions for the development of its manufacturing industry.

Keywords: industrial policy, manufacturing industry, industrialization, structural transformation of the economy, diversification, development strategy, regional differentiation

Введение

Оценивая перспективы развивающихся стран почти полвека назад, С. Кузнец пришёл к выводу, что устойчивый экономический рост невозможен без существенных структурных изменений [10]. Некоторыми другими авторами также указывалось, что, несмотря на возможности обеспечения рынком эффективного распределения ресурсов, экономическое развитие, являясь динамичным процессом, обуславливает необходимость осуществления структурных изменений. Государство же должно играть активную роль в содействии структурным изменениям [12, p. 14–15].

Вопросам определения сущности и направлений промышленной политики и её особенностям в странах с развивающейся экономикой посвящены работы многих зарубежных (С. Кузнеца, П. Кругмана, Д. Родрика и др.) и российских авторов (Е. Б. Ленчук, А. И. Татаркина и т. д.). Исследование форм и инструментов осуществления программ индустриализации содержится в трудах А. Андреони, Дж. Лин, Х.-Дж. Чанг и т. д. В последние десятилетия осознание правительствами необходимости «новой индустриализации» – создания условий для инновационно-индустриального развития – имеет место во многих странах с развивающейся рыночной экономикой, в т.ч. в Казахстане. Начиная с 2003 г., в стране разрабатываются стратегия и государственные программы инновационно-индустриального развития промышленности и её ведущего сегмента – обрабатывающей промышленности¹. Однако многие целевые индикаторы результативности этих программ в Казахстане не только не были достигнуты, но и оказались ниже по сравнению с предыдущими периодами. В этой связи важно определить причины не достижения обозначенных целей, раскрыть направления совершенствования стратегии инновационно-индустриального развития и механизма её реализации.

¹ «Стратегия индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003–2015 годы» (Стратегия 2003–2015); «Государственная программа по форсированному индустриально-инновационному развитию Республики Казахстан на 2010–2014 годы» (ГПФИИР 2010–2014), «Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015–2019 годы» (ГПИИР 2015–2019) и «Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2020–2025 годы» (ГПИИР 2020–2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U100000958>; <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000874>; <https://www.gov.kz/legalacts/details/P1900001050?lang=ru#z352> (дата обращения: 10.01.2023).

Подходы к раскрытию сущности промышленной политики и «новой индустриализации»

Мировая практика свидетельствует о наличии различных подходов к реформированию экономики и направлениям индустриализации, осуществляемых в развивающихся странах: стратегии «догоняющего развития», «традиционной специализации», «индустриального развития», – и другие страны постсоветского пространства, в т. ч. Республика Казахстан, за годы независимости пытались использовать какой-то из этих вариантов, не всегда успешно, поскольку промышленная политика не всегда была грамотно проработана, реализована и подкреплена ресурсными возможностями. Следует также учитывать, что, несмотря на наличие разных трактовок сущности промышленной политики, общим является понимание: 1) необходимости осуществления структурных изменений; 2) приоритетного развития обрабатывающей промышленности; 3) необходимости активной роли государства. В частности, Д. Родрик (2008) определяет промышленную политику как государственную политику, направленную на стимулирование конкретной экономической деятельности, способствующей структурным изменениям [14, р. 3]. Согласно документам МВФ, промышленная политика трактуется как политика, направленная на стимулирование роста производительности в ключевых для промышленного развития секторах – в первую очередь в обрабатывающей промышленности, а также в сопутствующих услугах и вспомогательной инфраструктуре. В документах ЮНКТАД отмечается, что промышленная политика, как правило, ориентирована на защиту или стимулирование развития отдельных отраслей и на стимулирование структурных преобразований¹. Ряд зарубежных исследователей подчеркивает, что промышленная политика должна базироваться на создании условий, обеспечивающих получение и распределение стоимости, определяемой глобальными цепочками создания стоимости [7]. Довольно близкая позиция отражена и в работах некоторых российских авторов, определяющих промышленную политику как государственную политику, направленную на улучшение бизнес-среды или структуры экономической активности по отраслям и технологиям, которые обеспечат более благоприятные перспективы для экономического роста и социального благосостояния по сравнению с отсутствием такого вмешательства [2].

При этом большинством авторов подчёркивается активная роль государства в реализации промышленной политики в развивающихся странах при такой аргументации, что, с одной стороны, в условиях догоняющего развития рынок если и справляется с задачей координации инвестиций в разные отрасли, то крайне медленно, а, с другой, рынок характеризуется периодическими «провалами» и зачастую противоречит инновациям [1; 3; 4; 9]. Ф. Ф. Рыбаков отмечает, что круг проблем промышленной политики, решаемых государством, достаточно широк, и предлагает выделять «внутренний и внешний круг проблем промышленной политики» [5, с. 35]. Заслуживает внимания также позиция Д. Родрика, отмечающего, что аргументы против промышленной политики связаны со сложностью её реализации, а недостатки промышленной политики во многом обусловлены не самим фактом государственного вмешательства, а используемыми инструментами воздействия [14]. Он уточнял, что государство, не обладающее полной информацией, должно координировать свои усилия с компаниями, причём государство должно получать информацию от частного бизнеса [13, р. 16–17]. А. И. Татаркин в целом

¹ World Investment Report 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://worldinvestmentreport.unctad.org/world-investment-report-2018/chapter-4-investment-and-new-industrial-policies> (дата обращения: 08.01.2023).

правомерно трактует современную промышленную политику этих стран как систему отношений между государственными и муниципальными органами власти, хозяйствующими субъектами, научными и общественными организациями по поводу формирования структурно-сбалансированной конкурентоспособной промышленности, интеллектуальное ядро которой представлено новейшим технологическим укладом [6, с. 7]. Представляется целесообразным дополнить, что в данной системе отношений определяющую роль для всех субъектов должно играть соответствие их деятельности принятой государственной стратегии инновационно-индустриального развития.

Важнейшей задачей современной науки и практики является разработка противоположного (обратного) процесса – «реиндустриализации» – восстановления и технико-технологической модернизации с последующим переходом на стадию нового индустриального развития (осуществление инновационной индустриализации). Следует отметить, что экономическая политика реиндустриализации обширнее, чем стандартные варианты государственной промышленной политики. Она направлена на планомерное восстановление (создание) индустриальной технико-технологической основы экономической системы макроэкономическими, институциональными организационно-правовыми и структурно-инвестиционными мерами государственного воздействия на предприятия не только отраслей промышленности, но и вспомогательной инфраструктуры, финансовой и банковской систем.

В экономической литературе принято выделять разные подходы к осуществлению таких структурных преобразований [11, р. 22–23]. Ещё полвека назад С. Кузнец определял индустриализацию как процесс структурных преобразований, связанный с изменением отраслевого состава экономики [10, р. 7]. При этом факторы производства из сельского хозяйства перемещаются в «современные» отрасли, характеризующиеся высоким уровнем производительности [8]. В настоящее время, в процессах так называемой новой индустриализации, речь идёт, прежде всего, о приоритетном развитии обрабатывающей промышленности и производстве высокотехнологичной продукции посредством комплекса правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на повышение её конкурентоспособности. Именно такой подход провозглашён в Казахстане, объявившем в начале 2000-х гг. о необходимости индустриально-инновационного развития, о курсе на диверсификацию экономики и сокращение сырьевой направленности экспорта.

Трансформация стратегий развития промышленности Казахстана и оценка результатов их реализации

В период социалистической индустриализации создаваемые предприятия Казахстана тесно стыковались с индустриальными комплексами Сибири и Южного Урала. Вследствие распада СССР и разрыва устоявшихся технологических, производственных и логистических цепочек произошло снижение технико-технологического уровня производственных предприятий и даже целых отраслей, так называемая их деиндустриализация.

С начала 1990-х гг. страны постсоветского пространства, в т. ч. Республика Казахстан, в процессе рыночных преобразований столкнулись с проблемами структурной трансформации промышленности. Однако из-за использования элементов «шоковой» терапии, непродуманной бюджетно-кредитной политики, отсутствия разработанных подходов и принципов экономических преобразований,

соответствующих как потребностям, так и возможностям, усложнялось создание условий для роста экономики и повышения качества жизни населения. Кроме того, либерализация внешнеэкономической деятельности привела к притоку импортных товаров, в результате чего многие казахстанские предприятия обрабатывающей промышленности (пищевой, легкой и др.) были закрыты. В целях ухода от неэффективной сырьевой и энергетической направленности производства и экспорта разрабатывались меры по реформированию промышленности.

Так, в 1990-е гг. – *период стратегии нормализации производства и оживления инвестиционной активности* – осуществление рыночных преобразований потребовало формирования соответствующих институтов и нормативно-правовой базы, создания условий для демонополизации экономики, формирования конкурентной среды и поиска источников новых инвестиций. Меры правительства, реализуемые на фоне разрыва хозяйственных связей с предприятиями-партнёрами стран СНГ, закрытия предприятий военно-промышленного комплекса, высочайших темпов инфляции и девальвации национальной валюты, лишь частично сдерживали спад экономики, поддерживаемый сырьевым сектором. Кроме того, «новые» собственники приватизируемых предприятий, как правило, ориентировались на собственные краткосрочные цели без учёта интересов общества. Кризис 1997–1998 гг. актуализировал проблему реформирования промышленности, для решения которой в 1997 г. была разработана Стратегия Казахстан–2030, предусматривающая индустриализацию за счёт диверсификации производства и привлечения значительных иностранных инвестиций. При этом было признано, что опорной отраслью экономики остаётся добывающая промышленность, но отмечено, что индустриальная стратегия не будет затрагивать отдельные предприятия, а будет способствовать развитию «подходящих» для страны отраслей, в числе которых были названы пищевая и лёгкая промышленность, нефте- и газопереработка, химическое и нефтехимическое производство, отдельные подотрасли машиностроения, конечные наукоемкие производства [2, с. 48–49].

В 2000–2009 гг. – *период диверсификации экономики с опорой на сырьевой экспорт* – были созданы специализированные институты индустриально-инновационной инфраструктуры (Национальный фонд (2001), Банк развития Казахстана (2001), Национальный инновационный фонд (2003), Инвестиционный фонд Казахстана (2004), диалоговые площадки для взаимодействия и координации действий государства и бизнеса). Разрабатывались и внедрялись инструменты стимулирования предпринимательской активности, в т. ч. для субъектов малого и среднего бизнеса. Вместе с тем, в течение данного периода на фоне высоких цен на ресурсы (мировая цена нефти выросла более чем в 2,8 раза) и сохраняющейся деформации экономики сдерживались возможности развития обрабатывающей промышленности, характеризующейся в тот период реализацией преимущественно продукции низких переделов. Но в то же время глобальный кризис 2008–2009 гг. обозначил необходимость оперативного отказа от модели сырьевого развития и разработки программы индустриально-инновационного развития страны.

В 2010–2019 гг. – *период индустриально-инновационного развития* – были разработаны Государственная программа форсированного индустриально-инновационного развития (ускоренной индустриализации) (ГПФИИР), рассчитанная на 2010–2014 гг., а затем и Государственная программа индустриально-инновационного развития (ГПИИР), рассчитанная на 2015–2019 гг., предусматривающие диверсификацию экономики при приоритетном развитии обрабатывающей промышленности (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Цели и приоритеты Государственных программ индустриально-инновационного развития РК / Goals and priorities of the State programs of industrial and innovative development of the Republic of Kazakhstan

Программа	Цели	Приоритет	Результат
ГПФИИР 2010-2014	диверсификация экономики повышение конкурентоспособности экономики	реализация крупных инвестиционных проектов в традиционных экспортноориентированных секторах экономики, с мультипликацией новых бизнес возможностей для малого и среднего бизнеса	реализовано 770 проектов
ГПИИР 2015-2019	эффективное развитие обрабатывающей промышленности и достижение среднего уровня конкурентоспособности самых развитых стран ОЭСР в обрабатывающей промышленности	проектное управление точечная инвестиционная политика и технологическое перевооружение промышленности массовое предпринимательство и эффективная занятость	реализовано 480 проектов
ГПИИР 2020-2025	создание экспортноориентированной экономики с высокой добавленной стоимостью фокусирование на поддержке экспортеров в обрабатывающей промышленности	расширение границ сбыта продукции встраивание в глобальные цепочки создания стоимости внедрение нового механизма поддержки – Соглашения о повышении конкурентоспособности	программа закрыта

Источник: Составлено авторами по данным сайта Информационно-правовой системы нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U100000958_; <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000874>; <https://www.gov.kz/legalacts/details/P1900001050?lang=ru#z352> (дата обращения: 10.01.2023).

Однако, несмотря на меры государственной поддержки, рост инвестиций в основной капитал по отрасли «промышленность», многие целевые ориентиры этих программ не были выполнены (табл. 2). Среди причин недостижения целей следует выделить нестабильность политической и экономической ситуации, усиление конкуренции на внешнем и внутреннем рынках. Следует также учитывать, что в 2015–2021 гг. имела место девальвация тенге, не позволившая достичь прироста производительности труда, исчисляемой в долларовой составляющей, но способствующая выполнению плана по объёму инвестиций.

С конца 2010-х гг. на фоне усиления внешней конкуренции и нестабильности цен на сырьевых рынках назрела необходимость увеличения производства и экспорта высокотехнологичной продукции. Данная ситуация обусловила изменение стратегии промышленного производства в Казахстане, провозглашавшей начало с 2020 г. периода индустриально-инновационного развития на основе индивидуального подхода, с акцентированным стимулированием экспортёров высокотехнологичной продукции. Первоначально, продолжая традицию, правительством страны в целях дальнейшей диверсификации производства была утверждена ГПИИР РК на 2020–2025 гг. Акцент в ней был сделан на создание экспортноориентированной экономики с высокой добавленной стоимостью (экспортноориентированная индустриализация при активном стимулировании обрабатывающей промышленности).

Таблица 2 / Table 2

Оценка результатов Государственных программ индустриально-инновационного развития РК / Evaluation of the results of the State programs of industrial and innovative development of the Republic of Kazakhstan

Показатели	ГПФИИР 2010–2014		ГПИИР 2015–2019		ГПИИР 2020–2025		
	план к 2015 г.	факт	план к 2019 г.	факт	план к 2025 г.	2021 г.	
						план	факт
Доля промышленно-сти в экономике, %	25	24,7	н/у	27,5	н/у	н/у	29,6
Прирост стоимостно-го объема несырье-вого экспорта, %	30% к 2008 г.	21%	19% к 2015 г.	13%	1,9 раз к 2018 г.	129,5% к 2018 г.	164,4
Рост производитель-ности труда в обраб. промышленности, %	1,5 раз к 2008 г.	2 раза	22% к 2015 г.	13	1,6 раз к 2018 г.	126,2% к 2018 г.	111,5
Объем инвестиций в основной капитал обраб. промышленно-сти, трлн тенге	н/у	0,7%	4,5	4,9	1,6 раз к 2018 г.	123,9% к 2020 г.	123,7
Снижение энергоем-кости ВВП, %	10% к 2008 г.	0	7 к 2014 г.	29	н/у	н/у	н/у
Численность занятых в обраб. промышлен-ности, тыс чел.	н/у	495,4	515,3	584	н/у	н/у	580

Источник: Составлено авторами по данным сайта Информационно-правовой системы нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U100000958_; <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000874>; <https://www.gov.kz/legalacts/details/P1900001050?lang=ru#z352> (дата обращения: 10.01.2023).

В рамках этой программы обозначено, что 1) поддержка будет оказываться эффективным предприятиям всех отраслей обрабатывающей промышленности (традиционным производствам, ориентированным на внутренний рынок, обладающим экспортным потенциалом или обеспечивающим «экономику будущего»); 2) основное внимание будет уделено освоению новой, расширению и усложнению действующей номенклатуры производимой продукции; 3) для получения прямой поддержки получатели должны будут принимать определённые встречные обязательства; 4) для активизации развития цифровизации промышленности необходимо создание соответствующих стандартов и инфраструктуры. Для каждой из групп предприятий были внедрены инструменты государственной поддержки и стимулирования. Однако в процессе реализации некоторые промежуточные параметры Программы 2020–2025 гг. не были достигнуты, и было принято решение о её закрытии. В настоящее время цели индустриального развития отражаются в национальном проекте «Устойчивый экономический рост, направленный на повышение благосостояния казахстанцев». В данном национальном проекте целевые индикаторы индустриального развития во многом совпадают с ГПИИР, но в нём отсутствуют конкретные меры промышленной политики и карта индустриализации.

Проблемы и тенденции развития обрабатывающей промышленности Казахстана

Внедряемые меры стимулирования позволили увеличить объёмы промышленного производства в целом и производства продукции обрабатывающей промышленности в частности, обеспечить рост количества предприятий обрабатывающей промышленности, сделать обрабатывающую промышленность привлекательной для инвестиций (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Динамика развития обрабатывающей промышленности в Казахстане в 2000–2021 гг. / Dynamics of the development of the manufacturing industry in Kazakhstan in 2000–2021

Показатели	2000	2010	2015	2020	2021	2021/2000
Количество предприятий обрабатывающей промышленности, ед.	12492	8 559	8 082	9 245	18163	1,45
Доля обрабатывающей промышленности в ВВП, %	16,5	11,3	10,1	13,1	13,3	0,81
Объём производства обрабатывающей промышленности, млрд тенге	835,8	3427,6	5971,9	13232,7	17121,4	2,05
Численность персонала обрабатывающей промышленности, тыс чел.	391,1	338,1	306,9	290,5	282,3	0,72
Рентабельность, %	26,5	43,2	5,3	15,8	33,4	1,26
Инвестиции в основной капитал по отрасли «Промышленность», млрд тенге	385,9	2586,8	3863,1	6203,3	6500,1	16,8

Источник: Составлено авторами по данным сайта Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.kz/edition/publication/collection> (дата обращения: 10.01.2023).

Основными регионами по производству отдельных видов обрабатывающей промышленности в общем объёме их производства являются:

- металлургическая промышленность (доля в производстве обрабатывающей промышленности 45,7%) – Карагандинская (35,5%), Восточно-Казахстанская (19,3%) и Павлодарская (15,0%) области;¹
- продукция машиностроения (13,7%) – Костанайская область (21,6%), г. Алматы (17,1%) и г. Астана (10,9%);
- производство продуктов питания (13,2%) – Алматинская область (14,9%), Костанайская область (12,5%), г. Алматы (11,9%);
- продукция нефтепереработки (6,6%) – Атырауская область (50,4%), г. Шымкент (17,7%) и Павлодарская область (13,4%);
- продукция химической промышленности (3,3%) – Жамбылская (36,0%), Актыубинская (11,3) и Карагандинская (10,8%) области;
- фармацевтическая продукция (1,2%) – Карагандинская область (40,4%), г. Шымкент (25,8%) и Алматинская область (17,2%).

Благодаря принимаемым правительством мерам удалось снизить дифференциацию регионов Казахстана по некоторым показателям, характеризующим уровень развития промышленности (в т. ч. обрабатывающей), но существенный разрыв

¹ По регионам указана доля в производстве конкретного вида продукции обрабатывающей промышленности.

между ними всё ещё сохраняется (табл. 4). В 2021 г. высоким был уровень дифференциации по таким показателям, как валовая добавленная стоимость обрабатывающей промышленности, однако по среднему размеру зарплаты в обрабатывающей промышленности имела место более благополучная ситуация по сравнению с промышленностью в целом. Такое размещение производств и, как следствие, занятых в экономике, обусловило изменение в 2022 г. административного деления – было принято решение о создании трёх новых областей.

Таблица 4 / Table 4

Динамика показателей дифференциации регионов Казахстана по развитию обрабатывающей промышленности в 2000–2021 гг. / Dynamics of indicators of differentiation of regions of Kazakhstan on the development of the manufacturing industry in 2000–2021

Показатели	Коэффициент осцилляции			Индекс Тейла		
	2000	2010	2021	2000	2010	2021
Количество действующих промышленных предприятий	1,7	1,7	1,3	0,19	0,12	0,11
Объем промышленного производства	3,3	4,0	3,7	0,33	0,38	0,3
Объем производства обрабатывающей промышленности	4,7	3,4	3,5	0,5	0,34	0,31
Инвестиции в основной капитал обрабатывающей промышленности	н.д.	3,5	4,2	н.д.	0,38	0,06
Численность персонала основной деятельности промышленности	3,4	2,4	2,5	0,24	0,16	0,16
Средний размер зарплаты в промышленности	2,08	1,49	1,94	1,82	1,31	1,65

Источник: рассчитано авторами.

Такая дифференциация во многом объясняет дисбаланс развития обрабатывающей промышленности в регионах. В частности, в 2021 г. в 7 из 17 регионов Казахстана доля обрабатывающей промышленности в общем объеме промышленного производства являлась высокой (более 72%), в 2 – выше среднего (от 54 до 72%), в 2 – средней (от 35 до 54%), в 2 – ниже среднего (от 18 до 36%) и 3 – низкой (менее 18%). Аналогичная ситуация была и в 2000 г., когда эти показатели составили 3, 2, 1, 3 и 7 соответственно.

Не удалось достичь многих целей программ инновационно-индустриального развития и решить многие проблемы развития обрабатывающей промышленности. Её доля в ВВП страны за период 2000–2021 гг. не только не увеличилась, но даже сократилась. Не получилось достичь ожидаемой позиции Казахстана в международном Индексе экономической свободы и Индексе сложности производственной структуры, хотя она улучшилась по сравнению с 2018 г.: в 2021 г. страна заняла 64-е и 87-е место соответственно (в 2018 г. 64-е и 93-е место).

Среди основных внутренних причин этого следует признать снижение инвестиционной активности, сокращение денежной массы в экономике, ограниченный доступ предприятий к финансированию и др. (рис. 1). И хотя с 2015 г. наблюдается тенденция роста объема кредитов, предоставляемых банками второго уровня предприятиям обрабатывающей промышленности (в 2,3 раза), но их доля составила в 2021 г. лишь 10,7% от общего объема кредитов экономике. Только 72,4% зарегистрированных предприятий обрабатывающей промышленности являлись дей-

ствующими, из них 96% относились к малым предприятиям, которые, как правило, не имеют возможности производить высокотехнологичную продукцию. Как следствие, доля инновационно-активных предприятий обрабатывающей промышленности составила лишь 12,9% (причём за пять лет она сократилась на 0,7%), и только около 7,8% крупных и средних предприятий используют цифровые технологии.

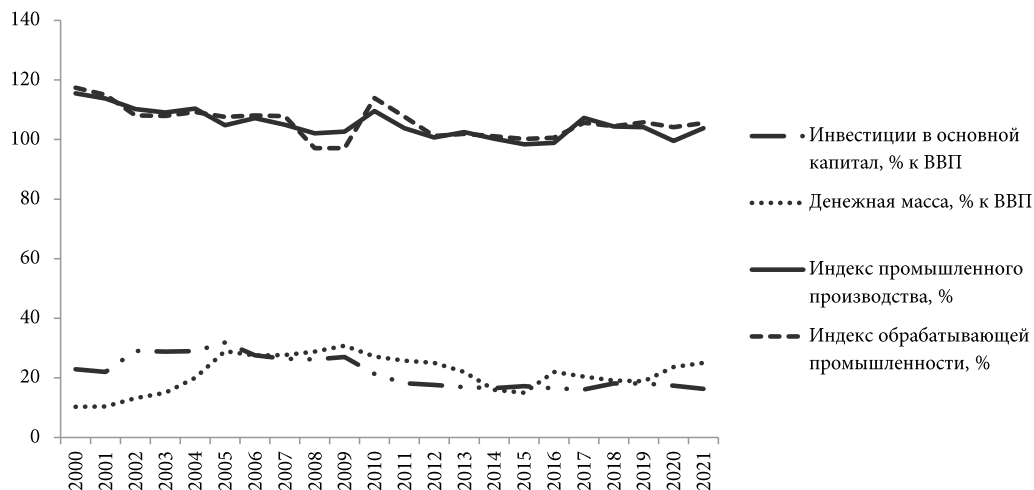


Рис. 1 / Fig. 1. Динамика показателей развития Казахстана в 2000–2021 гг. / Dynamics of development indicators of Kazakhstan in 2000–2021

Источник: Составлено авторами по данным сайта Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.kz/edition/publication/collection> (дата обращения: 10.01.2023).

Негативной тенденцией следует признать и стабильное снижение в 2000–2021 гг. доли занятых в обрабатывающей промышленности Казахстана (с 7,8 до 6,6%). Поэтому не случайно правительством РК установлен дополнительный ориентир развития обрабатывающей промышленности к 2025 г. – увеличение количества действующих предприятий обрабатывающей промышленности на 1000 человек экономически активного населения в 1,5 раза к уровню 2018 г.

Высокий уровень износа основных средств предприятий обрабатывающей промышленности (40,6%) также сдерживает возможности увеличения производства высокотехнологичной продукции. Причём уровень износа повысился за период 2017–2021 гг. на 12,2%.

На фоне всех этих проблем сохраняется низкой (менее 30%) доля обработанной продукции в структуре экспорта Казахстана, тогда как её доля в импорте остаётся высокой – более 90%. Причем доля товаров высокой технологической сложности составляет лишь около 23% экспорта обрабатывающей промышленности, а доля трёх регионов (г. Астаны, г. Алматы и Алматинской области) в экспорте продукции высокой технологической сложности составила в 2021 г. 70,1%.

Направления совершенствования программы инновационно-индустриального развития Казахстана

Одной из задач стимулирования индустриализации, являющейся основой модернизации экономики, является привлечение и удержание иностранных инве-

сторов. В качестве основных инструментов стимулирования притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Казахстане в 2019–2022 гг. были:

- создание Комитета по инвестициям Министерства иностранных дел Республики Казахстан (2019);
- возобновление безвизового режима с 24 странами, в т. ч. с Великобританией, Германией, США, Японией (2022);
- введение налогового инвестиционного кредита с отсрочкой налоговых платежей на три года (2021);
- формирование единого пула инвестиционных проектов (2022), при этом предусмотрены совместное определение товарных групп и ниш для организации производства государственными учреждениями и кампаниями реального сектора в Казахстане, а также реализация странового таргетированного подхода при выборе иностранного инвестора.

Предпринятые меры уже позволили увеличить приток ПИИ в страну. Так, за 9 месяцев 2022 г. он составил 22,1 млрд долл. (в 2019 г. – 24,4 млрд долл., в 2020 г. – 17,2 млрд долл., 2021 г. – 23,8 млрд долл.).

Учитывая недостаточную результативность предыдущих мер и ориентируясь на потенциал развития отдельных отраслей (машиностроения, нефтеперерабатывающей, химической, лёгкой и др.), правительство Казахстана решило изменить механизм стимулирования развития обрабатывающей промышленности: был осуществлён переход к дифференциальной поддержке конкретных предприятий обрабатывающей промышленности. Кроме того, пандемийный и постпандемийный периоды актуализировали необходимость приоритетного развития и инвестирования средств в предприятия фармацевтической и пищевой промышленности. Для этого выделены следующие группы предприятий:

1. «Центры тяжести» (20 системообразующих и/или высокотехнологичных предприятий, осуществляющих совместные проекты с транснациональными компаниями или крупными иностранными инвестициями в капитале) – пакет мер в рамках СПИК. Вместе с тем, такие предприятия должны будут принять встречные обязательства по привлечению прямых иностранных инвестиций, освоению производства продукции, не имеющей аналогов в Казахстане, углублению переработки сырья, поэтапной локализации, трансферту технологий и компетенций, реализации капиталоемких и наукоёмких проектов.

2. «Новые индустриальные игроки» (300 начинающих предприятий) – в рамках Соглашения о повышении конкурентоспособности предоставляются: гранты на приобретение оборудования и маркировку товаров; сертификаты для технологического развития; прямое кредитование импортёров; возмещение транспортных затрат на экспорт; финансирование аккредитивов, расходов по экспортному контракту и текущих расходов по экспортным поставкам;

3. «Драйверы роста» (12000 действующих предприятий, имеющих регулярную валютную выручку) и «Крепкий тыл» (2700 действующих предприятий, имеющих регулярные налоговые выплаты) – новыми мерами поддержки в рамках соглашений с уполномоченным органом в области государственной поддержки индустриальной деятельности на принципах государственно-частного партнёрства. Здесь также предусматривается принятие встречных обязательств на срок от 5 лет со стороны предприятий с учётом целей их стимулирования. В качестве обязательств предприятий обозначены повышение производительности труда, увеличение номенклатуры и повышение «сложности» производимой продукции и экспортируемых товаров, освоение новых рынков сбыта, ответственность предприятия за некачественное либо несвоевременное исполнение принятых встречных обязательств.

Особые новые меры предусмотрены для стимулирования экспорта средне- и высокотехнологичной продукции, среди которых¹:

- возмещение затрат экспортёров – расходов на рекламу товаров за рубежом, на участие в зарубежных выставках (ярмарках, фестивалях, форумах, конгрессах), изготовление, перевод и издание распространяемых за рубежом каталогов, содержание филиалов, представительств, складов, торговых полок за рубежом, регистрацию товарных знаков, доставку товаров до конечного пункта назначения и др. (предельный размер возмещения одному получателю 13000 МРП²);

- сокращение перечня документов, представляемых для получения возмещения затрат (отменено представление путевого листа, справок и др.);

- распространение льгот по возмещению затрат на трейдеров, дистрибьюторов и т. д.;

- установление дифференцированного размера возмещения в зависимости от сложности экспортируемых товаров (от 30% по товарам нижнего передела до 80% по товарам верхнего передела).

Решения Правительства РК по стимулированию повышения потребительского спроса, улучшению бизнес-среды, предусматривающему в т. ч. отмену более 6500 требований в различных сферах экономики, не соответствующих регуляторной политике, увеличение объёма поддержки реального сектора до 3,4 трлн тенге (около 7,2 млрд долл.), призваны способствовать созданию новых производственных мощностей и поддержанию положительной динамики инновационно-индустриального развития страны и её обрабатывающей промышленности.

Заключение

Проведённое исследование показало, что в Республике Казахстан на фоне сохранения многих экономических проблем изменился стратегический подход государственной поддержки обрабатывающей промышленности. При этом на основе анализа факторов и тенденций развития отрасли выявлено, что меры правительства по улучшению ситуации позволили сократить дифференциацию регионов страны по количеству действующих предприятий, масштабам производства в обрабатывающей промышленности и объёмам её инвестирования.

Успешная реализация основных направлений промышленной политики, раскрытых в представленной статье методов и форм стимулирования государством производства высокотехнологичной продукции позволит не только обеспечить устойчивый рост экономики страны на основе модернизации промышленности, но и существенно повысить уровень благосостояния граждан.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власкин Г. А., Ленчук Е. Б. Промышленная политика в условиях перехода к инновационной экономике. М.: Наука, 2006. 245 с.
2. Назарбаев Н. А. Стратегия независимости. Алматы: Жибек жолы, 2012. 324 с.
3. Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости / отв. ред. Е. Б. Ленчук. СПб.: Алетейя, 2016. 336 с.

¹ Приказ Министерства торговли и интеграции Республики Казахстан от 23.09.2020 № 208-НК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/20kz0208> (дата обращения: 16.01.2023).

² МРП - Месячный расчетный показатель, ежегодно устанавливаемый правительством РК. В 2023 г. он составляет 3450 тенге (≈ 7,47 долларов США).

4. Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 4–24.
5. Рыбаков Ф. Ф. Промышленная политика России: дискуссионные вопросы // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Вып. 1. Сер. 5. С. 33–38.
6. Татаркин А. И. Промышленная политика как основа системной модернизации экономики России // Экономика и управление. 2008. № 2. С. 6–12.
7. Chang H.-J., Andreoni A. The Political Economy of Industrial Policy: Structural Interdependences, Policy Alignment and Conflict Management // Structural Change and Economic Dynamics. 2019. № 48. P. 136–150.
8. Cimoli M., Dosi G., Sitglitz J. The future of industrial policies in the new millenium: toward a Knowledge centred development agenda // Cimoli, M., Dosi G., Sitglitz J. Industrial Policy and Development. Ch. 20. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 541–560.
9. Krugman P. Protection in Developing Countries // Policymaking in the Open Economy: Concepts and Case Studies in Economic Performance / ed. R. Dornbusch. New York: Oxford University Press, 1993. P. 127–148.
10. Kuznets S. Modern Economic Growth. New Haven, CT: Yale University Press, 1966. 529 p.
11. Lin J. Y. Public Revenue Management Policy in Resource-Rich Countries. The World Bank. Development Economics Office of the Vice President February, 2010. 38 p.
12. Lin J. Y. New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development, 2012. 371 p.
13. Rodrik D. Industrial Policy for the Twenty-First Century. Harvard University, 2004. 56 p.
14. Rodrik D. Industrial Policy: Don't Ask Why, Ask How // Middle East Development Journal. 2008. Vol. 1. Iss. 1. P. 1–29.

REFERENCES

1. Vlaskin G. A., Lenchuk E. B. *Promyshlennaya politika v usloviyah perekhoda k innovacionnoj ekonomike* [Industrial policy in the context of transition to an innovative economy]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 245 p.
2. Nazarbaev N. A. *Strategiya nezavisimosti* [Independence strategy]. Almaty, Zhibek Zholy Publ., 2012. 324 p.
3. Lenchuk E. B., ed. *Novaya promyshlennaya politika Rossii v kontekste obespecheniya tekhnologicheskoy nezavisimosti* [New industrial policy of Russia in the context of ensuring technological independence]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2016. 336 p.
4. Polterovich V. [Modernization Strategies, Institutions and Coalitions]. In: *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 2008, no 4, pp. 4–24.
5. Rybakov F. F. [Industrial policy of Russia: discussion questions]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 2013, iss. 1, no. 5, pp. 33–38.
6. Tatarkin A. I. [Industrial Policy as a Basis for the Systematic Modernization of the Russian Economy]. In: *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2008, no. 2, pp. 6–12.
7. Andreoni, A., Chang H.-J. The Political Economy of Industrial Policy: Structural Interdependences, Policy Alignment and Conflict Management. In: *Structural Change and Economic Dynamics*, 2019, no. 48, pp. 136–150.
8. Cimoli M., Dosi G., Sitglitz J. The future of industrial policies in the new millenium: toward a Knowledge centred development agenda. In Cimoli, M., Dosi G., Sitglitz J. *Industrial Policy and Development*. Ch. 20. Oxford, Oxford University Press, 2009. pp. 541–560.
9. Krugman P. Protection in Developing Countries. In: Dornbusch R., ed. *Policymaking in the Open Economy: Concepts and Case Studies in Economic Performance*. New York, Oxford University Press, 1993, pp. 127–148.
10. Kuznets S. Modern Economic Growth. New Haven, CT, Yale University Press, 1966. 529 p.
11. Lin J. Y. Public Revenue Management Policy in Resource-Rich Countries, The World Bank.

Development Economics Office of the Vice President February, 2010. 38 p.

12. Lin J. Y. New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development, 2012. 371 p.
13. Rodrik D. Industrial Policy for the Twenty-First Century. Harvard University, 2004, 56 p.
14. Rodrik D. Industrial Policy: Don't Ask Why, Ask How. In: *Middle East Development Journal*, 2008, vol. 1, iss. 1. pp. 1–29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Голодова Жанна Гаврииловна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов;
email: golodova_zhg@rudn.ru

Лазырин Михаил Сергеевич – старший преподаватель кафедры экономико-математического моделирования Российского университета дружбы народов;
email: lazyrin_ms@rudn.ru

Кузнецов Михаил Михайлович – аспирант кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов;
email: 1142220533@rudn.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Zhanna G. Golodova – Dr. Sci. (Economics), Prof., Department of National Economics, Peoples' Friendship University of Russia;
email: golodova_zhg@rudn.ru

Mikhail S. Lazyrin – Senior Lecturer, Department of Economic and Mathematical Modeling, Peoples' Friendship University of Russia;
email: lazyrin_ms@rudn.ru

Mikhail M. Kuznetsov – Postgraduate Student, Department of National Economics, Peoples' Friendship University of Russia;
email: 1142220533@rudn.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Голодова Ж. Г., Лазырин М. С., Кузнецов М. М. Промышленная политика казахстана: цели, реалии и направления повышения результативности // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 71–84.
DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-71-84

FOR CITATION

Golodova Zh. G., Lazyrin M. S., Kuznetsov M. M. Industrial Policy of Kazakhstan: Goals, Realities and Directions for Increasing Performance. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2023, no. 2, pp. 71–84.
DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-71-84

УДК 338.4 JEL: O12, O21, M3

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-85-92

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Джамай Е. В.^{1,2}, Фокина Д. А.³, Михайлова Л. В.²

¹Центральный институт авиационного моторостроения имени П. И. Баранова

111116, г. Москва, ул. Авиамоторная, д. 2, Российская Федерация

²Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

125080, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4, Российская Федерация

³Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 3, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Статья посвящена исследованию основных тенденций цифровой трансформации промышленных предприятий.

Процедура и методы. При проведении исследования использовались методы системного анализа, позволяющие комплексно рассматривать процессы, происходящие на промышленных предприятиях.

Результаты. На основе проведенного исследования основных признаков цифровизации определена экономическая сущность цифровой трансформации промышленности, которая заключается в необходимости рассматривать данное явление с точки зрения экономических эффектов, возникающих на предприятиях под действием трансформационных процессов. Представлены основные отличия автоматизации производственных процессов от цифровой трансформации промышленного предприятия в целом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Показано, что выделенные отраслевые тенденции цифровой трансформации промышленных предприятий приводят к изменениям способов производства, а их интеграция в производственно-технологическую и операционную модель является не конкурентным преимуществом, а необходимым условием развития промышленности.

Ключевые слова: промышленное предприятие, автоматизация, цифровизация, цифровая трансформация, цифровые технологии

COMPREHENSIVE ANALYSIS OF THE MAIN TRENDS IN THE DIGITAL TRANSFORMATION OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

E. Dzhamay^{1,2}, D. Fokina³, L. Mikhailova²

¹Central Institute of Aviation Motors

ul. Aviamotornaya 2, Moscow 111116, Russian Federation

²Moscow Aviation Institute (National Research University (Moscow)

4 Volokolamskoe shosse, Moscow, 125080, Russian Federation

³Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov

per. Stremyanny 3, Moscow 117997, Russian Federation

Abstract.

Aim. The article is devoted to the study of the main trends in the digital transformation of industrial enterprises.

Methodology. During the research, methods of system analysis were used, which allow to comprehensively consider the processes taking place at industrial enterprises.

Results. Based on the study of the main features of digitalization, the economic essence of the digital transformation of industry is determined, which consists in the need to consider this phenomenon from the point of view of the economic effects that arise at enterprises under the influence of transformational processes. The main differences between the automation of production processes and the digital transformation of an industrial enterprise as a whole are presented.

Research Implications. It is shown that the identified industry trends of digital transformation of industrial enterprises lead to changes in production methods, and their integration into the production, technological and operational model is not a competitive advantage, but a necessary condition for the development of industry.

Keywords: industrial enterprise, automation, digitalization, digital transformation, digital technologies

Введение

Ускорение темпов научно-технического прогресса меняет модель и структуру промышленного производства: в рамках новой технологической парадигмы оно становится цифровым, автоматизированным, кастомизированным и более распределённым территориально. Для того, чтобы сохранить конкурентоспособность, промышленным предприятиям необходимо не только регулярно отслеживать развитие современных цифровых технологий, но и своевременно внедрять новые технологии в свою оперативную деятельность. Процесс отслеживания трендов цифровизации и их внедрения закладывается в операционную модель развития современных промышленных предприятий. Экономическая сущность цифровой трансформации промышленности на современном этапе общественного развития заключается в необходимости рассматривать данное явление с точки зрения экономических эффектов, возникающих на предприятиях под действием трансформационных процессов.

Сущность цифровой трансформации

Некоторые промышленные предприятия заявляют о цифровой трансформации, покупая новые пакеты программного обеспечения или автоматизируя отдельные процессы, но на самом деле никакой цифровой трансформации они не совершают. Промышленные предприятия в силу своих особенностей, несомненно, обладают рядом отличий от предприятий других сфер экономики, и само по себе внедрение новых технологий не приводит к значительным изменениям. Развитие цифровых платформенных технологий для промышленных предприятий также обладает рядом особенностей [7].

Если говорить о достижении зрелости цифровых технологий в промышленно-сти, то можно выделить несколько уровней, отличающихся результатами и необходимыми для внедрения ресурсами [5, с. 78]:

– *оцифровка производственно-технологических процессов* – создание цифрового двойника продуктов и услуг и перевод аналоговых данных в цифровую форму;

– *цифровизация* – встраивание новых цифровых технологий и решений в существующие производственно-технологические и бизнес-процессы, способствующее повышению их эффективности. В результате цифровизации происходит позитивное влияние на производственно-экономические показатели, но бизнес-модели предприятий не меняются;

– *цифровая трансформация* – изменение бизнес-модели предприятия для разработки новых продуктов или организации выхода на новые рынки.

Анализ и оценка готовности машиностроительных предприятий к цифровой трансформации являются одним из первых шагов на пути перехода предприятия к цифровизации. Несмотря на то, что цифровая трансформация способствует формированию целого ряда неоспоримых конкурентных преимуществ, на сегодняшний день скорость цифровизации у отечественных промышленных предприятий ниже, чем в мире в целом.

Отдельные исследователи считают, что цифровая трансформация представляет собой преобразование множества горизонтальных и вертикальных бизнес-процессов, оптимизацию операционных процедур, изменение традиционных моделей и параметров взаимодействия между участниками цепочек создания добавленной стоимости. Новые технологические решения требуют дополнительных инвестиций в совершенствование системы управления, обучение и переобучение сотрудников, развитие цифровой корпоративной культуры [3, с. 99].

Эксперты Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ ключевым признаком цифровой трансформации считают качественные изменения в бизнес-процессах и моделях деятельности, прежде всего возникающие в рамках цифровых платформ.

Ряд исследователей рассматривает цифровую трансформацию предприятия только с точки зрения выгоды, которую предполагается получить в ходе реализации мероприятий по цифровизации. Структура цифровой трансформации представлена через стоимость бизнеса. В результате цифровой трансформации ожидаются рост выручки, прибыли и повышение операционной эффективности, что, в конечном итоге, должно привести к увеличению стоимости бизнеса. Используя традиционную бизнес-модель через цифровизацию предприятия и клиентов, предполагается построить новую бизнес-модель «переоценки предприятия».

Процессы цифровой трансформации требуют от промышленных предприятий внедрения новых производственных и информационных технологий во все производственно-технологические аспекты деятельности.

Цифровая трансформация отражает кардинальные преобразования, которые внедрение новых производственных технологий вносит в производственно-технологические и бизнес-процессы предприятий промышленности в целом.

Необходимо рассматривать процесс цифровой трансформации предприятий промышленности как процессы преобразования устоявшихся способов взаимодействия между предприятиями и организациями, происходящие под действием новых, прогрессивных производственных и цифровых технологий. Таким образом, цифровая трансформация промышленных предприятий должна быть рассмотрена как процесс перехода на производственную деятельность и бизнес-модели на основе широкомасштабного сквозного внедрения новых технологий, использования цифровых инструментов и бизнес-моделей, предполагающих подключение к интернету как можно большего количества устройств.

Исходя из изложенного выше, мы рассматриваем экономическую сущность цифровой трансформации промышленности как необходимость перехода к внедрению передовых производственных и информационных технологий, способствующих

максимальной эффективности функционирования и сохранению устойчивого состояния производственно-экономических систем.

Учитывая, что цифровая трансформация промышленных предприятий – необратимый процесс, основанный на качественных изменениях внешней среды, она связана с необходимостью нарушения устойчивости производственно-экономических систем, которое может способствовать либо образованию новой системы, либо её распаду. По мере накопления коренных изменений во внешней среде происходит трансформационное развитие, включающее этап количественно-качественных изменений предприятий и этап перехода предприятий (трансформацию) на новый уровень цифрового развития.

Среди трендов и предпосылок цифровой трансформации промышленности необходимо выделить:

- изменения в структуре глобальной экономики;
- смещение объёмов спроса на первичные природные ресурсы;
- индивидуализацию потребительских предпочтений;
- развитие новых продуктовых ниш и инновационных продуктов;
- создание новых форм межфирменного взаимодействия и новых бизнес-моделей;
- развитие новых форм и способов привлечения ресурсов.

Среди отраслевых особенностей цифровой трансформации, оказывающих влияние на развитие промышленных предприятий на современном этапе общественного развития, необходимо отметить следующие тренды [6, с. 2645]:

– Внедрение сквозных технологий автоматизации производственно-технологических и бизнес-процессов предприятий, цифровизация разработки, проектирования, планирования, управления трудовыми ресурсами, рост расходов на внедрение инноваций и НИОКР.

– Возможности внешнего финансирования и стимулирования, основанного на наличии значительного количества государственных программ поддержки промышленного производства.

– Наличие законодательных инициатив и мер государственной поддержки внедрения отечественных продуктов ИКТ, поддержка внедрения сервисов и платформенных решений.

– Рост доверия со стороны общества к внедрению прогрессивных ИКТ, организационная гибкость предприятий, использование коммуникаций в рабочих группах.

– Развитие платформенного взаимодействия, способствующего возможности совместного использования временно свободных ресурсов.

Цифровая трансформация промышленности не происходит сама по себе, она основана на постоянном развитии и массовом внедрении цифровых технологий, особо отметить важность внедрения сквозных цифровых технологий [1, с. 237]. Понятие «сквозные» применено в связи с тем, что эти технологии универсальны, не связаны с каким-то отдельным продуктом или сферой деятельности, могут применяться в любых индустриях, отраслях и секторах экономики, например, в промышленности, образовании, медицине, энергетике, строительстве, машиностроении [4, с. 212].

Государство в отношении сквозных цифровых технологий выступает в двух ролях: с одной стороны, как регулятор, призванный способствовать развитию новых технологий, а с другой стороны, как гарантированный потребитель новых технологий, изменяющих функционирование предприятий, организаций, органов государственного сектора. Государственная поддержка по стимулированию развития

сквозных технологий осуществляется в рамках федерального проекта «Цифровые технологии» национальной программы «Цифровая экономика РФ».

Среда отраслевых тенденций цифровой трансформации промышленных предприятий, необходимо выделить следующие:

- усиление транснациональной конкуренции, приводящее к изменению архитектуры международных рынков;
- усиление фрагментации производства и гиперспециализация, способствующие формированию глобальных производственно-сбытовых цепей;
- повышение доступности конвергентных ИТК-технологий, позволяющих применять CALS-технологии и ускорять диффузию инноваций.

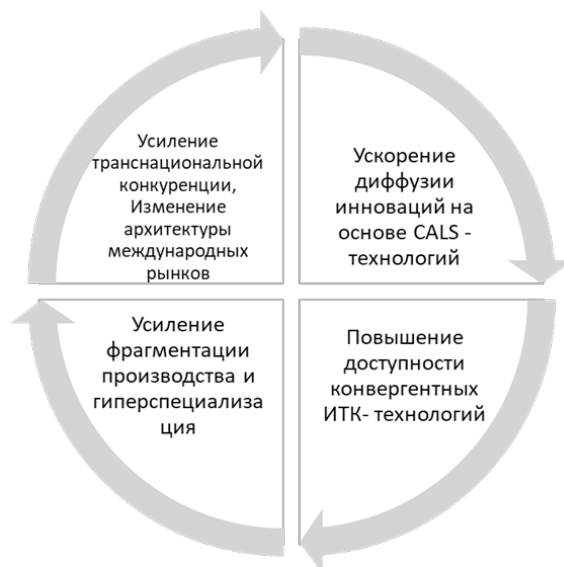


Рис. 1 / Fig. 1. Тенденции цифровой трансформации промышленных предприятий / Trends in the digital transformation of industrial enterprises

Выделенные тенденции, представленные на рисунке 1, приводят к изменениям способов производства, распределения и потребления продукции, изменениям технологических решений (аддитивные технологии производства, продукция становится программно-определяемой за счёт внедрения программируемых функций и модулей), предполагают разработку и внедрение новых производственно-технологических инструментов и моделей управления, требуют сквозной автоматизации управленческих и производственных процессов. Интеграция выделенных тенденций в производственно-технологическую и операционную модель – не конкурентное преимущество, а необходимое условие развития промышленных предприятий сегодня. Выделенные особенности отраслевых трансформационных изменений, среди которых: диверсификация международных рынков машиностроительной продукции, новые способы производства, распределения и потребления продукции, цифровые бизнес-модели и технологические решения, автоматизация процессов производства и управления, – оказывают прямое воздействие на устойчивое развитие промышленных предприятий [2, с. 106].

Трансформационные изменения оказывают влияние и на конкурентоспособность предприятий отрасли, изменяют стратегические подходы управления развитием предприятий на основе трендов цифровой трансформации, представляют

собой переход к новым формам организации производственно-технологических и бизнес-процессов предприятий машиностроительной отрасли, осуществляющийся в результате повышения доступности ИКТ-технологий. Данный переход требует разработки и внедрения новых форм и подходов к организации управленческой деятельности на предприятиях отрасли.

Статья поступила в редакцию 16.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демин С. С., Джамай Е. В., Сазонов А. А. Трансформация пространства корпоративной информационной системы при реализации высокотехнологичными предприятиями концепции «Индустрия 4.0» // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 7А. С. 225–239.
2. Желтенков А. В. Развитие управления организацией промышленного типа: проблемы, концепции, цели, механизмы. М.: Московский государственный областной университет, 2008. 149 с.
3. Кукур Б. Л., Куршев Е. П., Виноградов А. Н. Разработка динамического когнитивного сценария функционирования предприятия и производственных комплексов в процессе управления экономикой // Теоретические проблемы стратегического планирования на микроэкономическом уровне: сборник докладов участников секционных заседаний XXI Всероссийского симпозиума, г. Москва, 10–11 ноября 2020 г. М.: ЦЭМИ РАН, 2020. С. 98–101.
4. Полосков С. С., Желтенков А. В. Индустрия 4.0 и цифровая трансформация предприятий: цели, концепции и оценка // Наука и благо человечества – 2020: материалы Международной научной онлайн-конференции молодых учёных, г. Москва, 20–24 апреля 2020 г. М.: Московский государственный областной университет, 2020. С. 210–214.
5. Сазонов А. А., Джамай Е. В., Демин С. С. Цифровые технологии в авиастроении и особенности трансформации бизнес-задач в рамках генезиса новой технологической концепции // Научный Вестник ГосНИИГА. 2019. № 29 (340). С. 75–85.
6. Фокина Д. А. Информационно-технологические платформы машиностроительных предприятий // Научное обозрение: теория и практика. 2020. Т. 10. № 11 (79). С. 2642–2651.
7. Belyakova G., Belyakov S., Fokina D., Shpak A. Formation of a model of information technology platform for the development of foreign trade potential as the basis for the technological development of engineering enterprises // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering Associations. Krasnoyarsk: Institute of Physics and IOP Publishing Limited, 2020. P. 420–433.

REFERENCES

1. Demin S. S., Dzhamay E. V., Sazonov A. A. [Transformation of the space of the corporate information system in the implementation of the concept of “Industry 4.0” by high-tech enterprises]. In: *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: yesterday, today, tomorrow], 2019, vol. 9, no. 7A, pp. 225–239.
2. Zheltenkov A. V. *Razvitie upravleniya organizatsiej promyshlennogo tipa: problemy, koncepcii, celi, mekhanizmy* [Development of management of an industrial type organization: problems, concepts, goals, mechanisms]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2008. 149 p.
3. Kukor B. L., Kurshev E. P., Vinogradov A. N. [Development of a dynamic cognitive scenario for the functioning of an enterprise and production complexes in the process of managing the economy]. In: *Doklady uchastnikov sekcionnykh zasedaniy XXI Vserossiyskogo simpoziuma*,

- g. Moskva, 10–11 noyabrya 2020 g.* [Reports of the participants of the sectional meetings of the XXI of the All-Russian Symposium, Moscow, November 10–11, 2020]. Moscow, CEMI RAS Publ., 2020, pp. 98–101.
4. Poloskov S. S., Zheltenkov A. V. [Industry 4.0 and Digital Transformation of Enterprises: Goals, Concepts and Evaluation]. In: *Nauka i blago chelovechestva – 2020: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj onlajn konferencii molodyh uchenykh, g. Moskva, 20–24 aprelya 2020 g.* [Science and the Benefit of Mankind – 2020: Proceedings of the International Scientific Online Conference of Young Scientists, Moscow, April 20–24, 2020]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2020, pp. 210–214.
 5. Sazonov A. A., Dzhamay E. V., Demin S. S. [Digital technologies in the aircraft industry and features of the transformation of business tasks within the framework of the genesis of a new technological concept]. In: *Nauchnyj Vestnik GosNIIGA* [Scientific Bulletin of GosNIIGA], 2019, no. 29 (340), pp. 75–85.
 6. Fokina D. A. [Information technology platforms of machine-building enterprises]. In: *Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika* [Scientific Review: Theory and Practice], 2020, vol. 10, no. 11 (79), pp. 2642–2651.
 7. Belyakova G., Belyakov S., Fokina D., Shpak A. Formation of a model of information technology platform for the development of foreign trade potential as the basis for the technological development of engineering enterprises. In: *Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering Associations*. Krasnoyarsk, Institute of Physics and IOP Publishing Limited, 2020, pp. 420–433.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Джамай Екатерина Викторовна – доктор экономических наук, доцент, ученый секретарь Центрального института авиационного моторостроения им. П. И. Баранова; профессор кафедры управления высокотехнологичными предприятиями Московского авиационного института (национального исследовательского университета);
e-mail: secretar@ciam.ru

Фокина Дарья Александровна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры информатики Высшей школы кибертехнологий, математики и статистики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;
e-mail: Fokina.DA@rea.ru

Михайлова Любовь Викторовна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и маркетинга высокотехнологичных отраслей промышленности Московского авиационного института (национального исследовательского университета);
e-mail: lubov999999@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Dzhamay – Dr. Sci (Economics), Assoc. Prof., Scientific Secretary, Central Institute of Aviation Motors; professor at the Department of management of high-tech enterprises, Moscow Aviation Institute (National Research University);
e-mail: secretar@ciam.ru.

Daria A. Fokina – Dr. Sci (Economics), Assoc. Prof, Department of Informatics the Higher School of Cyber Technologies, Mathematics and Statistics, Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov,
e-mail: Fokina.DA@rea.ru

Lubov V. Mikhailova – Cand. Sci (Economics), Assis. Prof, Department of Management and marketing of high-tech industries of the industry, Moscow Aviation Institute (National Research University);

e-mail: lubov999999@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Джамай Е. В., Фокина Д. А., Михайлова Л. В. Комплексный анализ основных тенденций цифровой трансформации промышленных предприятий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 85–92.

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-85-92

FOR CITATION

Dzhamay E. V., Fokina D. A., Mikhailova L. V. Comprehensive Analysis of the Main Trends in the Digital Transformation of Industrial Enterprises. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2023, no. 2. pp. 85–92.

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-85-92

УДК 332.145

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-93-102

МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Караман К. С., Лапыгин Ю. Н.

*¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимирский филиал
600017, г. Владимир, ул. Горького, д. 59А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Построить алгоритмы формирования стратегии экономической безопасности муниципальных образований.

Процедуры и методы. В качестве методов выполнения исследования использован контент-анализ документов, метод графического моделирования, метод парных сравнений, построения морфологических матриц, метод номинальных групп и построения формулировки стратегии на основе ключевых слов целей. Проанализировано содержание стратегий муниципальных образований Владимирской области на предмет отражения в них вопросов экономической безопасности. Определены основные факторы, влияющие на экономическую безопасность муниципальных образований. Установлены нормативные документы, регламентирующие направления, цели и задачи построения стратегии экономической безопасности муниципальных образований.

Результаты. Проведённый анализ показал неполноту отражения в стратегиях развития муниципальных образований вопросов экономической безопасности. Разработаны алгоритмы построения стратегий экономической безопасности муниципальных образований на базе выстроенных четырёх подходов, составляющих основу конфигуратора стратегий.

Теоретическая и/или практическая значимость. Каждая модель сформированного конфигуратора позволяет построить стратегию экономической безопасности муниципального образования. Комплексное представление перспектив развития муниципального образования в части экономической безопасности обеспечивает наполнение содержания самой стратегии развития муниципального образования адекватными проектами, программами и стратегически значимыми мероприятиями.

Ключевые слова: алгоритм, конфигуратор, муниципальное образование, стратегия, экономическая безопасность

MODELS OF FORMATION OF THE STRATEGY OF ECONOMIC SECURITY OF MUNICIPALITIES

K. Karaman, Yu. Lapygin

*Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Vladimir Branch
ul. Gorkogo 59A, Vladimir 600017, Russian Federation*

Abstract

Aim. To build algorithms for the formation of a strategy for the economic security of municipalities.

Methodology. As methods for performing the study, the content analysis of documents, the method of graphical modeling, the method of paired comparisons, the construction of morphological matrices, the method of nominal groups, and the construction of a strategy formulation based on keywords of goals were used. The content of the strategies of the municipalities of Vladimir region is analyzed to reflect the issues of economic security in them. The main factors influencing the economic security of municipalities are determined. Regulatory documents have been established that regulate the directions, goals and objectives of building a strategy for the economic security of municipalities.

Results. The analysis carried out showed that economic security issues are not fully reflected in the development strategies of municipalities. Algorithms for constructing economic security strategies for municipalities have been developed based on the four approaches that form the basis of the strategy configurator.

Research Implications. Each model of the generated configurator allows you to build a strategy for the economic security of the municipality. A comprehensive presentation of the prospects for the development of the municipality in terms of economic security ensures that the content of the development strategy of the municipality itself is filled with adequate projects, programs and strategically significant events.

Keywords: algorithm, configurator, municipality, strategy, economic security

Введение

Указом Президента России определено содержание Стратегии экономической безопасности¹ в части направлений, целей и задач, что выступает ориентиром при разработке соответствующих решений на уровне регионов и муниципальных образований, стратегическое развитие которых в то же время определяется Федеральным законом о стратегическом планировании² в части основного содержания стратегии. Кроме того, методические рекомендации Минэкономразвития РФ³ задают основные направления стратегического развития как регионов, так и муниципальных образований.

Структура стратегий муниципальных образований включает функциональные стратегии, проекты и программы [5], определяющие основные решения по развитию муниципальных образований. Одной из таких функциональных стратегий развития может выступать политика экономической безопасности. Однако результаты анализа практики муниципальных образований в части применения федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» свидетельствуют о несистемном отражении экономической безопасности в стратегиях развития муниципальных образований.

Можно предположить, что стратегия экономической безопасности может быть сформирована с опорой на эталонное содержание стратегии, которое представляет собой интеграцию проектов и программ всей совокупности стратегий муниципальных образований региона.

¹ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 12.12.2022).

² Федеральный закон от 28.06.2014. № 172-ФЗ " О стратегическом планировании в Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации от 30.06.2014 № 26 (часть I). Ст. 3378.

³ Об утверждении методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по её реализации. Приказ Минэкономразвития России от 23.03.2017 № 132 [Электронный ресурс]. URL: <http://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minekonomrazvitiya-Rossii-ot-23.03.2017-N-132> (дата обращения: 19.11.2021).

Подходы к разработке стратегии экономической безопасности

В качестве варианта разработки стратегии экономической безопасности муниципального образования представляет интерес модель, в основе которой лежит процедура отражения задач Стратегии экономической безопасности в трех плоскостях, соответствующих ESG-принципам [1]: в плоскости экологии, социума и управления экономикой муниципального образования.

Не следует сбрасывать со счетов и традиционную модель разработки стратегии развития социально-экономических систем, основанную на результатах SWOT-анализа [3], однако сам анализ факторов внешней и внутренней среды следует реализовать, опираясь на характеристики (категории) экономической безопасности: вызовы, угрозы и риски [2].

Иной подход может быть основан на построении содержания направлений стратегии экономической безопасности в процессе определения решений, полученных в результате сочетания направлений стратегического развития, рекомендованных Минэкономразвития РФ, и направлений Стратегии экономической безопасности страны, определяемых Указом Президента РФ.

В модельной плоскости обозначенные подходы разработки стратегии экономической безопасности начнём с поиска применения результатов анализа стратегий развития муниципальных образований региона.

Так, результаты контент-анализа содержания стратегий развития муниципальных образований Владимирской области позволяют сформулировать интегральную стратегию экономической безопасности муниципального образования региона, но для наполнения содержанием указанной стратегии необходимо выполнить следующие процедуры.

Во-первых, выделенные проекты, программы и отдельные стратегически значимые мероприятия в области экономической безопасности следует структурировать: обобщить повторяющиеся решения как с помощью метода парных сравнений [10, с. 369], так и затем методом выделения ключевых слов и построения слогана (таким образом будут получены интегральные решения стратегии).

Во-вторых, если выполнить контент-анализ результатов SWOT-анализа стратегий муниципальных образований региона на предмет выделения характеристик, которые следует отнести к экономической безопасности, то можно получить результаты, пригодные для выработки стратегически значимых решений в области экономической безопасности муниципального образования в виде интегральных проектов и программ, сформулированных по результатам построения матриц решений [9, с. 257], основанных на результатах отмеченного анализа.

В то же время необходимо учитывать, что не все названные решения, можно отнести к задачам Стратегии экономической безопасности, находящимся в пределах полномочий муниципальных образований. К тому же необходимо выделить направления Стратегии, в которых могут находиться вопросы местного значения. Так, следует исключить такие направления Стратегии экономической безопасности, как «Создание экономических условий для разработки и внедрения современных технологий, стимулирования инновационного развития, а также совершенствование нормативно-правовой базы в этой сфере», «Устойчивое развитие национальной финансовой системы», а также направления, отражающие «Сбалансированное пространственное и региональное развитие Российской Федерации, укрепление единства ее экономического пространства» и «Повышение эффективности внешнеэкономического сотрудничества и реализация конкурентных преимуществ экспортно-ориентированных секторов экономики». Остальные четыре направления, в которых могут находиться вопросы местного значения, примем к рассмотрению

при построении матрицы, в которой сопоставлены сочетание задач указанных направлений и характеристики экономической безопасности муниципальных образований, полученные в результате контент-анализа их стратегий.

В таком случае некоторые характеристики экономической безопасности стратегий муниципальных образований региона могут соответствовать некоторым задачам направлений Стратегии экономической безопасности страны. И такое соответствие будет означать отражение решений указанных задач в действующих стратегиях.

В ином случае – либо решения указанных задач отсутствуют, либо в стратегиях присутствуют решения, которые к полномочиям муниципальных образований не относятся (например, «военная безопасность», присутствующая в стратегии Суздальского района¹).

Поэтому, опираясь на полученные таким образом решения, необходимо произвести дополнительный (уточняющий) SWOT-анализ для конкретного муниципального образования, чтобы получить формулировки специальных (уникальных) решений, которыми будут дополнены ранее выделенные интегральные решения по экономической безопасности муниципальных образований. Совокупность поименованных процедур собрана в алгоритм, представленный на рисунке 1. При этом все полученные решения необходимо структурировать методом парных сравнений, что в итоге обеспечит получение иерархической структуры стратегии экономической безопасности муниципального образования (см. рис. 2).

Второй вариант построения стратегии экономической безопасности, теперь уже на базе сочетания направлений Стратегии экономической безопасности страны и направлений стратегического развития муниципального образования, рекомендованных Минэкономразвития РФ, потребует предварительного выделения из числа последних названных направлений тех из них, в которых могут быть сосредоточены решения в рамках полномочий уровня муниципальных образований.

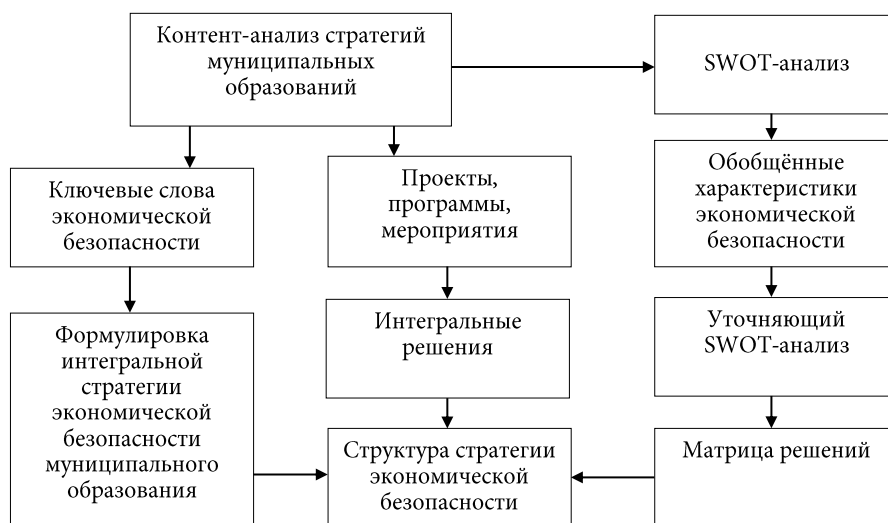


Рис. 1 / Fig. 1. Алгоритм построения интегральной стратегии экономической безопасности муниципального образования / Algorithm for constructing an integrated strategy for the economic security of a municipality

Источник: составлено авторами.

¹ Стратегия социально-экономического развития Суздальского района до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <https://suzdalregion.ru/?idcat=1&idraz=20&year=88> (дата обращения: 06.12.2022).

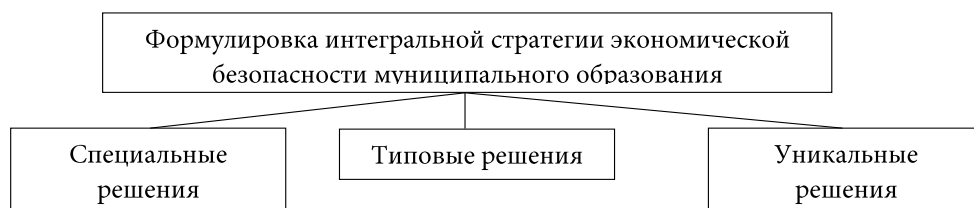


Рис. 2 / Fig. 2. Структура интегральной стратегии / Structure of the integral strategy

Источник: составлено авторами.

Так, из числа направлений, рекомендованных Минэкономразвития РФ, исключим «Развитие межрегиональных и внешне-экономических связей», а также направление, отражающее «Устойчивость финансовой системы».

Матрица решений, построенная из оставшихся после сокращения направлений, и заполненная на принципах построения морфологических матриц [6], позволяет получить креативные и стратегически значимые направления решений в сфере экономической безопасности.

Далее полученные решения структурируются традиционным методом парных сравнений для формирования проектов и программ, из которых формируется структура стратегии экономической безопасности муниципального образования, а сама формулировка стратегии, состоящая из ключевых слов главных целей, определяется после перевода стратегических решений в формулировки целей [12, с. 109] всё тем же методом построения морфологических матриц. Схема и последовательность выполнения рассмотренных процедур отражена на рисунке 3.

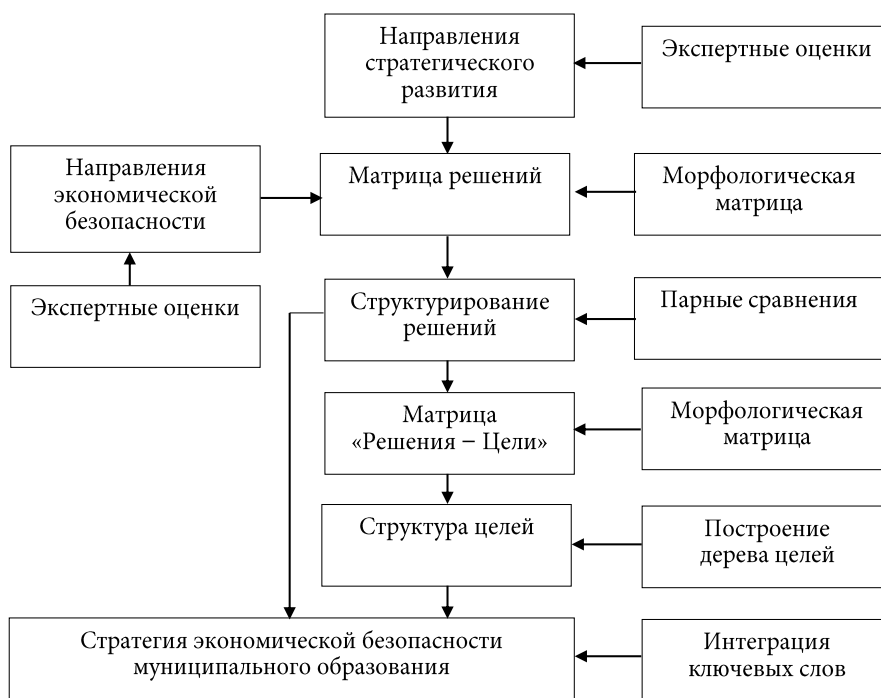


Рис. 3 / Fig. 3. Алгоритм построения стратегии по заданным направлениям / Algorithm for building a strategy in given directions

Источник: составлено авторами.

Последующие процедуры (структурирование полученных решений, переход к целям и формулирование слогана стратегии) выполняются аналогично предыдущей модели построения стратегии (см. рис. 4).



Рис. 4 / Fig. 4. Алгоритм построения стратегии на сочетании принципов и задач / Algorithm for building a strategy based on a combination of principles and objectives

Источник: составлено авторами.

В завершение надлежит рассмотреть построение стратегии экономической безопасности муниципального образования по результатам SWOT-анализа, который должен быть выполнен оригинальным образом.

Так, в боковике формируемой для этого таблицы необходимо разместить традиционные [4] блоки факторов SWOT-анализа¹, а сам анализ должен быть выполнен с точки зрения вызовов, угроз и рисков, т. е. с позиций основных категорий экономической безопасности [2].

Результаты отмеченного анализа необходимо поместить в морфологическую матрицу стратегических решений, в головку которой вписаны наиболее значимые характеристики внешней среды [8] (возможности и угрозы), а в боковик – главные сильные и слабые стороны муниципального образования в части экономической безопасности. Структурирование полученных решений всё также позволит определить основное содержание стратегии экономической безопасности и обеспечит

¹ Факторы внутренней среды: менеджмент по его функциям (прогнозирование, планирование, организация, координация, учёт и контроль) и соответствующие ресурсы (людские, материальные, финансовые, информационные, энергетические); а также факторы внешней среды в виде ближнего окружения (поставщики, потребители, конкуренты, рынок труда) и дальнего окружения (политика, экономика, социум, технология, экология, институты).

переход к целям, ключевые слова которых позволят сформулировать стратегию экономической безопасности муниципального образования.

Таким образом, полученный конфигуратор [7] моделей построения стратегии экономической безопасности муниципального образования выглядит так, как это представлено на рисунке 5.



Рис. 5 / Fig. 5. Конфигуратор стратегий экономической безопасности / Economic security strategy configurator

Источник: составлено авторами.

Каждая модель конфигулятора позволяет построить стратегию экономической безопасности муниципального образования, а сочетание построенных всех четырёх указанных вариантов стратегий даёт возможность сформировать варианты сценариев [12, с. 49] обеспечения экономической безопасности муниципального образования. Выбор удовлетворительного сценария может быть выполнен методом экспертных оценок (например, методом номинальных групп) с участием стейкхолдеров [11].

Заключение

В итоге, необходимо выделить следующее. Построена модель формирования интегральной стратегии экономической безопасности муниципального образования, состоящая из результатов анализа содержания действующих стратегий муниципальных образований региона и отличающаяся тем, что для формулирования стратегии выбираются только те характеристики экономической безопасности, которые соответствуют вопросам местного значения и находятся в области Парето среди часто повторяющихся, а также типовые решения в структуре стратегии дополняются специальными и уникальными решениями, полученными по результатам уточняющего SWOT-анализа конкретного муниципального образования; причём уточняющий SWOT-анализ выполняется по результатам обобщенных характеристик экономической безопасности, полученных по результатам всех SWOT-анализов стратегий муниципальных образований региона. Такой подход позволяет дать корректную формулировку стратегии экономической безопасно-

сти муниципального образования и отразить специфику конкретного муниципального образования в содержании его экономической безопасности.

Предложена морфологическая матрица направлений экономической безопасности муниципального образования, включающая рекомендуемые направления стратегического развития муниципальных образований и направления Стратегии экономической безопасности страны, отличающаяся тем, что среди указанных направлений оставлены для построения матрицы только те из них, которые относятся к вопросам местного значения и обеспечивают как оригинальное сочетание указанных направлений, так и получение креативных решений, которые составляют содержание стратегии экономической безопасности муниципального образования и определяют цели её реализации и саму формулировку стратегии, что позволяет придать стратегическую направленность решениям, ориентированным на реализацию направлений экономической безопасности муниципального образования, что, в свою очередь, поддерживает безопасность региона и страны в целом.

Сформирована морфологическая матрица, содержащая формулировки задач экономической безопасности, заданных Стратегией экономической безопасности страны, но относящихся к вопросам местного значения, и совокупности принципов, обеспечивающих устойчивое развитие социально-экономических систем (ESG-принципов), отличительная особенность которой состоит в том, что поиск решений указанных задач производится с трёх точек зрения: экологии, социума и управления экономикой муниципального образования, – что позволяет получить креативные решения, составляющие структуру стратегии экономической безопасности муниципального образования и перейти затем к формулированию стратегических целей и самой стратегии.

Модернизирована процедура выполнения SWOT-анализа ситуации в муниципальном образовании в части экономической безопасности, включающая блоки традиционных факторов внешней и внутренней среды и характеристики экономической безопасности, отличительная особенность которой заключается в том, что каждый элемент всех блоков анализируется с точки зрения категорий экономической безопасности: вызовов, угроз и рисков, – что позволяет не только увидеть проявившиеся проблемы (как уже сложившиеся «угрозы внутренней среды»), но и сформулировать потенциально возможные проблемы, которые могут возникнуть под воздействием вызовов, а также позволяют: оценить риски, ведущие к потерям в части экономической безопасности, снижению потенциала (сильных сторон) муниципального образования, потери возможности реализовать благоприятные факторы внешней среды и, напротив, углубление угроз за счёт вызовов и последствий рисков.

Составлен конфигуратор стратегий, включающий интегральную стратегию и стратегию на основе направлений развития, а также стратегию на ESG-принципах и стратегию по результатам модифицированного SWOT-анализа. Конфигуратор отличается построением комплекса алгоритмов и аспектов стратегической экономической безопасности муниципального образования, что позволяет ориентировать муниципальное образование на достижение целей Стратегии экономической безопасности страны.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Игишев А. В., Бердникова Н. А. ESG-принципы – ответственный подход ради устойчивого развития общества // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 2 (69). С. 30–37.
2. Караман К. С., Талов Р. К. Вызовы и угрозы экономической безопасности // Вестник ВлГУ. Серия: Экономические науки. 2022. № 3 (33). С. 29–34.
3. Комплексный анализ в стратегическом развитии региона: монография / под ред. Ю. Н. Лапыгина. Владимир: ВФ РАНХиГС, 2020. 254 с.
4. Лапыгин Д. Ю. Разработка стратегии развития региона: система инструментов. Владимир: Издательство Владимирского филиала РАНХиГС, 2014. 225 с.
5. Лапыгин Ю. Н. Стратегический менеджмент. М.: Инфра-М, 2022. 208 с.
6. Микалко М. Взламывая стереотипы. 9 стратегий креативного гения. СПб.: Питер, 2009. 352 с.
7. Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф. П. Введение в системный анализ. М.: Высшая школа, 1989. 397 с.
8. Полосков С. С., Желтенков А. В., Скубрий Е. В. Влияние факторов внешней и внутренней среды на успешность инновационной деятельности предприятий // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2020. № 3 (25). С. 51–62.
9. Пригожин А. И. Дезорганизация. Причины, виды, преодоление. М.: Альпина Паблишер, 2007. 408 с.
10. Пригожин А. И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003. 864 с.
11. Тажитдинов И. А. Применение стейкхолдерского подхода в стратегическом управлении развитием территорий // Экономика региона. 2013. № 2 (169). С. 17–27.
12. Тулинова Д. В. Инструменты стратегического планирования в муниципальном образовании: монография. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2018. 198 с.

REFERENCES

1. Igishev A. V., Berdnikova N. A. [ESG principles – a responsible approach for sustainable development of society]. In: *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* [Economics of the North-West: Problems and Prospects of Development], 2022, no. 2 (69), pp. 30–37.
2. Karaman K. S., Talov R. K. [Challenges and threats to economic security]. In: *Vestnik VIGU. Seriya: Ekonomicheskie nauki* [Bulletin of VLSU. Series: Economics], 2022, no. 3 (33), pp. 29–34.
3. Lapygin Yu. N., ed. *Kompleksnyy analiz v strategicheskoy razvitiy regiona* [Comprehensive analysis in the strategic development of the region]. Vladimir, Vladimir Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration Publ., 2020. 254 p.
4. Lapygin D. Yu. *Razrabotka strategii razvitiya regiona: sistema instrumentov* [Development of a regional development strategy: a system of tools]. Vladimir, Vladimir Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration Publ., 2014. 225 p.
5. Lapygin Yu. N. *Strategicheskiy menedzhment* [Strategic management]. Moscow, Infra-M Publ., 2022. 208 p.
6. Mikalko M. *Vzlamyvaya stereotipy. 9 strategiy kreativnogo geniya* [Breaking stereotypes. 9 strategies of creative genius]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 352 p.
7. Peregudov F. I., Tarasenko F. P. *Vvedenie v sistemnyy analiz* [Introduction to systems analysis]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 397 p.
8. Poloskov S. S., Zheltenkov A. V., Skubriy E. V. [Influence of external and internal factors on the success of innovative activity of enterprises]. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Economics], 2020, no. 3 (25), pp. 51–62.

9. Prigozhin A. I. *Deorganizatsiya. Prichiny, vidy, preodolenie* [Disorganization. Causes, types, overcoming]. Moscow, Alpina Publisher, 2007. 408 p.
10. Prigozhin A. I. *Metody razvitiya organizatsiy* [Methods of organizational development]. Moscow, MCFER Publ., 2003. 864 p.
11. Tazhitdinov I. A. [Application of stakeholder approach in strategic management of territorial development]. In: *Ekonomika regiona* [Economics of the Region], 2013, no. 2 (169), pp. 17–27.
12. Tulinova D. V. *Instrumenty strategicheskogo planirovaniya v municipal'nom obrazovanii* [Tools of strategic planning in municipal education]. Vladimir, Vladimir Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration Publ., 2018. 198 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Караман Кирилл Сергеевич – аспирант кафедры менеджмента Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации, Владимирского филиала;

e-mail: kirillk89@gmail.com ORCID ID: 0000-0003-3704-8035

Лапыгин Юрий Николаевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации, Владимирского филиала;

e-mail: lapygin.y@gmail.com ORCID ID: 0000-0002-0173-0852

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill S. Karaman – Postgraduate Student, Department of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) under the President of the Russian Federation, Vladimir branch;

e-mail: kirillk89@gmail.com ORCID ID: 0000-0003-3704-8035

Yury N. Lapygin – Dr. Sci. (Economics), Prof., Prof., Department of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) under the President of the Russian Federation, Vladimir Branch;

e-mail: lapygin.y@gmail.com ORCID ID: 0000-0002-0173-0852

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Караман К. С., Лапыгин Ю. Н. Модели формирования стратегии экономической безопасности муниципальных образований // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 93–102.

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-93-102

FOR CITATION

Karaman K. S., Lapygin Yu. N. Models of Formation of the Strategy of Economic Security of Municipalities. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2023, no. 2, pp. 93–102

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-93-102

УДК: 331.101.6

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-103-111

ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗМЕРЕНИЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА НА ПРОИЗВОДСТВАХ FMCG

Портнов А. В.*Санкт-Петербургский государственный экономический университет**191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Цель данного исследования состоит в обосновании отхода от измерения производительности труда работника на закреплённом рабочем месте и переходе к измерению производительности труда системы машин, выполняющих все операции в автоматическом режиме по принципу «чёрного ящика» – «вход-выход».

Процедура и методы. В статье используется диагностический подход к измерению производительности труда на основе данных с поточной производственной линии.

Результаты. Формализован диагностический подход как синтез аналитической и управленческой функций. Продемонстрирована применимость его использования для производств сектора товаров повседневного спроса.

Теоретическая и/или практическая значимость определяется возможностью применения диагностического подхода для измерения производительности труда на производственных предприятиях.

Ключевые слова: диагностический подход, измерение, производительность труда, производственная эффективность, управление потерями.

DIAGNOSTIC APPROACH TO MEASURING LABOR PRODUCTIVITY IN FMCG PRODUCTIONS

A. Portnov*Saint Petersburg State University of Economics**nab. kanala Griboyedova 30–32, St. Petersburg, 191023, Russian Federation*

Abstract

Aim. The aim of this study is to justify the change in measuring the productivity of an employee at a fixed workplace and the transition to measuring the productivity of a system of machines that perform all operations in automatic mode according to the “black box” - “input-output” principle.

Methodology. The article uses a diagnostic approach to measuring labor productivity based on data from a production line.

Results. The diagnostic approach is formalized as a synthesis of analytical and managerial functions. The applicability of its use to produce the consumer goods sector is demonstrated.

Research implications. The theoretical and/or practical significance is determined by the possibility of using a diagnostic approach to measure labor productivity in manufacturing enterprises.

Keywords: diagnostic approach, measurement, labor productivity, production efficiency, loss management

Введение

Производительность труда представляет собой ключевой показатель эффективности производства. Измерение производительности труда основано на затратном принципе. В современном производстве производительность труда измеряется с учётом всех потребляемых ресурсов: трудовых ресурсов, материалов и оборудования.

Поиски наиболее адекватного подхода к измерению производительности труда не утрачивают своей актуальности. Вопросы повышения производительности труда два года подряд поднимались в рамках Петербургского международного экономического форума. Основная проблема в подходах к измерению производительности труда заключается в отсутствии согласованности направлений аналитики и управления в рамках производства, что, в свою очередь, препятствует адекватной оценке влияния изменений в рамках функции управления на итоговую производительность. Подчеркнём, что в целом по экономике безусловно происходит рост производительности труда под влиянием многих факторов, в частности, роста образования занятых. Это было отмечено в 2022 г. Эльвирой Набиуллиной¹.

Продолжается реализация национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости», в рамках которого проходит обучение по внедрению подходов, стимулирующих повышение производительности труда на производствах. При участии Минпромторга планируется внедрять цифровые решения, способствующие повышению производительности труда². В рамках реализации национального проекта значительно расширены требования к предприятиям-участникам, что существенно снизило барьер входа новых хозяйствующих субъектов. СМИ отмечают успешные результаты реализации проекта на предприятиях Ленинградской и Московской областей³.

Представляется, что применение диагностического подхода позволит сопоставить и оценить влияние применения набора управленческих методик, таких как: бережливое производство, управление изменениями (*change management*) под каждое предприятие, – и сделать заключение об их применимости с точки зрения влияния на итоговую производительность.

Задачи исследования:

- выявить предпосылки к формированию диагностического подхода;
- дать определение диагностическому подходу;
- раскрыть принципы измерения производительности труда в рамках исследуемого подхода;
- проанализировать работу поточной линии по итогам месяца с применением диагностического подхода.

Объектом данного исследования является производительность труда. Предметом – диагностический подход к измерению производительности.

Научная новизна работы состоит в раскрытии диагностического подхода к измерению производительности труда.

Практическая значимость определяется возможностью применения диагностического подхода для измерения производительности труда на производственных предприятиях.

¹ Набиуллина заявила об изменившихся «навсегда» условиях для экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/06/2022/62aad4d99a79470cb8f380f8> (дата обращения: 31.10.2022).

² Производительность загружают на платформу [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5594772?tg> (дата обращения: 31.10.2022).

³ Производительность труда» начинается с эффективности: обучение прошли больше 570 человек [Электронный ресурс]. URL: https://ug.tsargrad.tv/news/proizvoditelnost-truda-nachinaetsja-s-jeffektivnosti-obuchenie-proshli-bolshe-570-chelovek_626402 (дата обращения: 31.10.2022).

Обзор литературы

Существенный вклад в изучение производительности труда внесли А. А. Водолазский [2], А. О. Бацокин [1], З. В. Мкртычан [4], М. Н. Радостева [5], В. Н. Миронова [3], которые рассматривали в своих работах производительность труда как фактор повышения эффективности. Другие авторы, такие как Рупе Олсбом и Мика Малиранта [8], Герт Вольтер, Михиль ван Гален [7], Супачет Чансарн [9] и др., анализировали влияние факторов образования человеческого капитала на производительность.

Однако никто из авторов не предложил в явном виде принципиально нового подхода к измерению производительности труда, который необходим для поточных массовых производств.

А. А. Водолазский в своей научно-практической монографии «Производительность труда: проблемы и решения» (2021) приводит следующий тезис: «Любые показатели производительности труда сами по себе практически малозначимы, за исключением использования их в качестве рейтинговых или оценочных при сравнении отраслей, регионов и стран» [2, с. 15]. С этим утверждением автора можно согласиться ввиду обширного числа показателей производительности. Исходя из практико-ориентированного опыта, любой доступный показатель производительности в первую очередь должен способствовать комплексной оценке для принятия управленческих решений на уровне предприятия, отрасли, региона или страны в целом.

В этой связи невозможно не согласиться с А. О. Бацокиным: «Выбор конкретного набора показателей измерения производительности труда связан с отраслевой спецификой и особенностями корпоративной учетной политики» [1, с. 105].

Именно с этих позиций мы сразу же ориентируем измерение производительности труда применительно к поточному производству. В статье предпринята попытка адаптировать метрики для целей мониторинга производительности и последующего управления изменениями.

Рассматриваемый подход к измерению и управлению производительностью исходит из возникающих потерь на производстве, вследствие чего признаётся, что показатель производительности труда находится на низком уровне.

Подчеркнём, что подход к измерению производительности с точки зрения диагностики уже зарекомендовал себя в практике зарубежных предприятий в разных вариациях.

З. В. Мкртычан в своей статье отмечает: «За рубежом на предприятиях среднего и малого бизнеса нашел своё применение метод быстрой оценки производительности труда, который предусматривает диагностику состояния показателей производительности труда и предполагает разработку программы повышения производительности для всей организации. Применение данного метода позволяет определить проблемные зоны (с последующим изолированием) и наметить направления и меры по их улучшению» [4, с. 88].

Метод исследования

Диагностический подход к измерению производительности понимается как совокупность аналитических действий, направленных на мониторинг производительности труда с целью превентивного управления для минимизации потерь, которые снижают уровень производственной эффективности. Основное преимущество подхода заключается в получении актуальной информации о состоянии

производственного процесса, что, в свою очередь, повышает эффективность принятия управленческих решений. Важно отметить, что в результате синергии аналитики и управления в единый подход, возможно избежать линейности двух процессов и обеспечить их гибкость. Объединение двух процессов в единый подход представлено концептуально на рисунке 1.



Рис. 1 / Fig. 1. Концептуальная схема диагностического подхода / Conceptual diagram of the diagnostic approach

Источник: составлено автором.

В данной статье подход к оценке производительности отличается следующими принципами: доступность, интерпретируемость и адресность.

Под принципом доступности понимается простота получения данных и их аналитической обработки.

Принцип интерпретируемости понимается как возможность понимания полученных расчётов не только специалистами-аналитиками, но и всеми заинтересованными лицами, включая производственный персонал, который является основным субъектом формирования производительности труда.

Принцип адресности заключается в возможности диагностирования коренной причины низкого или высокого уровня производительности труда, для последующего воздействия субъектом управления.

Для раскрытия методики применения данного подхода были выбраны данные за месяц, полученные с поточных производственных линий.

С. А. Касперович даёт следующее определение: «Поточная производственная линия представляет собой комплекс рабочих мест, расположенных по ходу технологического процесса для выполнения производства с учетом стадий и операции всего процесса»¹.

Данные и методы исследования

Под производительностью можно понимать выполнение планового задания исходя из допустимых характеристик производственного оборудования с минимальными потерями. К основным потерям можно отнести следующие: потери рабочего времени ввиду сбоев и поломок оборудования; дополнительную настройку оборудования исходя из свойств используемых материалов; потери в качестве выпускаемой продукции из-за дефектов оборудования.

Для структурирования потерь в рамках диагностического подхода нами была предложена следующая классификация потерь.

¹ Касперович С. А., Коновальчик Г. О. Организация производства и управление предприятием: учебное пособие для студентов технических специальностей. Минск: БГТУ, 2012. С. 49.

Плановые потери – это потери, которые производственный персонал может контролировать и которыми может управлять. Например, дополнительная чистка оборудования, передачи смены, обучение персонала или плановое техническое обслуживание оборудования.

Внеплановые потери – это потери неконтролируемые. К данному виду потерь можно отнести следующие: поломку оборудования, пожарную тревогу, задержку в поставке материалов, донастройку оборудования с учётом изменения свойств материала. Исходя из данного выше определения производительности труда, внеплановые потери – это всё, что препятствует достижению производственного планового задания. Все внеплановые остановки отличаются хаотичным и не системным характером вследствие чего снижают производительность труда.

Использование диагностического подхода позволяет выявлять и диагностировать все изменения с помощью оценки их влияния в динамике.

Периодичность измерения в рамках данного подхода для его эффективного применения следующая: ежедневно, еженедельно и ежемесячно.

Данными для анализа выступают сведения с производственного оборудования, которые считываются контрольными датчиками.

Пример применения диагностического подхода

В качестве практического примера представим анализ производительности труда с помощью диагностического подхода на основе имеющихся месячных данных о работе поточной линии предприятия, о видах остановок оборудования (рис. 2).

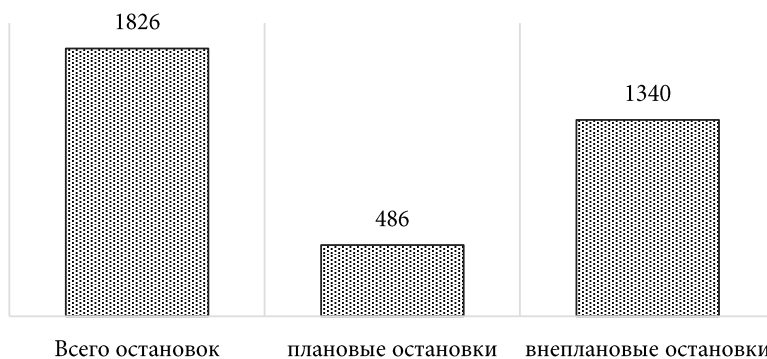


Рис. 2 / Fig. 2. Распределение количества остановок оборудования за месяц в процентах / Distribution of the number of equipment stops per month as a percentage

Источник: данные автора.

Исходя из распределения остановок, основные потери времени пришлись на внеплановые остановки, что эквивалентно 73% от общего числа остановок оборудования. Плановые остановки составили 27% от общего числа.

Следующим шагом исследования в рамках диагностического подхода был анализ каждой категории остановок производственного оборудования.

На круговой диаграмме представлены все причины внеплановых остановок за месяц в долях от общего числа плановых остановок (рис. 3).

Наибольшую долю остановок составила категория «Замена материала», рисунок 3. За месяц по этой причине было зафиксировано 257 остановок, что эквивалентно половине всех плановых остановок.

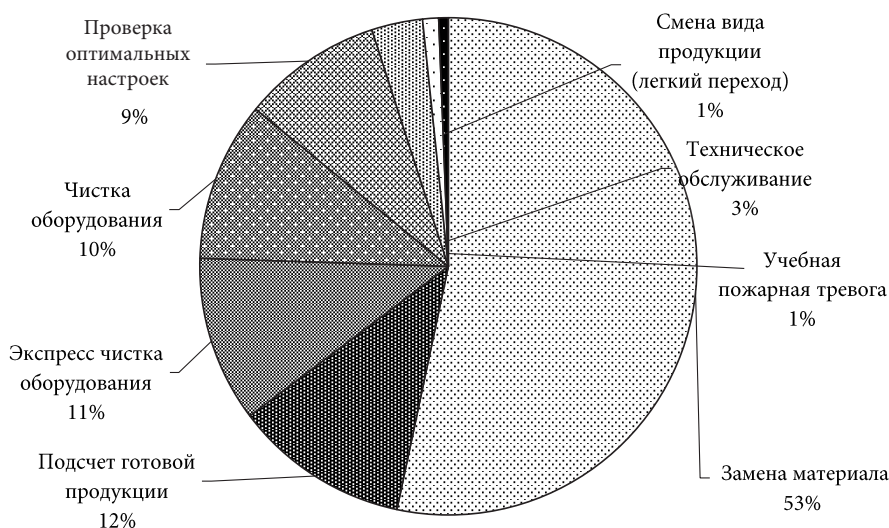


Рис. 3 / Fig. 3. Распределение плановых остановок поточной производственной линии по причинам за месяц в процентах / Distribution of planned stops of the production line by reasons per month as a percentage

Источник: составлено автором.

Основной фокус аналитических и управленческих действий необходимо направить на выявление коренной причины такого большого количества остановок. Для этого возможно использовать анализ «5 почему» совместно с производственным персоналом линии для выявления коренной причины и формирования действий по снижению. После проведения мероприятий по снижению числа остановок оборудования по причине замены материала требуются повторное построение круговой диаграммы распределения и оценка влияния этих действий.

На следующем этапе проведён анализ внеплановых остановок анализируемой поточной линии. Поточная линия состоит из нескольких составных частей (машин), которые выполняют производственные операции для изготовления и упаковки производимой продукции. Аналогично плановым остановкам рассмотрено распределение внеплановых остановок машин в процентах от общего числа.

Более 82% внеплановых остановок пришлось на машину 4, которая в соответствии со своим технологическим предназначением производит первичную упаковку продукции.

Таким образом, в результате несложного анализа мы выявили, что большое количество потерь, снижающих производительность, происходит на оборудовании, которое предназначено для первичной упаковки производимой продукции. Становится понятно, что большая доля плановых остановок, связанных с заменой материалов, скорее всего, происходит из-за дефекта именно в этой части оборудования. Тогда, в рамках диагностического подхода мы можем сформулировать действия по снижению потерь. Например, в рамках еженедельной проверки оборудования провести диагностику на поиск скрытых дефектов машины № 4. Проводить на ежесменной основе отслеживание с помощью чек-листа основных проблем, связанных с заменой материала на этой линии, и другие мероприятия в соответствии с положениями на производстве.

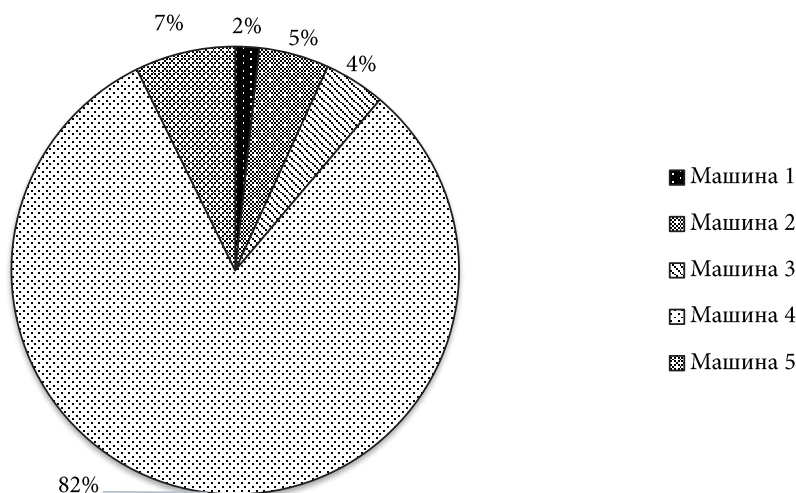


Рис. 4 / Fig. 4. Распределение внеплановых остановок поточной производственной линии за месяц по видам машин, в процентах / The percentage distribution of unplanned stops of the production line by types of machines per month

Источник: составлено автором.

Заключение

Применение диагностического подхода к оценке производительности труда позволяет диагностировать наибольшее влияние отдельных производственных операций, процессов и узлов оборудования на итоговую производительность труда. В рамках такого подхода возможна его трансформация с точки зрения использованных метрик, исходя из возможности и способов получения данных о работе производственного оборудования. В рамках этого подхода происходит интеграция измерения производительности труда и оценки качества продукции.

Диагностический подход позволяет:

- максимально локализовать источник возникновения потери производительности труда за счёт перманентного мониторинга состояния производственного оборудования;
- ранжировать потери по степени их влияния для последующего устранения;
- вовлечь в процесс управления производительностью труда не только управленческий персонал, но и производственный персонал.

Вышеизложенное позволяет в той или иной мере подтвердить практическую значимость диагностического подхода к оценке измерения производительности.

При масштабировании подхода в рамках производственного участка возможно проведение бенчмаркинга между поточными линиями для выявления оптимальных настроек оборудования, что позволяет превентивно избежать снижения уровня производительности. В разрезе накопления аналитических данных потенциально возможно отследить, как те или иные материалы и комплектующие оказывают влияние на итоговую производительность труда, что в свою очередь позволяет более эффективно подходить к снабженческой и закупочной функции предприятия.

Статья поступила в редакцию 12.12.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бацокин А. О. Особенности измерения производительности труда на железнодорожном транспорте // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2019. № 1 (103). С. 105–112.
2. Водолазский А. Производительность труда: проблемы и решения: научно-практическая монография. СПб.: СУПЕРИЗдательство, 2021. 15 с.
3. Миронова В. Н. Производительность труда как фактор повышения конкурентоспособности экономики России // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10. № 2. С. 22–29.
4. Мкртычан З. В. Подходы к исследованию и оценке производительности труда // Учёт и статистика. 2020. № 4 (60). С. 88.
5. Радостева М. В. К вопросу о производительности труда // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2018. Т. 45. № 2. С. 268–272.
6. Bogatyreva I., Simonova M., Privorotskaya E. Current state of labour productivity in the economy of developed countries // E3S Web of Conferences. 2019. Vol. 91. P. 92.
7. Geert W., Galen M., Logatcheva K. Industrial Innovation, Labour Productivity, Sales and Employment // International Journal of the Economics of Business. 2019. Vol. 28. Iss. 1. P. 89–113.
8. Roope O., Maliranta M. Management Practices and Allocation of Employment: Evidence from Finnish Manufacturing // International Journal of the Economics of Business. 2021. Vol. 28. Iss. 1. P. 115–138.
9. Supachet C. Labor Productivity Growth, Education, Health and Technological Progress: A Cross-Country Analysis // Economic Analysis and Policy. 2019. Vol. 40. Iss. 2. P. 249–261.

REFERENCES

1. Bacokin A. O. [Features of Measuring Labor Productivity in Railway Transport]. In: *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova* [Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics], 2019, no. 1 (103), pp. 105–112.
2. Vodolazskij A. *Proizvoditel'nost' truda: problemy i resheniya* [Labor productivity: problems and solutions]. St. Petersburg, SUPERIZdatel'stvo Publ., 2021. 15 p.
3. Mironova V. N. [Labor productivity as a factor in improving the competitiveness of the Russian economy]. In: *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics. Taxes. Right], 2017, vol. 10, no. 2, pp. 22–29.
4. Mkrtychan Z. V. [Approaches to the study and evaluation of labor productivity]. In: *Uchyot i statistika* [Accounting and statistics], 2020, no. 4 (60), pp. 88.
5. Radosteva M. V. [On the issue of labor productivity]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika* [Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Economy. Computer science], 2018, vol. 45, no. 2, pp. 268–272.
6. Bogatyreva I., Simonova M., Privorotskaya E. Current state of labour productivity in the economy of developed countries. In: *E3S Web of Conferences*, 2019, vol. 91, pp. 92.
7. Geert W., Galen M., Logatcheva K. Industrial Innovation, Labour Productivity, Sales and Employment. In: *International Journal of the Economics of Business*, 2019, vol. 28, iss. 1, pp. 89–113.
8. Roope O., Maliranta M. Management Practices and Allocation of Employment: Evidence from Finnish Manufacturing. In: *International Journal of the Economics of Business*, 2021, vol. 28, iss. 1, pp. 115–138.
9. Supachet C. Labor Productivity Growth, Education, Health and Technological Progress: A Cross-Country Analysis. In: *Economic Analysis and Policy*, 2019, vol. 40, iss. 2, pp. 249–261.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Портнов Александр Вадимович – аспирант кафедры статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного экономического университета;
e-mail: Portnov-14@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexandr V. Portnov – Postgraduate Student, Department of Statistics and Econometrics, St. Petersburg State University of Economics;
e-mail: Portnov-14@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Портнов А. В. Диагностический подход к измерению производительности труда на производствах FMCG // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 103–111.
DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-103-111

FOR CITATION

Portnov A. V. Diagnostic Approach to Measuring Labor Productivity in FMCG production. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2023, no. 2, pp. 103–111.
DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-103-111

УДК 379.85

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-112-124

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ БРЕНДИНГ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА НАПРАВЛЕНИЙ

Сарафанова А. Г., Сарафанов А. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119191, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Цель проведенного исследования – показать взаимосвязь территориального брендинга и туристической сферы.

Процедура и методы. Изучены понятийные аппараты бренда, бренда территории, зонтичного бренда и кобрендинга. Проанализирована эмоциональная составляющая образа через концепцию «чувства как информация». Отдельно рассмотрена геймификация как полезная технология для туристического сектора с целью укрепления отношений и повышения спроса. Более подробно изучена история трансформирования бренда Южно-Африканской Республики. По Российской Федерации в качестве примера приведены территориальные бренды парка Сокольники, Приморского парка Победы, Центрального парка имени Горького, Скайпарка в Сочи, самой России.

Результаты. Исследование было направлено на уточнение понятий и в связи с этим на выбор наиболее подходящей стратегии позиционирования для увеличения ценности территории для туриста. Авторы сделали вывод, что лояльность к бренду играет ключевую роль в формировании аффективного образа и эмоциональной привязанности. Взаимное влияние продукта на его бренд может быть, как положительным, так и отрицательным. Расширяя концепцию взаимного эффекта на новый контекст, в исследовании анализируется, как восприятие потребителями туристических направлений может повлиять на национальный туристический бренд. Статья направлена на понимание влияния территориальных брендов на туризм.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в специализированную литературу по целевому назначению бренда и интегрированным маркетинговым коммуникациям, а также предлагают интересные выводы для менеджеров по туристическим направлениям. Ожидается, что это исследование будет полезным для поддержки ряда решений по управлению туризмом в дестинациях и странах.

Ключевые слова: территориальный брендинг, маркетинг, логотип, дестинация, туризм, эмоции

TERRITORIAL BRANDING AS A STRATEGIC PERSPECTIVE FOR CREATING DIRECTIONS

A. Sarafanova, A. Sarafanov

Lomonosov Moscow State University

Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. The aim of the study is to show the relationship between territorial branding and the tourism sector.

Methodology. The conceptual apparatuses of brand, territory brand, umbrella brand and co-branding are studied. The emotional component of the image is analyzed through the concept of «feelings as information». Separately, gamification is considered as a useful technology for the tourism sector in order to strengthen relations and increase demand. The history of the transformation of the brand of the Republic of South Africa is studied in more detail. In the Russian Federation, as an example, the territorial brands of Sokolniki Park, Primorsky Victory Park, Gorky Central Park, Skypark in Sochi, and Russia itself are given.

Results. The study was aimed at clarifying the concepts and, in this regard, the choice of the most appropriate positioning strategy to increase the value of the territory for the tourist. The authors concluded that brand loyalty plays a key role in the formation of an affective image and emotional attachment. The mutual influence of a product on its brand can be both positive and negative. Extending the concept of reciprocity to a new context, the study analyzes how consumer perceptions of destinations can affect a national tourism brand. The article is aimed at understanding the influence of territorial brands on tourism.

Research implications. The results of the study contribute to the specialized literature on brand purpose and integrated marketing communications, and offer interesting insights for destination managers. This study is expected to be useful in supporting a range of tourism management decisions in destinations and countries.

Keywords: territorial branding, marketing, logo, destination, tourism, emotions.

Введение

Выявление факторов, влияющих на создание конкурентоспособного преимущества в туризме, стало насущной проблемой, учитывая жёсткую конкуренцию между направлениями. Одним из ключевых ресурсов для дестинаций в этом отношении является создание бренда. Исследования по концепции управления брендом были центральной темой в маркетинге в XX в. Первая публикация по управлению брендом туристических направлений была опубликована в конце 1990-х гг. (статья Dosen D.O., Vranesevic T. и Prebezac D. (1998). The importance of branding in the development of marketing strategy of Croatia as tourist destination // *Acta Turistica*. Vol. 10 (2). P. 93–182.)

Территориальные бренды можно рассматривать как эмоциональные и знаковые бренды, поскольку они передают содержание аутентичности, качества и типичности продукта, они репрезентативны для контекстов, в которых сельские традиции по-прежнему актуальны, и существует твердая приверженность местного сообщества к материальной и нематериальной местной культуре.

Цель данного исследования – показать взаимосвязь территориального брендинга и туристической сферы. Методологическая основа состоит в сочетании спектра исследований, включая дискриптивный и голографический анализ. Основным методом исследования в статье является комплексный анализ литературы, позволяющий систематизировано изучить территориальные бренды. В рамках проведенного исследования изучены работы Д. А. Аакера и др., Г. Эшворта и др., К. Бота и др., Д. Бухалиса и др., С. Р. Крокетта и др., М. Каварациса, К. Л. Келлера, Д. М. Келли и др., П. Котлера и др., К. Лю и др., Й. Лю и др., В. Ма и др., М. А. Мерца и др., В. Олинса, Н. Шварца и др., Ю. Шеня и др. Среди российских исследований рассмотрены научные статьи О. В. Казниной и П. Е. Родькина.

Понятийный аппарат бренда территории

Построение территориальных брендов – это способ продвижения территории как туристического направления, привлечения инвестиций и населения, для пиара компаний, расположенных в нём, а также их продуктов. Согласно позициям разных авторов, бренд определяется как: название, термин, знак, символ или любая другая характеристика, которая бы идентифицировала товар или услугу как отличную от других товаров [13]; психологический процесс потребительского восприятия [6]; имидж товара / услуги, конвертируемый в добавленную стоимость [18]; ёмкое средоточие уникальных конкурентных преимуществ территории в среде конкурентов [1]. Д. А. Аaker (1996) утверждает, что «бренд – это многомерный набор функциональных, эмоциональных, реляционных и стратегических элементов, которые в совокупности генерируют уникальные наборы ассоциаций в общественном сознании» [4, с. 68]. М. А. Мерц, Ю. Хе и С. Л. Варго (2009) определили брендинг как совместную деятельность по созданию ценности, в которой участвуют фирма, сотрудники, клиенты и другие заинтересованные стороны [17].

Одна из последних моделей брендинга, доступных туристическим маркетологам – эмоциональный брендинг, предполагающий, что бренд строится вокруг определённого образа жизни. Ещё одна модель бренда – культовый брендинг. В этой модели брендинг выведен на новый уровень, формулируя идею создания не только эмоций, но и идентичности.

Брендинг мест – сложная тема, для которой М. Каварацис (2005) выделил пять различных направлений изучения литературы:

- 1) «брендинг места происхождения», который включает использование качеств, изображений, стереотипов о месте и людях;
- 2) «национальный брендинг», касающийся последствий брендинга нации для развития туризма и привлечения иностранных инвестиций;
- 3) «культурный / развлекательный брендинг», который касается влияния культурно-развлекательного брендинга на физическую, экономическую и социальную среду городов;
- 4) «брендинг мест назначения», исследующий роль брендинга в маркетинге туристических услуг и направлений;
- 5) «брендинг место / город», в котором исследуется возможность использования брендинга в качестве подхода к интеграции, руководству и фокусированию управления местом [10].

Поскольку территориальные бренды нацелены на продвижение имиджа качества и устойчивости территории, на которую они ссылаются, их можно рассматривать как инструмент рекламы дестинации.

В высоко конкурентной и насыщенной индустрии туризма сильный бренд может предоставить туристической компании существенные преимущества, в том числе повышение покупательского намерения туристов, увеличение доходов, расширение доли рынка и повышение стоимости активов компании [3]. Кроме того, приобретённая репутация, передаваемая посредством отличительных знаков, помогает уменьшить информационную асимметрию между покупателями и потребителями.

Маркетологи сталкиваются с проблемой всё более ограниченных финансовых ресурсов и усиливающейся конкуренцией со стороны различных направлений во всём мире в связи с недавними технологическими, демографическими, экономическими, политическими и социальными изменениями. В результате, брендинг территории и построение эмоциональных отношений с местом стали жизненно

важными конкурентными инструментами для маркетинговых организаций туристических направлений.

Наиболее распространённая модель капитала бренда на основе клиентов – это модель, созданная профессором маркетинга К. Л. Келлером. Он представил модель в виде четырёхуровневой пирамиды, в которой два средних уровня разделены поровну между двумя факторами. Концепция, лежащая в основе модели капитала бренда, заключается в простом создании сильного бренда на основе клиентов [11].

Д. А. Аакер и М. Б. Эквити (1991) определяли капитал бренда на основе следующих пяти измерений: лояльность к бренду, узнаваемость бренда, воспринимаемое качество, ассоциация с брендом, другие эксклюзивные активы бренда [5].

Возможность выбора стратегии позиционирования, которая наилучшим образом способствует росту капитала бренда, имеет основополагающее значение для профессионалов, отвечающих за управление туристическими направлениями, поскольку это важный источник конкурентного преимущества. Специалисты по маркетингу услуг рассматривают бренд как кластер.

Применяя концепцию брендинга, само место можно рассматривать как зонтичный бренд [9], содержащий различные материальные (например, исторические места) и нематериальные (например, культура, история) элементы, которые олицетворяют его. Если фирма давно работает на определённой территории, то можно выбрать стратегию зонтичного бренда для продвижения своих продуктов. Исходя из закономерностей имиджа, само место будет выступать как зонтик впечатлений и ассоциаций, влияющий на потребительское поведение и модели памяти.

Итак, туристы с высокой лояльностью к определённому товарному бренду с наибольшей вероятностью станут формировать впечатления о месте, ориентируясь на зонтичный бренд. Например, если у людей сформировалась привязанность к винодельне Amagone, они с наибольшей вероятностью сформируют положительный эмоциональный образ региона Венето в Италии.

Кобрендинг – это совместная работа двух или более брендов для достижения стратегических целей каждой компании. Комплементарная подгонка относится к сценарию, в котором потребитель может удовлетворить свои потребности при совместном потреблении двух продуктов. Замена подходит в том случае, если один продукт может быть заменён другим продуктом и при этом доставлять такое же удовлетворение. Соответствие переносимости включает в себя потребительское восприятие о связи навыков и активов двух брендов [12].

Воздействие на место через чувства и геймификацию

Места богаты с точки зрения эмпирических и аффективных атрибутов, а роль аффективной реакции ещё выше. Некоторые исследования направлены на то, чтобы пролить свет на роль аффекта в контексте туризма, уделяя особое внимание общему удовлетворению, поведенческим намерениям, решению о покупке туристических и развлекательных услуг, эмоциям как переменной сегментации услуг в сфере отдыха и туризма.

Концепция «чувства как информация» [19] предполагает, что сознание человека формирует большое количество соответствующей информации, связанной с определённой территорией. Потребители оценивают приятные воспоминания и ощущения как факт симпатии, удовольствия и счастья, а неприятные чувства – как верификацию неприязни, неудачи и несчастья. Когда необходимо принять решение, человек старается использовать чувства как дополнение к когнитивной обработке информации. Чувства концептуально отличаются от устоявшихся убеждений о

чём-либо и, таким образом, могут быть лучшими предсказателями поведения людей, чем когнитивные оценки.

Эмоциональные аспекты, такие как аффективная лояльность к бренду, также влияют на отношения людей с местами. Во-первых, лояльность отражает обязательство в будущем положительно реагировать на предпочитаемый бренд. Когда люди верны бренду, ассоциации с брендом очевидны и доступны для них. Во-вторых, важным аспектом лояльности является то, что она эмоционально коренится в относительно «горячем» аффекте и ассоциируется с ним. Лояльность приведёт к формированию богатого набора эмоциональных воспоминаний, связанных с брендом. Потребители мотивированы использовать эти эмоциональные воспоминания как сигналы категоризации, чтобы распределить свои эмоциональные, когнитивные и поведенческие ресурсы по отношению к объекту. С точки зрения ощущения как информации люди используют существующие положительные эффекты, заложенные в лояльности к бренду для формирования положительного имиджа ассоциированного места.

У людей также есть сильная мотивация использовать чувства для определения категорий, поскольку они обычно формируют впечатление о других, используя обратку либо снизу вверх (т. е. обращая внимание на их специфическое поведение), либо сверху вниз (т. е. категории). Люди в хорошем настроении с большей вероятностью примут процессинг сверху вниз.

Существует проблема дифференциации между направлениями, которые находятся на одном и том же уровне конкуренции и предлагают одинаковые услуги. Поэтому им необходимо установить такое позиционирование, которое оптимально соответствовало бы поставленной цели с точки зрения туристов. Как правило, туристическое направление предлагает широкий спектр различных достопримечательностей, хотя они, как правило, связаны с определённым типом туризма (Испания: море и песок; Австрия: культура; чилийская Патагония: приключения и т. д.). Несмотря на от преимуществ чёткого позиционирования дестинации, существует диверсифицированное позиционирование. Но бренд воспринимается потребителем более позитивно, когда стратегия позиционирования основана на одном единственном виде туризма, чем, когда она основана на различных типах.

В контексте туризма С. Бота, Дж. Л. Кромптон и С. Ким (1999) были первыми, кто ввёл понятие целевого позиционирования. Они считали, что вместо разработки маркетинговых планов на основе того, какое направление казалось менеджерам лучше, необходимо определять ключевые характеристики, которые имели в виду посетители, и усиливать именно их [7].

Позиционирование будет успешнее, когда у дестинации меньше отличительных признаков, так как представление слишком большого количества может привести к менее чёткому восприятию у потребителей. Эффективное позиционирование требует краткого, целенаправленного и последовательного сообщения.

Образ места является одним из наиболее важных факторов, влияющих на возникновение сильной привязанности, так как благоприятный образ территории порождает более явно выраженную склонность к данному месту назначения.

Тем не менее, проблема, присущая культурным стратегиям, заключается в том, что многие дестинации принимают схожие стратегии развития, и поэтому даже культурные факторы начинают терять различия. Для решения этого вопроса, особенно в городской сфере, но и в некоторых загородных пространствах, цели культурной политики сместились от сохранения наследия к более нематериальному наследию и оживлению культурного пространства. По этим причинам такие элементы, как фестивали исполнительных искусств, ярмарки местных продуктов, ки-

нотуры, дегустации и иные подобные мероприятия приобретают новое значение в привлекательности места назначения.

Маркетологи по туризму могут использовать «эффект передачи чувств». Например, Швеция и формирование положительного эмоционального образа страны на основе мирового ритейлера IKEA с миллионами постоянных клиентов. Точно так же, если Alibaba преуспеет на мировой арене, китайские турагенты могут извлечь выгоду из возвышенного эмоционального имиджа Китая [15].

Геймификацию определяют как многообещающий инструмент туристического маркетинга, с помощью которого привлекаются клиенты. Наслаждаясь, туристы используют игры, чтобы узнать информацию о местах посещения и достичь незабываемого опыта. Кроме того, геймификация имеет важные потенциальные преимущества для повышения узнаваемости бренда и лояльности к туристическим направлениям. К. Лю, Ю. Ван, В. Хуан и В.-К. Танг (2019) [14] и Д. Бухалис, Т. Харвуд, В. Богичевич, Г. Вилья, С. Белдона и К. Хофакер (2019) [8] заявили, что геймификация – полезная технология для туристического сектора с целью укрепления туристических отношений, развития, управления человеческими ресурсами и устойчивой общественной поддержки туризма. Кроме того, с распространением мобильных технологий бизнесу отчасти необходимо использовать геймификацию для привлечения клиентов и увеличения продаж.

Мировые компании объединяют усилия по геймификации в своей маркетинговой деятельности, например, Expedia Group. Рестораны используют игры, чтобы мотивировать клиентов получать вознаграждение за полученную еду, авиакомпания используют геймификацию для улучшения программ лояльности пассажиров.

Ю. Шень, Х. Чой, М. Йоппе и С. Юи (2020) добавили, что общение с друзьями и взаимодействие с местными жителями являются еще одним важным мотивом для использования игровых приложений. Они также указали, что дестинации используют геймифицированные поездки, чтобы привлечь туристов с помощью различных функций, включая интерактивные карты, испытания, получение наград, сюжетную линию [20].

Национальные туристические бренды (Южно-Африканская Республика, Россия)

Символы, обозначающие пункты назначения определённой страны, отличающие их от пунктов назначения в других странах, оказывают существенное влияние на восприятие, суждения, отношения, намерения и поведение потребителей туристических услуг. Сложность управления национальными туристическими брендами возникает из-за нескольких факторов, в том числе из-за множественности компонентов национального образа.

Южно-Африканская Республика (ЮАР) была одной из первых африканских стран, осознавших ценность брендинга территории и затем создавших Международный совет по маркетингу в 2002 г. для управления негативными ассоциациями страны. Однако, несмотря на свои усилия по брендингу, государство подвержено стереотипному и устаревшему эффекту «бренда Африки» (ассоциация с коррупцией, преступностью, болезнями, голодом), который снижает конкурентоспособность большинства африканских стран в различных аспектах, включая туризм.

Государство за последнее время само стало объектом множества негативных и противоречивых событий, в том числе из-за ксенофобского конфликта, по-

всеместной преступности и коррупции, разрушительных последствий эпидемии ВИЧ/СПИДа.

После проведения в 2010 г. чемпионата мира по футболу количество туристов, прибывающих в Южную Африку,росло, в среднем увеличившись на 15,15% в 2012 г. и на 6,1% в 2013 г.¹ Несмотря на положительный опыт проведения глобального мероприятия в области брендинга территории, к 2015 г. в государстве произошло значительное снижение числа туристов из-за нового неоднозначного визового режима. В 2014 г. правительство ЮАР – под видом борьбы с торговлей детьми – внесло поправки в свою иммиграционную политику, ужесточив протоколы иммиграционной безопасности, которые законодательно требуют от туристов личного обращения в консульство за визами. Эти правила имеют непреднамеренный эффект прямого ограничения туризма: 13% снижение числа туристов и соответствующее снижение доходов от туризма на 9% в 2015 г.² В 2013 г. ЮАР занимала 64-ое место, в 2019 г. – 61-ое место, в 2021 г. – 68 место в рейтинге WEF Travel and Tourism Development³.

Этот рейтинг подчеркивает необходимость того, чтобы ЮАР смягчила негативный эффект, вызванный иммиграционным аспектом. Это может быть достигнуто за счёт ослабления текущих бюрократических барьеров и внедрения более открытых визовых правил в рамках улучшения брендинга страны для развития туризма. С этой целью правительство ЮАР объявило о введении в действие новых, более благоприятных для туризма иммиграционных законов в 2019 г. Однако тот факт, что государство применяло пересмотренные иммиграционные законы более 48 месяцев, прежде чем снова внести в них поправки в 2019 г., безусловно, был упущенной возможностью с точки зрения туристического спроса.

Очевидно, что планирование, разработка и продвижение туристских услуг не могут развиваться изолированно, что ещё больше подчёркивает мультидисциплинарный характер туризма и необходимость интегрированного планирования. Таким образом, эффективность и действенность современных усилий по маркетингу туризма могут быть неразрывно связаны с одномерными аспектами брендинга, такими как иммиграция, визовая политика. Кроме того, стоит учитывать последствия дихотомии брендов мест и направлений, которые могут рассматриваться как детерминанты имиджа туристических направлений.

Территория идентифицируется через систему образов, знаков, ассоциаций, впечатлений, стереотипов, смыслов, достопримечательностей, при этом территориальный брендинг не сводится исключительно к материальным активам, необходимо символическое и коммуникативное выражение, включающее экономику знака. Представление о территории формируется через информационные (маркер вне зрелища) и символические (маркер на зрелище) маркеры [2].

Особенность формирования бренда места заключается в отсутствии ярко выраженной целевой аудитории. После определения концепции на следующем этапе создаётся визуальная концепция бренда. Приведём некоторые примеры территориального брендинга в России.

¹ Tourism Business Council of South Africa. Impact of the visa regulations. 2015 // Tourism Business Council of South Africa: [сайт]. URL: <https://www.satsa.com/wp-content/uploads/TBCSA-Data-Snapshot.pdf> (дата обращения: 25.12.2022).

² Там же.

³ Travel & Tourism Development Index 2021 // World Economic Forum: [сайт]. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Travel_Tourism_Development_2021.pdf (дата обращения: 27.12.2022).

Парк «Сокольники». В основе разработанного логотипа лежит синтез природы и культуры. Одновременно логотип является аллюзией на «конструктивистское солнце» (рис. 1).



Рис. 1 / Fig. 1. Логотип парка Сокольники / Sokolniki park logo

Источник: Парк «Сокольники» получил айдентику // Advertology: [сайт]. URL: <http://www.advertology.ru/article132477.htm> (дата обращения: 04.01.2023).

При создании бренда Приморского парка Победы в Санкт-Петербурге, разработчики ориентировались на то, что в парке есть множество зон по интересам для посетителей. Цель ребрендинга – создание целостного образа места через узнаваемую айдентику. В одном из прудов парка обитает стая лебедей, а это символ верной любви, чистоты, грации и совершенства (рис. 2).



Рис. 2 / Fig. 2. Логотип Приморского парка Победы / Seaside Victory Park logo

Источник: Приморский парк Победы: [сайт]. URL: <http://pppark.ru> (дата обращения: 04.01.2023).

Древнейшее изображение лыжников – это теперь фирменный знак республики Карелия. Идею взяли с Беломорских петроглифов, назвали логотип «Из глубины веков» (рис. 3).



Рис. 3 / Fig. 3. Логотип Карелии / Karelia logo

Источник: Официальный интернет-портал Республики Карелия: [сайт]. URL: <https://rk.karelia.ru/social/proekt-petroglifa-semya-lyzhnikov-stal-regionalnym-brendom-karelii> (дата обращения: 04.01.2023).

На рисунках 4 и 5 представлены логотипы Центрального парка имени Горького в Москве и Скайпарка в Сочи.

Парк Горького

Рис. 4 / Fig. 4. Логотип Центрального парка имени Горького / Gorky Central Park logo

Источник: Фирменный стиль Центрального парка имени Горького // Art.Lebedev: [сайт]. URL: <https://www.artlebedev.ru/gorky-park/identity> (дата обращения: 04.01.2023).



Рис. 5 / Fig. 5. Логотип Скайпарка / Skypark logo

Источник: Skypark!: [сайт]. URL: <https://skypark.ru/about/news/press/kak-my-perepridumali-brend-i-kommunikatsiyu-skypark> (дата обращения: 06.01.2023).

Россия как туристический объект нуждалась в появлении нового визуального фирменного стиля, который соответствовал бы современной картине мира. Была выработана концепция «Россия – здесь целый мир», которая легла в основу супрематической карты России. Новый разработанный шрифт основывается на исторической традиционной допетровской кириллице, при этом он вписывается в современный визуальный образ. В ходе работы над проектом были выработаны позиционирование и архитектура бренда. Были также усовершенствованы копирайт, логотип и цветовая гамма (рис. 6).

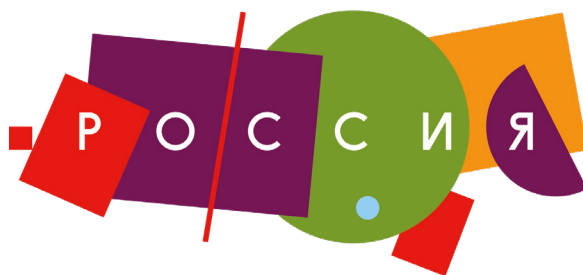


Рис. 6 / Fig. 6. Туристический бренд России / Tourist brand of Russia

Источник: Туристический бренд Российской Федерации // Федеральное агентство по туризму: [сайт]. URL: <https://tourism.gov.ru/about/firmennyy-stil/turisticheskiy-brend-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 08.01.2023).

Заключение

Таким образом, брендинг дестинации – это специализированная форма стратегической маркетинговой коммуникации, направленная на конкурентное отличие и продвижение уникального ценностного предложения дестинации, ориентированного на туризм. Однако маркетологи направлений должны осознавать, что брен-

динг современного направления происходит в более широкой глобальной среде, где доминируют конкурирующие бренды места. Они основываются на теории национального брендинга и могут быть охарактеризованы как сеть ассоциаций в сознании потребителей, основанная на визуальном, вербальном и поведенческом выражении места.

Хорошее управление национальным туристическим брендом может привести к расширению туристического спроса в стране, что позволит нации получить более ощутимые выгоды от туризма. С другой стороны, неправильное управление может привести к упущенным возможностям или даже к фактическому сокращению спросу на въездной туризм.

Поведенческая экономическая теория поддерживает роль брендинга территории во влиянии на поведение туристов, продвигая представление о том, что потребители принципиально иррациональны и предрасположены к предубеждениям в своих процессах решения проблем и принятия решений, на которые влияют внутренние и/или внешние стимулы.

От брендинга нации туристы формируют собственное представление о месте, а результирующий субъективный образ бренда территории может влиять на их когнитивное, аффективное и воображаемое поведение по отношению к месту как туристическому направлению.

Брендинг территории значительно более многомерен, чем брендинг дестинации и фокусируется не только на туристах [16]. Более того, бренды места имеют тенденцию быть органичными по своей природе, привлекательными для многих заинтересованных сторон, в то время как целевые бренды более склонны к стимулированию сознания туристов.

Территориальные бренды контекстуализируют общее ценностное представление места в сознании туристов и потенциально влияют на него, все последующие оценки и решения происходят через эффект ореола. Позиционирование более успешно, если диапазон продвигаемых дифференцирующих характеристик узок, так как большое количество отличительных признаков может привести к менее чёткому изображению. Эффективное позиционирование требует краткого, целенаправленного и последовательного сообщения. Другими словами, совместное продвижение сильных региональных брендов среди международной аудитории, например, развитие партнёрских отношений с ними для событийного туризма, может иметь краткосрочные затраты, но принесёт пользу всему региону с точки зрения доходов от туризма в долгосрочной перспективе.

Статья поступила в редакцию: 09.01.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казнина О. В. Механизм создания бренда на примере бренда территории // Бренд-Менеджмент. 2017. № 1. С. 18–29.
2. Родькин П. Е. Брендинг территории: к проблеме репрезентации бренд-идентификации // Современные проблемы сервиса и туризма. 2018. Т. 12. № 4. С. 25–34.
3. Сарафанова А. Г., Сарафанов А. А. Реклама как неотъемлемая часть территориального брендинга // Современные проблемы сервиса и туризма. 2022. Т. 16. № 3. С. 29–38.
4. Aaker D. A. Building strong brands. New York: Free Press, 1996. 380 p.
5. Aaker D. A., Equity M. B. Capitalizing on the value of a brand Name. New York: The Free Press, 1991. 299 p.
6. Ashworth G., Voogd H. Selling the city: marketing approaches in public sector urban planning. London: Belhaven Press, 1990. 177 p.

7. Botha C., Crompton J. L., Kim S. Developing a revised competitive position for Sun/Lost City, South Africa // *Journal of Travel Research*. 1999. Vol. 37. P. 341–352.
8. Buhalis D., Harwood T., Bogicevic V., Viglia G., Beldona S., Hofacker C. Technological disruptions in services: Lessons from tourism and hospitality // *Journal of Service Management*. 2019. Vol. 30 (4). P. 484–506.
9. Crockett S. R., Wood L. J. Brand Western Australia: A totally integrated approach to destination branding // *Journal of Vacation Marketing*. 1999. Vol. 5 (3). P. 276–289.
10. Kavartzis M. Place branding: A review of trends and conceptual models // *The Marketing Review*. 2005. Vol. 5 (4). P. 329–342.
11. Keller K. L. Conceptualizing, measuring and managing customer-based brand equity // *Journal of Marketing*. 1993. Vol. 57 (1). P. 1–22.
12. Kelly D. M., Fairley S. What about the event? How do tourism leveraging strategies affect small-scale events? // *Tourism Management*. 2018. Vol. 64. P. 335–345.
13. Kotler P., Haider D., Rein I. *Marketing Places: attracting investment, industry, and tourism to cities, states, and nations*. New York: The Free Press, 1993. 400 p.
14. Liu C., Wang Y., Huang W., Tang W.-C. Festival gamification: Conceptualization and scale development // *Tourism Management*. 2019. Vol. 74. P. 370–381.
15. Liu Y., Hultman M., Eisingerich A. B., Wei X. How does brand loyalty interact with tourism destination? Exploring the effect of brand loyalty on place attachment [Электронный ресурс] // *Annals of Tourism Research*. 2020. Vol. 81. URL: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.102879> (дата обращения: 08.01.2023).
16. Ma W., Schraven D., de Bruijne M., de Jong M., Lu H. Tracing the origins of place branding research: A bibliometric study of concepts in use (1980–2018) [Электронный ресурс] // *Sustainability*. 2019. Vol. 11. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/11/11/2999> (дата обращения: 08.01.2023).
17. Merz M. A., He Y., Vargo S. L. The evolving brand logic: A service-dominant logic perspective // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2009. Vol. 37 (3). P. 328–344.
18. Olins W. *The Brand Handbook*. London: Thames & Hudson Ltd, 2008. 112 p.
19. Schwarz N., Clore G.L. Feelings and phenomenal experiences // *Social psychology: Handbook of basic principles*. 1996. P. 385–407.
20. Shen Y., Choi H., Joppe M., Yi S. What motivates visitors to participate in a gamified trip? A player typology using Q methodology [Электронный ресурс] // *Tourism Management*. 2020. Vol. 78. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2019.104074> (дата обращения: 08.01.2023).

REFERENCES

1. Kaznina O. V. [Mechanism of creating a brand on the example of a territorial brand]. In: *Brend-Menedzhment* [Brand Management], 2017, no. 1, pp. 18–29.
2. Rod'kin P. E. [Territorial branding: on the problem of representing brand identity]. In: *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Modern problems of service and tourism], 2018, vol. 12, no. 4, pp. 25–34.
3. Sarafanova A. G., Sarafanov A. A. [Advertising as an integral part of territorial branding]. In: *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Modern problems of service and tourism], 2022, vol. 16, no. 3, pp. 29–38.
4. Aaker D. A. *Building strong brands*. New York, Free Press, 1996. 380 p.
5. Aaker D. A., Equity M. B. *Capitalizing on the value of a brand Name*. New York, The Free Press, 1991. 299 p.
6. Ashworth G., Voogd H. *Selling the city: marketing approaches in public sector urban planning*. London, Belhaven Press, 1990. 177 p.

7. Botha C., Crompton J. L., Kim S. Developing a revised competitive position for Sun/Lost City, South Africa. In: *Journal of Travel Research*, 1999, vol. 37, pp. 341–352.
8. Buhalis D., Harwood T., Bogicevic V., Viglia G., Beldona S., Hofacker C. Technological disruptions in services: Lessons from tourism and hospitality. In: *Journal of Service Management*, 2019, vol. 30 (4), pp. 484–506.
9. Crockett S. R., Wood L. J. Brand Western Australia: A totally integrated approach to destination branding. In: *Journal of Vacation Marketing*, 1999, vol. 5 (3), pp. 276–289.
10. Kavaratzis M. Place branding: A review of trends and conceptual models. In: *The Marketing Review*, 2005, vol. 5 (4), pp. 329–342.
11. Keller K. L. Conceptualizing, measuring and managing customer-based brand equity. In: *Journal of Marketing*, 1993, vol. 57 (1), pp. 1–22.
12. Kelly D. M., Fairley S. What about the event? How do tourism leveraging strategies affect small-scale events? In: *Tourism Management*, 2018, vol. 64, pp. 335–345.
13. Kotler P., Haider D., Rein I. Marketing Places: attracting investment, industry, and tourism to cities, states, and nations. New York, The Free Press, 1993. 400 p.
14. Liu C., Wang Y., Huang W., Tang W.-C. Festival gamification: Conceptualization and scale development. In: *Tourism Management*, 2019, vol. 74, pp. 370–381.
15. Liu Y., Hultman M., Eisingerich A. B., Wei X. How does brand loyalty interact with tourism destination? Exploring the effect of brand loyalty on place attachment. In: *Annals of Tourism Research*, 2020. vol. 81. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.102879> (accessed: 08.01.2023).
16. Ma W., Schraven D., de Bruijne M., de Jong M., Lu H. Tracing the origins of place branding research: A bibliometric study of concepts in use (1980–2018). In: *Sustainability*, 2019, vol. 11. Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/11/11/2999> (accessed: 08.01.2023).
17. Merz M. A., He Y., Vargo S. L. The evolving brand logic: A service-dominant logic perspective. In: *Journal of the Academy of Marketing Science*, 2009, vol. 37 (3), pp. 328–344.
18. Olins W. The Brand Handbook. London, Thames & Hudson Ltd, 2008. 112 p.
19. Schwarz N., Clore G. L. Feelings and phenomenal experiences. In: *Social psychology: Handbook of basic principles*, 1996, pp. 385–407.
20. Shen Y., Choi H., Joppe M., Yi S. What motivates visitors to participate in a gamified trip? A player typology using Q methodology. In: *Tourism Management*, 2020, vol. 78. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2019.104074> (accessed: 08.01.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сарафанова Анастасия Геннадьевна – научный сотрудник кафедры рекреационной географии и туризма географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: anastasyast@yandex.ru

Сарафанов Александр Александрович – кандидат технических наук, научный сотрудник кафедры рекреационной географии и туризма географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: alexsarafanov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anastasyia G. Sarafanova – Researcher, Department of Recreational Geography and Tourism, the Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: anastasyast@yandex.ru

Alexander A. Sarafanov – Cand. Sci. (Engineering), Researcher, Department of Recreational Geography and Tourism, the Faculty of Geography; Lomonosov Moscow State University;
e-mail: alexsarafanov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сарафанова А. Г., Сарафанов А. А. Территориальный брендинг как стратегическая перспектива создания образа направлений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 112–124.

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-112-124

FOR CITATION

Sarafanova A. G., Sarafanov A. A. Territorial Branding as a Strategic Perspective for Creating Directions. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2023, no. 2, pp. 112–124.

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-112-124

УДК 330.341

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-125-131

ВЛИЯНИЕ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Секерин В. Д.¹, Семенова В. В.², Горохова А. Е.¹

¹ *Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, пл. Миусская, д. 6, Российская Федерация*

² *Московский политехнический университет
107023, г. Москва, ул. Большая Семеновская, д. 38, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать актуальные проблемы кадрового обеспечения развития инновационной инфраструктуры, которые имеют различные причины возникновения, но при этом негативно отражаются на возможности повышения инновационной активности, необходимой для достижения технологического суверенитета и технологической независимости.

Процедура и методы. Ключевыми исследовательскими методами стали аналитические методы исследования и системно-комплексный анализ.

Результаты. Выделены тенденции и особенности развития кадрового обеспечения инновационной деятельности в России как на уровне государства, так и на уровне отдельного предприятия, показано влияние кадрового обеспечения на развитие инновационной инфраструктуры. Обосновано, что в настоящее время полноценный процесс кадрового обеспечения инновационной деятельности не выстроен и носит фрагментарный характер. Проблема кадрового обеспечения является актуальной проблемой, которая требует быстрого решения в целях повышения инновационной деятельности и инновационного развития государства, региона, предприятия.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование позволило обосновать влияние кадрового обеспечения на развитие инновационной инфраструктуры; выявлены современные проблемы кадрового обеспечения российской экономики, решение и / или нейтрализация которых будет способствовать достижению технологического суверенитета и технологической независимости страны.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация, экономика страны, инновационно-инвестиционная деятельность, компетентностный подход

IMPACT OF HUMAN RESOURCES ON THE DEVELOPMENT OF INNOVATIVE INFRASTRUCTURE

V. Sekerin ¹, V. Semenova ², A. Gorokhova

¹ *Russian State University for the Humanities
Miuskaya pl., 6, Moscow, 125047, Russian Federation*

² *Moscow Polytechnic University
ul. B. Semenovskaya 38, Moscow, 107023, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the current problems of personnel support for the development of innovative infrastructure, which have various causes of occurrence, but at the same time negatively affect the possibility of increasing innovation activity necessary to achieve technological sovereignty and technological independence.

Methodology. The key research methods were analytical research methods and system-integrated analysis.

Results. The trends and features of the development of personnel support for innovative activities in Russia both at the state and at the level of a separate enterprise are highlighted, the impact of personnel support on the development of innovative infrastructure is shown. It is justified that at present a full-fledged process of personnel support for innovative activities is not built and is fragmentary in nature. The problem of staffing is an urgent problem that requires a quick solution in order to increase innovative activities and innovative development of the state, region, and enterprise.

Research implications. The study made it possible to justify the impact of staffing on the development of innovative infrastructure; revealed modern problems of staffing the Russian economy, the solution and/or neutralization of which will contribute to the achievement of technological sovereignty and technological independence of the country.

Keywords: digital technologies, digitalization, national economy, innovation and investment activity, competence approach

Введение

Стремительная трансформация всех социально-значимых процессов, в том числе и в экономике, сделала потребность в инновациях и инновационной активности не только стратегически важной составляющей, обеспечивающей развитие как отдельно взятого предприятия, так и национальной экономики в целом, но и в условиях санкционных ограничений, необходимостью, обеспечивающей создание технологического суверенитета и технологической независимости. Для Российской Федерации достижение технологической и интеллектуальной независимости – это глобальная цель, достижение которой во многом определит дальнейшие перспективы развития и обеспечит трансформацию международных экономических отношений. Однако, основным условием достижения столь амбициозной и стратегически важной для России цели является её ресурсообеспеченность. Основным ресурсом, необходимым для повышения эффективности инновационной деятельности, являются кадры, которые выступают источником появления инноваций и инновационных решений, разработчиками этих решений и теми, от кого зависят реализация и адаптация инноваций и инновационных решений в социуме [1]. Для повышения инновационной активности необходимы кадры, обладающие передовыми научными знаниями и навыками в области создания новых технологий, поэтому потребность в кадровом обеспечении развития инновационной инфраструктуры является приоритетной задачей не только на уровне предприятий, но и на национальном уровне. Согласно Указу Президента РФ В. В. Путина 2022–2031 гг. объявлены десятилетием науки и технологий¹. Основные цели данного указа сформулированы следующим образом: привлечение талантливой молодёжи в сферу исследований и разработок, содействие вовлечению исследователей и разработчиков в решение важнейших задач развития общества и страны, что также указывает на необходимость кадрового обеспечения для решения глобальных национальных задач, стоящих перед государством.

¹ Указ Президента Российской Федерации "Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия Науки и Технологий" [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022> (дата обращения: 04.01.2023).

Актуальные проблемы кадрового обеспечения инновационной инфраструктуры

Необходимость повышения количества и качества инновационных технологий и инновационных продуктов, способных обеспечить удовлетворение внутренних национальных потребностей в развитии, конкурентоспособности и становлении технологической независимости, ставит перед предприятиями задачу эффективного использования научно-исследовательского потенциала в производственной деятельности [7]. Однако, как показывают статистика и анализ текущего положения дел в области научно-технического и научного-исследовательского потенциала, ресурсы недостаточны для того, чтобы решить столь важные стратегические задачи, а развитие сопряжено со значительными сложностями [2]. Одна из самых острых проблем, от которой напрямую зависит развитие научно-исследовательского потенциала, – это кадровая обеспеченность, которая на данный момент в России характеризуется отрицательной динамикой.

Недостаточность кадрового потенциала для развития инновационной инфраструктуры, прежде всего, определяется двумя важными проблемами: отсутствие интереса у молодёжи к занятию научной и исследовательской деятельностью и, как следствие, нехватка высокопрофессиональных кадров для обеспечения научно-исследовательской деятельности на уровне, необходимом для решения задач общенационального масштаба и важности [5]. Так, согласно статистике, средний возраст доктора наук в России составляет 62 года, доцента – 51 год, а исследователя или учёного без степени – 41 год¹. Кроме того, как следует из доклада президента РАН, количество аспирантов снизилось вдвое, если проводить сравнение между 2010 г. (157 000 человек) и 2020 г. (84 000 человек), количество окончивших аспирантуру, защитившихся и получивших учёную степень также становится с каждым годом меньше. В 2005 г. – 31,7%, в 2015 г. – 18%, в 2019 г. – 10% аспирантов смогли получить ученую степень по окончании аспирантуры, а в 2020 г. это значение упало до 8,9%². Это свидетельствует о том, что на данный момент, несмотря на усилия, которые государство прикладывает для формирования привлекательности науки и технологий как сферы профессиональной деятельности, эта область профессиональной деятельности имеет низкую привлекательность для молодёжи [1]. Одним из объяснений такой устоявшейся тенденции является низкий престиж профессии учёного в последние десятилетия в России, который проявляется в несоответствии усилий и интеллектуальных затрат оплате труда и временными затратами, которые необходимы для получения результатов и их апробации, притом, что полученные результаты не всегда соответствуют ожиданиям [3]. Например, Нобелевские лауреаты по физике (2015 г.) русского происхождения Андрей Гейм и Константин Новоселов, прежде чем получить мировое признание, были лауреатами Шнобелевской премии. Для современного молодого поколения этот фактор является одним из ключевых, он снижает привлекательность научной и исследовательской деятельности, так как развитие цифровых технологий предоставляет множество других возможностей профессиональной реализации, которые являются не столь ресурсозатратными и приносящими в более краткосрочной перспективе монетизированный успех и материальную стабильность, чего нельзя

¹ Наука России в цифрах [Электронный ресурс]. URL: <https://iq.hse.ru/news/440848258.html> (дата обращения: 03.01.2023).

² RBC: в России откроют центр киберзащиты космических объектов // RBC: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/society/20/04/2021/607ebbb09a79472b4c17838e?from=article_body (дата обращения: 04.01.2023).

сказать о карьере учёного и исследователя, которая всегда сопряжена с риском и неопределённостью.

Нехватка молодых исследователей и учёных затрудняет передачу интеллектуального опыта, а также формирование и развитие основных направлений науки и технологий, находящихся в зоне национальных приоритетов и потребностей. Для того чтобы стать профессионалом в области науки, необходим долгий профессиональный путь, что подтверждает средний возраст Нобелевских лауреатов, который составляет 59 лет, если брать во внимание последние два десятилетия; если рассматривать интервал с 1901 по 2016 гг., средний возраст составит 61 год, и, согласно статистике, за последнее время возраст учёных, получивших Нобелевскую премию, становится выше. *«Мы наблюдаем, что возраст, в котором молодые учёные становятся продуктивными, значительно увеличился», – пишут Джоунс и Вейнберг – «по средним оценкам, великие умы начала XX в., как правило, могли вести активную научную деятельность уже с 23 лет, тогда как к концу столетия эта планка выросла до 31 года»¹*. Однако если переходить к российским реалиям, то проблему старения научно-исследовательских кадров отрицать нельзя: так, в 2005 г. средний возраст научных сотрудников и сотрудников научно-исследовательских организаций составлял 45 лет, в 2010 г. средний возраст был 49 лет, а к настоящему моменту он превысил 52 года. Стоит отметить, что и количество занятых в научно-исследовательской деятельности учёных (исследователей) стало меньше в 1,2 раза по сравнению с 2000 г. Все приведённые статистические данные говорят о том, что кадровое обеспечение инновационной деятельности и развития инновационной инфраструктуры в современных российских условиях сталкивается со значительными сложностями.

Традиционно главными поставщиками кадров для инновационного развития являются заведения профессионального и высшего образования. На протяжении последних десятилетий в России происходит реформа образования, основная цель которой до введения санкционных мер по отношению к России заключалась во вхождении в мировое научное сообщество и, с учётом новых цифровых и информационных возможностей, в реализации международной программы «Образование без границ», что подразумевало наличие возможностей свободного перемещения высококвалифицированных кадров к месту их востребованности или обучения практически «по всему миру». Это способствовало формированию и развитию международного рынка труда, международных стандартов обучения по той или иной специальности, что помогало находить специалистов нужной квалификации даже за пределами государства, если отечественный рынок труда испытывал в них дефицит и не мог удовлетворить потребность в специалистах. Кроме того, международное сотрудничество в сфере образования способствовало развитию науки, технологий и инноваций. Введение санкций не только нанесло серьёзный удар по российскому рынку труда, но и создало состояние неопределённости для дальнейшего развития сферы высшего образования и целесообразности проведённых реформ в сфере образования [4]. Пострадала от санкционных ограничений и научно-исследовательская деятельность. Одними из примеров являются объявление о прекращении сотрудничества со Сколковским институтом науки и технологий американского Массачусетского технологического института, прекращение (приостановка) научного российского-германского сотрудничества, в рамках которого осуществлялось более 300 совместных проектов, большая часть которых финан-

¹ Почему нобелевские лауреаты становятся старше? // Lpgenerator: [сайт]. URL: <https://lpgenerator.ru/blog/2015/05/22/pochemu-nobelevskie-laureaty-stanovyatsya-starshe> (дата обращения: 28.12.2022).

сировалась Германией. Международное взаимодействие в области науки и технологий является основным источником прорывных технологий и инновационных знаний революционного характера – это доказывают развитие и достижения науки в современном мире. Санкционные ограничения, которые произвели масштабный передел российского рынка труда, заставляют в очередной раз пересмотреть требования к специалистам с высшим образованием с учётом новых актуальных потребностей российского рынка труда, обеспечивающего национальное развитие, в том числе и в области науки и технологий, которое в нынешних условиях во многом определяет суверенность.

Ещё одной проблемой, которая вызывает разные оценки как с точки зрения значимости, так и с точки зрения достоверности, является проблема «утечки мозгов» из России. В обществе существует несколько точек зрения на эту проблему. Есть мнение, что такой проблемы не существует и что из России уезжают не высококвалифицированные специалисты и учёные, а «обычные» гастарбайтеры¹. В то же время, согласно данным РАН, проблема потери научных кадров из-за их переезда из России в страны, где реализация научной и исследовательской деятельности происходит в более благоприятных условиях, существует, существует давно и требует решения. Так, согласно данным, которые приводит Н. Долгушкин, за последние три года число учёных в стране сократилось на 30 тыс. человек, что является одной из причин того, что Россия не может выполнить показатели национального проекта «Наука», одной из ключевых задач которого является увеличение числа специалистов в научно-исследовательской деятельности², что делает Россию единственной из развитых стран, где количество учёных не увеличивается, а постоянно сокращается. Одной из задач Национального проекта образования было увеличение количества учёных и исследователей за три года на 35 тыс. человек, но, результат прямо противоположный, за три года Россию покинуло 30 тыс. учёных и исследователей. Социологические опросы молодёжи также подтверждают такую тенденцию, так, около 25% опрошенных хотели бы покинуть страну для работы или учёбы за рубежом³.

Ситуация, в которой находится российская экономика, носит дуальный характер: с одной стороны, для обеспечения национальных интересов необходимо прогрессивное технологическое развитие, с другой стороны, необходимые темпы развития для достижения национальных интересов не всегда достижимы, так как существуют ограничения ресурсообеспеченности, в том числе и кадровой⁴.

Заключение

Кадровое обеспечение инновационной инфраструктуры заключается в снабжении (обеспечении) инновационной деятельности специалистами необходимой квалификации, уровня профессиональной компетентности, способными к принятию и реализации инновационных решений. Кадровое обеспечение инновационной инфраструктуры и инновационной деятельности является залогом эффек-

¹ Отток ученых из России не увеличился в пять раз, а упал вдвое: почему не стоит доверять бывшим комсомольским вожакам // Naked Science: [сайт]. URL: <https://naked-science.ru/article/nakedscience/ottok-ottok-> (дата обращения: 28.12.2022).

² Число уезжающих из России ученых выросло в пять раз с 2012 года // Коммерсантъ: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4782133> (дата обращения: 28.12.2022).

³ RBC: в России откроют центр киберзащиты космических объектов // RBC: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/society/20/04/2021/607ebbb09a79472b4c17838e?from=article_body (дата обращения: 04.01.2023).

⁴ Форум Технопром [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--e1anbdcdahfrkku.xn--p1ai> (дата обращения: 10.01.2023).

тивности и успешности функционирования. Подготовка кадрового обеспечения является сложным процессом, который включает в себя подготовку, обучение, переподготовку, дополнительное образование для своевременного развития и овладения новыми компетенциями и знаниями, необходимыми для инновационного развития кадров, а также адаптацию кадров к нововведениям и трансформации привычных методов решения профессиональных задач или к полной замене их инновационными. Как показывает анализ текущей ситуации, кадровое обеспечение инновационной деятельности как на уровне государства, так и на уровне отдельного предприятия не соответствует требованиям, обеспечивающим её эффективность. Это позволяет говорить о том, что полноценный процесс кадрового обеспечения инновационной деятельности не выстроен и носит фрагментарный характер. Проблема кадрового обеспечения является актуальной проблемой, которая требует быстрого решения в целях повышения инновационной деятельности и инновационного развития государства, региона, предприятия.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев А. Л. Предпринимательство как фактор развития научно-инновационной сферы региона // Экономика и управление собственностью. 2008. № 3. С. 54–58.
2. Абаев А. Л., Шевчук С. В. Региональная инновационная система как составная часть инновационной политики // Проблемы управления здравоохранением. 2008. № 4. С. 37–41.
3. Голубев С. С., Беркутова Т. А., Шурукова Е. Е., Гасанбеков С. К. Механизмы диверсификации промышленных предприятий России в условиях военно-гражданской интеграции: маркетинговый аспект // Финансовая экономика. 2020. № 8. С. 36–40.
4. Голубев С. С., Горбунова В. В., Ефремов А. А. Методика отбора приоритетных технологий для развития производственно-технологической базы предприятий ОПК России // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2019. № 4. С. 24–29.
5. Гурцкой Л. Д. Оценка готовности персонала предприятия к внедрению цифровых технологий // Экономические науки. 2021. № 195. С. 41–44.
6. Зотов А. Н., Семенова В. В., Шурукова Е. Е. Влияние развития человеческого капитала на социально-значимые экономические процессы // Экономические науки. 2021. № 3 (196). С. 74–77.
7. Измайлова М. А. Кадровая проблема и пути ее решения на основе консолидированного взаимодействия заинтересованных сторон // Вопросы региональной экономики. 2020. № 2 (43). С. 66–73.

REFERENCES

1. Abaev A. L. [Entrepreneurship as a factor in the development of the region's scientific and innovative sphere]. In: *Ekonomika i upravlenie sobstvennost'yu* [Economics and Property Management], 2008, no. 3, pp. 54–58.
2. Abaev A. L., Shevchuk S. V. [Regional innovation system as a component of innovation policy]. In: *Problemy upravleniya zdravookhraneniem* [Healthcare Management Issues], 2008, no. 4, pp. 37–41.
3. Golubev S. S., Berkutova T. A., Shurukova E. E., Gasanbekov S. K. [Mechanisms for diversifying industrial enterprises in Russia in the context of military-civil integration: marketing aspect]. In: *Finansovaya ekonomika* [Financial Economics], 2020, no. 8, pp. 36–40.
4. Golubev S. S., Gorbunova V. V., Efremov A. A. [Methodology for selecting priority technologies for the development of production and technological base of defense industry

- enterprises in Russia]. In: *Nauchnyy vestnik oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii* [Scientific Bulletin of the Defense Industry Complex of Russia], 2019, no. 4, pp. 24–29.
5. Gurtsoy L. D. [Assessing the readiness of enterprise personnel for the implementation of digital technologies]. In: *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], 2021, no. 195, pp. 41–44.
6. Zotov A. N., Semenova V. V., Shurukova E. E. [The impact of human capital development on socially significant economic processes]. In: *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], 2021, no. 3 (196), pp. 74–77.
7. Izmailova M. A. [Staffing problem and ways to solve it based on consolidated interaction of stakeholders]. In: *Voprosy regional'noy ekonomiki* [Issues of Regional Economics], 2020, no. 2 (43), pp. 66–73.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Секерин Владимир Дмитриевич – доктор экономических наук, профессор кафедры интегрированных коммуникаций и рекламы Российского государственного гуманитарного университета;

e-mail: sekerin.vd@rggu.ru

Семенова Валерия Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент Центра Проектной деятельности Московского политехнического университета;

e-mail: alisavalera@rambler.ru

Горохова Анна Евгеньевна – доктор экономических наук, профессор кафедры интегрированных коммуникаций и рекламы Российского государственного гуманитарного университета;

e-mail: gorohova.ae@rggu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir D. Sekerin – Dr. Sci. (Economics), Prof., the Department of Integrated Communications and Advertising, Russian State University for the Humanities;

e-mail: sekerin.vd@rggu.ru

Valeria V. Semenova – Cand. Sci (Economics), Assoc. Prof., the Center for Project Activities, Moscow Polytechnic University;

e-mail: alisavalera@rambler.ru

Anna E. Gorokhova – Dr. Sci. (Economics), Prof., the Department of Integrated Communications and Advertising, Russian State University for the Humanities;

e-mail: gorohova.ae@rggu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Секерин В. Д., Семенова В. В., Горохова А. Е. Влияние кадрового обеспечения на развитие инновационной инфраструктуры // Вестник Московского государственного областного университета просвещения. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 125–131.

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-125-131

FOR CITATION

Sekerin V. D., Semenova V. V., Gorokhova A. E. The Influence of Human Resource Management on the Development of Innovation Infrastructure. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Economics, 2023, no. 2. pp. 125–131.

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-125-131

УДК 336.221

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-132-153

МАЛЫЙ БИЗНЕС В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ: КРИТЕРИИ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ РЕЖИМОВ

Семенова Г. Н.*Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова**117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация**Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать критерии применения специальных налоговых режимов субъектами малого бизнеса, выявить положительные стороны и недостатки этих режимов.

Процедура и методы. Рассмотрена доля малого и среднего бизнеса в ВВП и занятости в России и разных странах, показана динамика предприятий малого бизнеса в России. С постепенным уменьшением предприятий малого бизнеса определены причины, тормозящие его развитие, обозначены проблемы и перспективы развития предпринимательства в России. В статье использованы следующие методы исследования: теоретический метод, классификация, сравнительный анализ.

Результаты. Показана выгодность применения малым бизнесом специальных налоговых режимов. В результате анализа выявлены как положительные, так и отрицательные стороны применения специальных налоговых режимов, таких как: упрощенная система налогообложения (УСН), единый сельхозналог (ЕСХН), патентная система налогообложения (ПСН), налог на профессиональный доход (НПД), автоматизированная упрощенная система налогообложения (АУСН).

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретической и методологической основой исследования служат труды классиков экономической теории, ведущих отечественных и зарубежных учёных в области теории и практики налогообложения субъектов малого предпринимательства. Понятие малого предпринимательства трактуется теоретиками по-разному. Но какими бы ни были трактовки малого предпринимательства, это предпринимательство выполняет важнейшую социальную функцию, т. е. способствует созданию новых рабочих мест и поступлению налоговых платежей в бюджетную систему России. В современных условиях возможность использования льготных специальных налоговых режимов является инструментом поддержки предпринимателей (особенно владельцев малого и среднего бизнеса) и их возможности оптимизации своих налоговых платежей. Таким образом полученная большая часть прибыли была бы использована ими для дальнейшего развития бизнеса.

Ключевые слова: малый бизнес, специальные налоговые режимы, доходы, расходы, налоговая ставка, налоговая база, объект налогообложения, индивидуальный предприниматель

SMALL BUSINESS IN THE RUSSIAN ECONOMY: CRITERIA FOR THE APPLICATION OF SPECIAL TAX REGIME

G. Semenova

Plekhanov Russian University of Economics

per. Stremyanniy 36, Moscow 117997, Russian Federation

State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To explore the criteria for the application of special tax regimes by small businesses, to identify the positive aspects and disadvantages of these regimes.

Methodology. The share of small and medium-sized businesses in GDP and employment in Russia and different countries is considered; the dynamics of small businesses in Russia is shown. With a gradual decrease in small businesses, the reasons hindering its development are identified; the problems and prospects for the development of entrepreneurship in Russia are outlined. The article uses the following research methods: theoretical method, classification, comparative analysis.

Results. The profitability of the use of special tax regimes by small businesses is shown. As a result of the analysis, both positive and negative aspects of the application of special tax regimes were identified, such as: a simplified taxation system (STS), a single agricultural tax (SAT), a patent taxation system (PTS), a professional income tax (PIT), an automated simplified system taxation (ASSN).

Research implications. The theoretical and methodological basis of the study is the works of the classics of economic theory, leading domestic and foreign scientists in the field of theory and practice of taxation of small businesses. The concept of small business is interpreted by theorists in different ways. But whatever the interpretation of small business, this business performs the most important social function and thus contributes to the creation of new jobs and the flow of tax payments to the Russian budget system. In modern conditions, the possibility of using preferential special tax regimes is a tool to support entrepreneurs (especially owners of small and medium-sized businesses) and their ability to optimize their tax payments. In this way, the majority of the profits received would be used by them for further business development.

Keywords: small business, special tax regimes, income, expenses, tax rate, tax base, object of taxation, individual entrepreneur

Введение

Приоритетным направлением деятельности государства является льготное налогообложение малого бизнеса. Ситуация в экономике складывается не лучшим образом для малых предприятий, однако, при эффективном управлении существует реальная возможность оптимизации расходов на текущие операции внутри организации, что частично позволит компенсировать рост инфляции, а также за счёт использования методов снижения рисков – предотвратить вероятность банкротства предприятия. В этой связи вопрос налогообложения малого бизнеса стоит наиболее остро, т. к. во многих учебных пособиях специальные режимы налогообложения рассматривают как своего рода государственную поддержку малого и среднего бизнеса, которая существенно снижает налоговую нагрузку на бизнес. Но прежде чем рассматривать налогообложение малого бизнеса, необходимо определить его роль в экономике России.

Понятие субъектов малого предпринимательства и их роль в экономике России

Министром Великобритании М. Миланом в докладе о промышленном и финансовом состоянии страны в 1931 г. был впервые официально употреблён термин «малое предпринимательство». Последующее упоминание «малого предпринимательства» было отражено в законе «Об определении вида обслуживания» в США в 1948 г. А затем в 1953 г. был издан закон «О малом бизнесе», в котором под малым предприятием понималась независимая от прочих организаций в управлении организация, при этом такая организация не является более значимой в области своего функционирования [18, с. 52].

Необходимо отметить, что данное определение в настоящее время вызовет разногласия, так как понимание малого предпринимательства несколько трансформировалось, но на тот период оно являлось достаточно точным. Это объясняется тем, что в период появления Закона «О малом предпринимательстве», форма малого бизнеса была мало распространена в США, сейчас же доля малого бизнеса в ВВП страны составляет более 50%. В мире по данным ООН примерно 50% населения занято в малом бизнесе. Общее количество малых предприятий составляет 53–55 млн, что обеспечивает до 75% новых рабочих мест [17, с. 132].

Упоминание малого предпринимательства в России на законодательном уровне относят к началу возрождения предпринимательства в январе 1991 г., когда в действие вступили Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» и иные последующие законы о его развитии [7, с. 110].

Понятие малого и среднего предпринимательства установлено на законодательном уровне в Федеральном законе от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Согласно данному в законе определению «субъектом малого предпринимательства являются хозяйствующие субъекты в статусе юридического лица (ЮЛ) или индивидуального предпринимателя (ИП), которое соответствует установленным в упомянутом законе критериям и сведения, о котором в обязательном порядке внесены в единый реестр субъектов малого предпринимательства» [18, с. 65].

Данные критерии отнесения предприятий к субъектам малого и среднего предпринимательства определены Федеральным законом №209-ФЗ. Указанный закон является основным в урегулировании прав и деятельности малых и средних предприятий на территории Российской Федерации. В научной литературе существует множество различных определений понятия малого предпринимательства. Рассмотрим некоторые из них. Для начала определим, что есть предпринимательство и предпринимательская деятельность.

В западных источниках предпринимательство предполагает не только стремление предпринимателя получить экономическую выгоду, но и задействование экономического творчества. К примеру, П. Друкер в своих трудах подчёркивал связь предпринимательства с инновациями, относя его к разновидностям социальной деятельности. Создавая новые блага, предприниматель как бы даёт вторую «жизнь» имеющимся ресурсам. При этом предприниматель не приспосабливается к рынку, а ищет и создаёт новые возможности извлечения прибыли в текущих рыночных условиях [9, с. 215]. Такой взгляд на предпринимательство в западной экономике сформировался за счёт того, что он не обязательно должен быть собственником капитала, он новатор.

Но взгляды зарубежных и российских авторов на предпринимательство и его сущность различаются. При этом понятия предпринимательства и бизнеса в отечествен-

ных трудах фактически не разграничиваются. За рубежом бизнес не равно предпринимательство, он не предполагает новаторства и творческой деятельности. В России же наоборот. К примеру, определение, данное в пособии по предпринимательству М. Г. Лапуста, раскрывает понятие предпринимательства следующим образом: «система отношений, возникших в результате предпринимательской деятельности, является бизнесом». Т. е. фактически стоит знак равно между предпринимательством и бизнесом. В то же время автор ссылается на то, что предпринимательство, представляя собой сложную цепочку целенаправленных действий, содержит поиск творческих идей, их анализ и оценку, а также предполагает формирование определённых целей по внедрению инновационных идей и продуктов [9, с. 220]. М. Г. Лапуста даёт определение малому предпринимательству в целом, как относительно небольшой деятельности, которая имеет несложную организационную структуру под управлением одного собственника с ограниченным капиталом и небольшой долей товаров на рынке [8, с. 636].

Определяя непосредственно категорию малого предпринимательства, некоторые авторы не только ссылаются на критерии, установленные Федеральным законом №209-ФЗ, но и указывают, что к основным количественным показателям также относится объём уплачиваемых налогов, стоимость активов и иные показатели.

В научных трудах также определяются качественные характеристики малого предпринимательства. Так, согласно определению Н. М. Филимоновой, «под малым предпринимательством понимается небольшой объём деятельности, за результаты которого полностью несет ответственность сам предприниматель – владелец, он же самостоятельно принимает решения и оценивает возможные риски, которым подвержено малое предпринимательство в большей степени» [18, с. 32].

К малым и средним предприятиям могут быть отнесены, представленные на рисунке 1 субъекты, которые соответствуют установленным критериям.

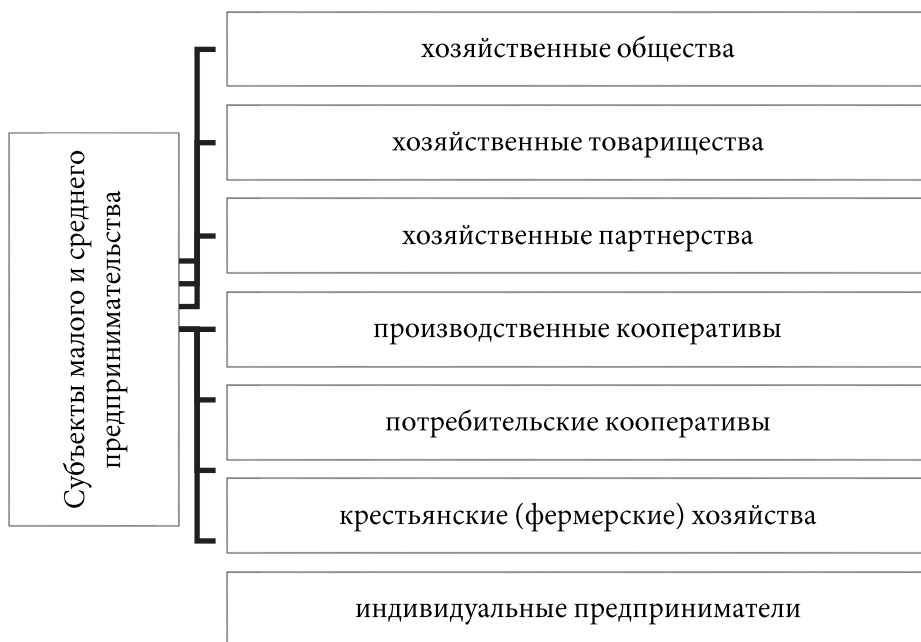


Рис. 1 / Fig. 1 Субъекты малого и среднего предпринимательства России / Subjects of small and medium business in Russia

Источник: составлено автором.

Малый бизнес способствует созданию новых рабочих мест, выполняя важнейшую социальную функцию. Т. е. положительное влияние оказывает на сокращение уровня безработицы и общей социальной напряжённости в обществе. Путём создания предпринимателями собственного дела на фоне прогрессирующей в рынке реструктуризации крупных организаций [16, с. 170].

Мировой опыт отражает значимость предпринимательства в экономике страны, так как определяет темпы роста, структуру и качество ВВП. Малый бизнес, который не оценён по-настоящему в нашей стране со стороны отдельных законодателей, в экономически развитых странах является движущей силой. *Малый бизнес* – это независимые предприятия, производящие и предоставляющие социально необходимые услуги в целях извлечения прибыли [2, с. 339].

Малое предпринимательство зачастую воспринимается как фактор обеспечения занятости населения страны, компенсационный инструмент на региональных рынках труда. Миссия малого предпринимательства рассматривается несколько шире (рис. 2).

Малый бизнес является важнейшим источником новых идей для экономики. Здесь формируются технологические стартапы и прорывные инновации. Вновь созданные компании лучше улавливают перспективный спрос и тем самым открывают новые направления экономического роста

С расширением процессов цифровой трансформации даже небольшой бизнес становится глобальным и способным к включению в глобальные цепочки добавленной стоимости. С учетом вероятной трансформации многих цепочек в посткризисный период небольшие компании могут стать основой быстрой перестройки сетей поставок

Наряду со статическим вкладом в экономику роль предпринимательства исключительно важна с позиций обеспечения высоких темпов роста. Именно в секторе малого и среднего бизнеса наблюдается такой феномен, как быстрорастущие компании – «газели»

Именно предпринимательство может стать важнейшим инструментом обеспечения экономической успешности граждан, реализации гибких траекторий развития для населения различных возрастов и компетенций

Рис. 2 / Fig. 2. Авторское представление миссии малого предпринимательства в России / Author's presentation of small business mission in Russia

Источник: составлено автором.

Этапы становления малого бизнеса в России предопределяют уровень самостоятельности и важности развития данного сектора экономики. В этой связи государством были приняты попытки по снижению трудностей, которые возникают у предпринимателей малого бизнеса при регистрации и ведении налогообложения и учёта, развитии малого предпринимательства [6, с. 17].

Несмотря на значимость малого бизнеса, его вклад в российскую экономику незначителен, так как это обусловлено особенностями государственного регулирования [3, с. 165].

Статистические данные и мировой опыт экономически развитых стран подтверждает вклад малого предпринимательства не только в экономику конкретной страны, но и в мировую экономику. Доля малого и среднего предпринимательства в США – 56%, Японии – 55%, а в России – 20,8% производства ВВП. При этом средний показатель вклада малого и среднего предпринимательства в странах ЕС превышает 70%. Доля малого и среднего предпринимательства в ВВП, основываясь на статистических данных общероссийской общественной организации «Деловая Россия», в Российской Федерации порой ниже показателей стран, где экономика только формируется (табл. 1).

Именно этот существенный факт является причиной незначительной роли, которая отводится предприятиям малого и среднего бизнеса в России. Такое положение не выгодно для предпринимательства, не выгодно для экономики и экономической безопасности нашей страны.

Таблица 1 / Table 1

Доля малого и среднего бизнеса в ВВП и занятости в разных странах / The share of small and medium-sized businesses in GDP and employment in different countries

Страна	Доля в ВВП, %	Доля занятых, %
1	2	3
Израиль	62,3	68,7
Китай	60,0	83,0
Узбекистан	56,9	78,0
США	56,0	52,0
Япония	55,0	72,0
Германия	43,0	57,0
ЮАР	42,0	47,0
Вьетнам	40,0	50,0
Малайзия	39,0	48,0
Россия	20,8	27,0

Источник: [18].

Таким образом, малое предпринимательство как неотъемлемый элемент рыночных отношений и важнейший элемент системы экономической безопасности государства, является мощнейшим источником развития экономики в целом, не только отвечает интересам России, но и способен приумножить национальное богатство страны, и создавать инновационные ценности, которые в современных экономических условиях необходимы России.

Нормативное регулирование субъектов малого бизнеса в России, проблемы и перспективы развития

Понятие малого предпринимательства зафиксировано в ст. 3 Федерального закона от 24.07.2007 ФЗ № 209-ФЗ. *Малыми предприятиями* могут быть как юридические лица (ЮЛ) в виде организаций различных организационно-правовых форм (АО и ООО), так и индивидуальные предприниматели (ИП), которые соответствуют указанным критериям.

Одним из обязательных условий деятельности малого предпринимательства является регистрация бизнеса в качестве юридического лица (ЮЛ), индивидуального предпринимателя (ИП). При этом деятельность самозанятых также можно приравнивать к субъектам малого предпринимательства.

В ст. 48 Гражданского кодекса РФ даётся понятие юридического лица. «*Юридическим лицом* может быть организация, имеющая обособленное имущество и отвечающее им по своим обязательствам. *Юридическое лицо* имеет право приобретать и осуществлять гражданские права от своего лица, нести гражданские обязанности, а также быть истцом и ответчиком в суде»¹.

Словосочетание «*индивидуальная предпринимательская деятельность*» также закреплено в Гражданском кодексе РФ, соответственно, на законодательном уровне под ней понимается деятельность, в основе которой заложены:

- независимость
- рискованность
- направленность на систематическую прибыль от применения имущества, реализации товаров, выполнения работ и оказания услуг.

Под *самозанятыми* понимается деятельность физического лица (ФЛ) или индивидуального предпринимателя (ИП) на территории тех субъектов, где проводится экспериментальный налог, при осуществлении которой взимается специальный налог на профессиональный доход (НПД)².

В ст. 7 Федерального закона № 209-ФЗ указаны особенности нормативно-правового регулирования развития малого предпринимательства в Российской Федерации.

Значительное влияние государства на малый бизнес оказывается через законотворчество. Упомянутым выше законом о развитии малого и среднего предпринимательства в РФ вносятся мероприятия по поддержке малого предпринимательства³. Процедуры, связанные с налогообложением, представлены в Налоговом кодексе РФ⁴.

Деятельность малого предпринимательства может быть выстроена как на применении общего режима налогообложения, так и на специально разработанных для малого предпринимательства специальных налоговых режимах.

Федеральный закон о развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации определяет сущность и закрепляет понятие малого предпринимательства, а также меры государственной поддержки, её формы и виды⁵.

Федеральный закон о защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля вступил в силу в 2009 г. и определил порядок создания, контроля над деятельностью малого предпринимательства, а также его взаимодействия с исполнительными органами власти на всех её уровнях⁶.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «Консультант плюс».

² Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» // СПС «Консультант плюс».

³ Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации: часть 1 от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ и часть 2 от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ // СПС «Консультант плюс».

⁵ Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 10.02.2023).

⁶ Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СПС «Консультант плюс».

Так строится *первый уровень* законодательного управления деятельности малых предприятий в России.

Второй уровень управления содержит различные положения с рекомендациями по ведению деятельности.

Третий – объединяет все ведомственные документы, а именно письма, инструкции, методические рекомендации, разъяснения Минфина и иных органов исполнительной власти.

Четвёртый уровень – предполагает наличие внутренних документов у субъекта малого предпринимательства, а именно устава, учётной политики, приказов, распоряжений руководства и иных документов, которые относятся к порядку функционирования малого предприятия.

Основные цели проводимой государством политики, которая направлена на оказание поддержки малому предпринимательству, функционирующему на территории Российской Федерации, представим на рисунке 3.

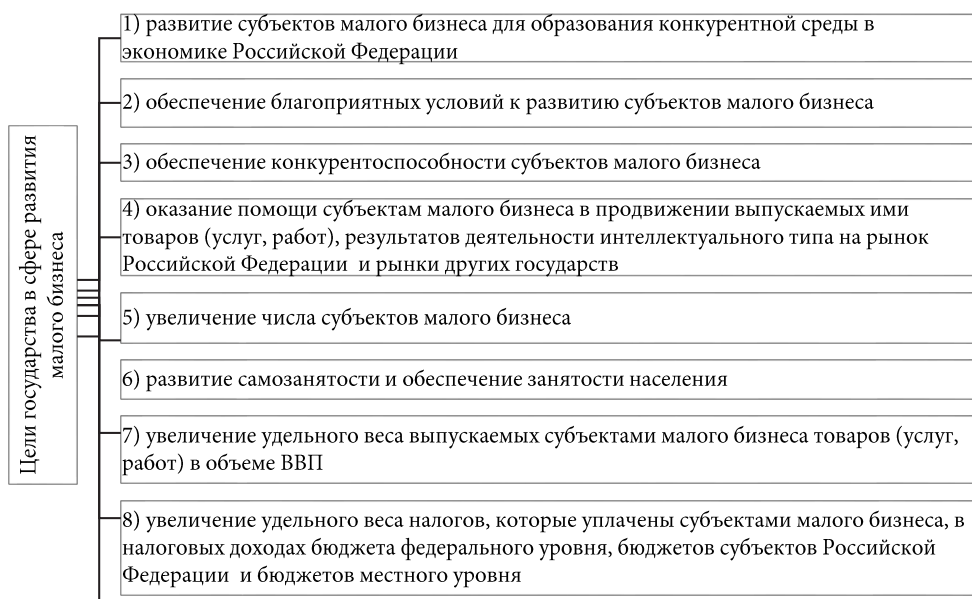


Рис. 3 / Fig. 3. Цели политики государства по поддержке малого бизнеса в России / Goals of government policy to support small businesses in Russia

Источник: [17].

Закреплённые на законодательном уровне формы государственной поддержки представим на рисунке 4.

Финансирование малого бизнеса определено нормами законодательства и предполагает выделение средств из бюджета Российской Федерации, а также региональных и местных бюджетов в соответствии с целью финансовой поддержки. Формы финансовой поддержки малого бизнеса могут принимать вид инвестирования в развитие, государственных и муниципальных гарантий, а также субсидий.

К мерам финансовой поддержки зачастую относят существующие налоговые режимы для малого предпринимательства, которые предполагают освобождение от ряда обязательных налогов, а также возможности льгот, налоговых каникул и иных мер.

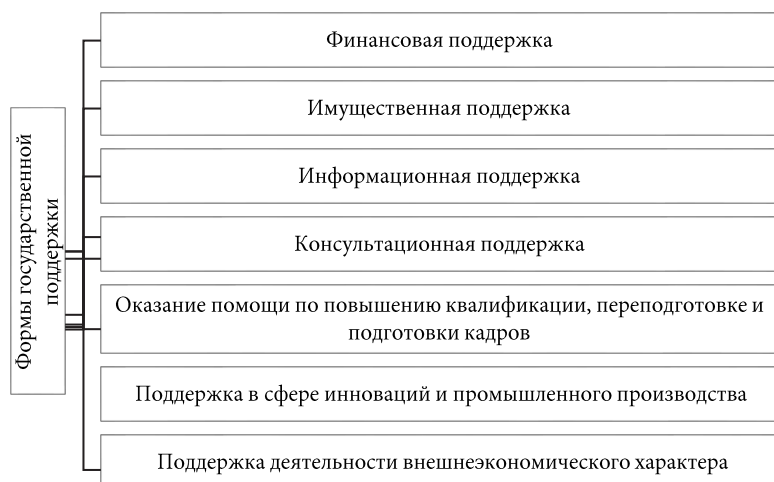


Рис. 4 / Fig. 4. Формы государственной поддержки малого бизнеса России / Forms of state support for small business in Russia

Источник: [7].

Имущественная поддержка малого бизнеса заключается в передаче имущества государства или муниципалитета во временное пользование малому бизнесу. Под имуществом понимаются в данном случае объекты, подпадающие под определение основных средств. Важным моментом выступает условие предоставления, а именно их безвозмездный характер.

Поддержка информационного характера заключается в информировании малого предпринимательства о значимых для его деятельности изменениях на законодательном уровне.

Поддержка в виде предоставления консультаций исполнительными органами государственной власти на всех уровнях именуется консультационной поддержкой, которая предполагает соответствующие услуги, компенсации расходов, понесённых малым предпринимательством на оказание ему таких услуг.

Поддержка, оказываемая государством в виде направлений кадрового состава предприятия на повышение квалификации, является следствием формирования образовательных программ. В их основу входят условия предоставления услуг на основе государственных стандартов образования в целях совершенствования знаний, а также оказания учебно-методологической и научно-методической помощи.

Для малых предприятий, осуществляющих деятельность в области инновационных и промышленных технологий, государство предоставляет поддержку в виде создания научно-производственных зон, технопарков и иных вспомогательных центров и т. д.

Создание условий сотрудничества с международными компаниями и иными государствами закладывается в основу государственной поддержки малых предприятий осуществляющих внешнеэкономическую деятельность.

Несмотря на обширность форм государственной поддержки, в законе о развитии малого и среднего предпринимательства в РФ есть небольшая, но существенная оговорка, что поддержку могут получить не все субъекты малого предпринимательства¹. В законе есть закрытый перечень тех, кто под меры поддержки не подпадает.

В современных экономических условиях поддержка малого предпринимательства является одной из наиболее приоритетных задач государственной политики.

¹ Ст. 14 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

Высокий уровень социально-экономической значимости малого предпринимательства определяет необходимость совершенствования системы государственной поддержки, направленной на обеспечение благоприятных условий функционирования, сохранения существующих позиций и дальнейшего развития структур малого предпринимательства [15, с. 486].

Состояние управления и развития малого бизнеса можно считать основой эффективного управления и развития экономики, так как это способствует развитию во всех сферах общественных отношений и тем самым решению многих социальных проблем.

Малый бизнес имеет все перспективы быть основным фактором ускорения преобразований на рынке, который способен обеспечить достойные условия жизни для миллионов граждан. Позитивное развитие и стабильность малого бизнеса – это залог экономической безопасности страны. Тем не менее, малый бизнес, не смотря на свои возможности в воздействии на политику, экономику и социальную сферу, подвержен ряду внешних факторов, а именно политических, экономических, организационных, правовых и иных, которые оказывают существенное влияние на его развитие.

Тогда как малое и среднее предпринимательство занимает минимум половину ВВП развитых стран: 75% – в Евросоюзе, 56% в США, 55% – в Японии, 33% – в странах ОЭСР, на 10 тыс. российского населения предприятий малого и среднего предпринимательства приходится в среднем 180, а в Венгрии – 548, Германии 274, Бразилии – 240. Более 60% населения занято в сфере малого и среднего предпринимательства в ведущих странах мировой экономики. Так, в Японии этот показатель составляет 72%, в Евросоюзе – 75%, в США – 52% [5, с. 474].

Представленные данные отражают масштаб отставания России в развитии малого и среднего предпринимательства не только от экономически развитых стран, но и от развивающихся.

На рисунке 5 представлена динамика микро- и малых предприятий за пять лет.

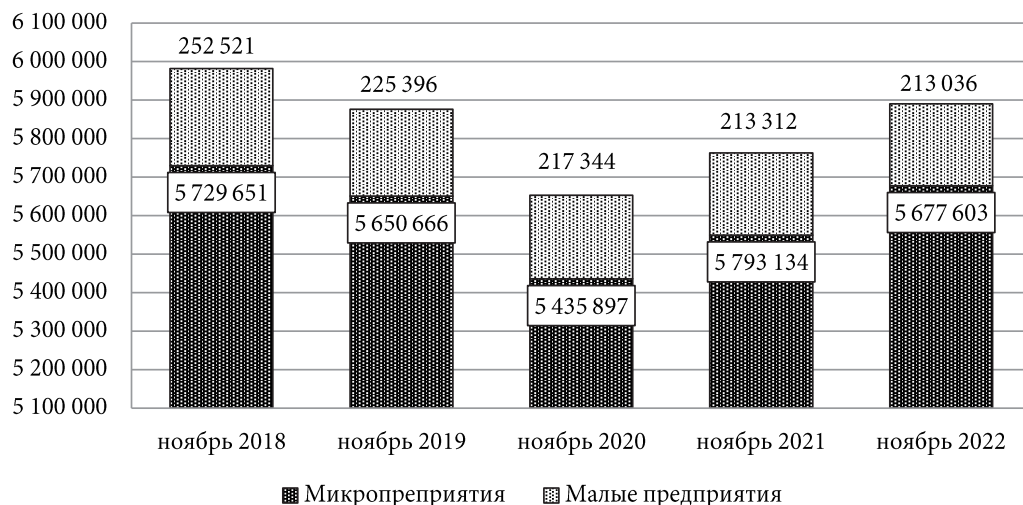


Рис. 5 / Fig. 5 Динамика предприятий малого бизнеса в России, тыс. единиц / Dynamics of small businesses in Russia, thousand units

Источник: составлено автором на базе аналитических данных ФНС России [Электронный ресурс].
URL: <https://www.nalog.ru> (дата обращения: 10.02.2023).

Из рис. 5 видно, что динамика малых предприятий за последние пять лет имеет регресс. Если в ноябре 2018 г. количество предприятий малого бизнеса было 252 521, то в ноябре 2022 г. – 213 036, меньше на 39 485 единиц (84,4%).

Микропредприятий в ноябре 2018 г. числилось 5 729 651, то в ноябре 2022 г. – 5 677 603, меньше на 52 048 единиц (99,1%). В этот период большое влияние на бизнес оказала пандемия COVID-19, которая продолжалась в 2020 и начале 2021 гг.

Конечно же, пандемия затронула все сферы деятельности и слои населения, особенно отрицательно сказалась на предприятиях малого бизнеса. Статистика показывает, что предприниматели, работавшие в малом бизнесе, вынуждены были закрываться на время или вовсе ликвидировать свой бизнес. Как следствие резко отрицательная динамика количества предприятий малого бизнеса [12, с. 142].

К пандемии прибавились еще и санкции Запада. Воздействие санкций повлияло также на развитие бизнеса в России в 2022 г., а также в первую половину 2023 г., особенно это отразилось на деятельности предприятий малого бизнеса, в связи с прогрессирующим ростом закупочных цен, снижением спроса и выручки, многим предпринимателям приходится закрывать свой бизнес.

Однако необходимо обратить внимание на динамику работников, занятых у субъектов малого предпринимательства, которая представлена на рисунке 6.

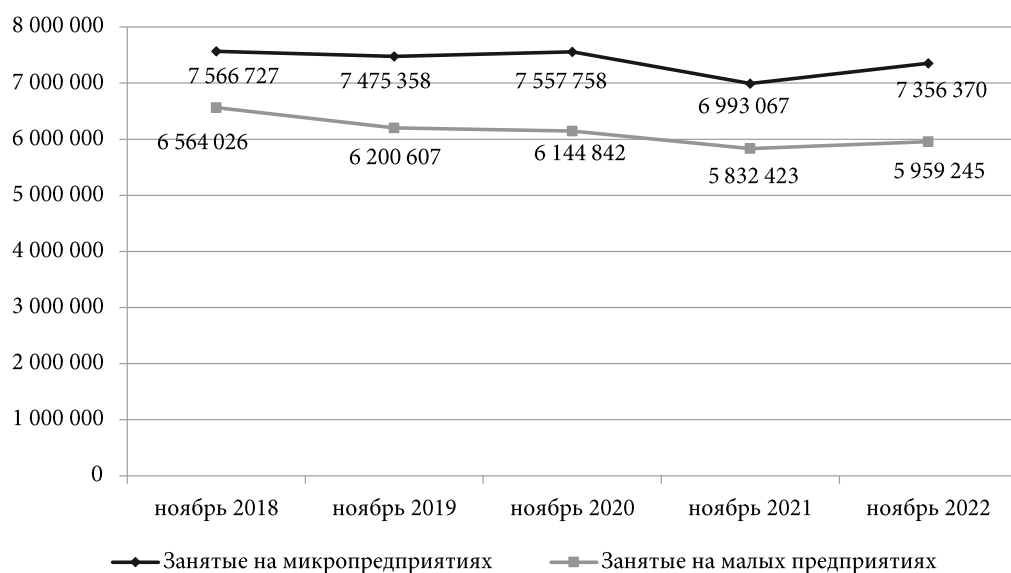


Рис. 6 / Fig. 6. Динамика работников, занятых у субъектов малого предпринимательства в России / Dynamics of employees employed by small businesses in Russia

Источник: составлено автором на базе аналитических данных ФНС России [Электронный ресурс].
URL: <https://www.nalog.ru> (дата обращения: 10.02.2023).

Несмотря на снижение числа микропредприятий, число занятых на них имеет стабильную динамику, и даже небольшой рост, однако в 2021 г. отмечается снижение. Занятость на малых предприятиях фактически сопоставима с занятостью на микропредприятиях, хотя их число гораздо ниже.

Заметим, что 15% предприятий малого бизнеса осуществляют свою деятельность в сфере строительства жилых и нежилых зданий, около 14% заняты в сфере

автомобильного и грузового транспорта, 12% предоставляют услуги в сфере розничной торговли преимущественно пищевыми и т. д.

Представим причины, которые способствовали и продолжают способствовать замедлению развития малого бизнеса в Российской Федерации, на рисунке 7.



Рис. 7 / Fig. 7. Причины, тормозящие развитию малого бизнеса в России / Reasons hindering the development of small business in Russia

Источник: составлено автором.

Замедление темпов развития малого предпринимательства в настоящее время и несбалансированность его отраслевой структуры обусловлена, в первую очередь, чрезмерностью торговли. Что свидетельствует о недостаточности финансовых, материальных, трудовых и других ресурсов в других отраслях, которые необходимы для реализации творческого инновационного потенциала предпринимательства и интенсификации российской экономики.

В сферах, где наиболее значителен инновационный потенциал, в первую очередь, нужна государственная поддержка. Так как именно здесь есть реальная возможность формирования базы интенсивного развития всей экономики. Выход из кризиса в сложившихся условиях экономической дестабилизации малому бизнесу трудно реализуем. Вместе с тем наблюдается колоссальный потенциал малого предпринимательства, который просто не используется в России [4, с. 22].

Неоспоримым фактом является то, что значительный урон экономике России и зарубежных стран нанёс не сам коронавирус, а меры по ограничению – самоизоляция, которая вводилась государствами для предотвращения распространения коронавируса.

Современная ситуация является очень нестабильной и быстро меняющейся. В кризисные периоды традиционно сложилось, что предприятиям малого бизнеса приходится сложнее всего. Так как зачастую они не обладают необходимым уровнем запасов и опыта в антикризисном менеджменте. Соответственно, если на предприятиях более крупных кризис может отразиться в виде замедления темпов роста выручки, частичного её снижения, отсутствия или временного наличия убытка, то для малого бизнеса с большей вероятностью всё может обернуться ликвидацией. Конечно, и крупный бизнес может быть ликвидирован в случае некачественного

ванного управления в кризисных ситуациях, но это скорее исключения, чем аксиома, как с предприятиями малого бизнеса [1, с. 34].

При этом необходимо подчеркнуть тот факт, что рассчитывать на получение поддержки от государства малому бизнесу можно в меньшей степени, т. к. наибольший интерес для государства представляют крупные предприятия, и как инвестиционный объект, и как налогоплательщик, а также объект обеспечения наибольшей занятости населения. Не смотря на это, в задачи государства должно входить стремление поддержать большее количество малого предпринимательства. Т. к., несмотря на свои размеры, именно оно может стать главным рычагом экономики.

Рассмотрим сферы деятельности предприятий малого бизнеса, которые больше всего пострадали в период самоизоляции в 2020 г. и сейча с. Ограничения касались прежде всего тех, чья деятельность связана с прямым контактом между людьми. Т. е., как было выше сказано, это сфера услуг и прямые продажи. Официальный перечень отраслей российской экономики, которые в наибольшей степени пострадали от пандемии, был утверждён в апреле 2020 г. Постановлением Правительства РФ №434¹.

Т. е. в период самоизоляции компании потеряли взаимодействие с клиентами, что отразилось на выручке предприятий – она просто прекратила поступать, а расходы в виде аренды помещений, заработной платы сотрудникам, процентов по кредитам и займам, налогов остались. В этой связи компании стали искать новые каналы продаж – маркетплейсы, собственные интернет-магазины, чтобы нарастить прибыль и снизить текущие расходы. В этой связи наиболее актуальной стала помощь малому бизнесу со стороны государства.

Разработанные для малого бизнеса специальные налоговые режимы существенно снизили его налоговое бремя, однако высокие тарифы по страховым взносам оказывали на протяжении долгого времени значительное негативное влияние на общее состояние малого бизнеса. Это заставляло и заставляет предпринимателей и сейчас оставаться в теневом секторе экономики, т. е. выплачивать серые заработные платы, занижать выручку и уходить от налогов. Такая тенденция сохранялась на протяжении многих лет. Что сказывалось не только на отчислениях во внебюджетные фонды, но и на общих показателях развития экономики [14, с. 127].

Для ряда субъектов малого или среднего предпринимательства на законодательном уровне установили пониженные тарифы страховых взносов на часть выплат, превышающих МРОТ². При этом выплаты, не превышающие МРОТ, облагаются по обычной ставке³.

Применяются следующие ставки в части, превышающей МРОТ:

– 10,0% – в Социальный Пенсионный фонд и Фонд социального страхования РФ;

– 5,1% – в Фонд медицинского обязательного страхования.

Установленный в России федеральный МРОТ на 01.01.2023 составляет 16 242 руб.⁴

¹ Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 434 «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» // СПС «Консультант плюс».

² Ст. 6 Федерального закона от 29.12.2020 № 473-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «Консультант плюс».

⁴ Федеральный закон от 19.12.2022 № 522-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» // СПС «Консультант плюс».

Сейчас взносы платят по совокупной ставке 30% с выплат в пределах МРОТ. И только к выплатам сверх МРОТ можно применять пониженную ставку 15,1% (п. 2 ст. 425 и подп. 17 п. 1 ст. 427 НК)¹.

В этой связи произведём анализ мер поддержки субъектов малого предпринимательства, которые были реализованы или анонсированы Правительством РФ. Реализация мер поддержки была возложена на Министерство экономического развития России, Федеральную налоговую службу РФ и Корпорацию малого и среднего предпринимательства России.

Соответственно, можно сказать, что к настоящему моменту предпринимается попытка сформировать комплексную систему поддержки малого бизнеса, которая предполагает наличие благоприятной среды для ведения бизнеса и имеет высокоэффективные инструменты общей и адресной поддержки малого бизнеса.

На рисунке 8 представлены проблемы и перспективы развития малого предпринимательства в России.

Проблемы	• низкий потребительский спрос • недостаток финансовых активов • ограничения связанные с политическими и эпидемиологическими обстоятельствами • ограниченность применения мер государственной поддержки
Перспективы	• снижение административных барьеров и налоговой нагрузки создают благоприятную среду ведения бизнеса • развитие инновационных технологий и распространение онлайн торговли • осознание государством и предпринимателями важности малого бизнеса • возможность выхода на международный рынок

Рис. 8 / Fig. 8. Проблемы и перспективы развития малого предпринимательства в России / Problems and prospects for the development of small business in Russia

Источник: составлено автором.

Таким образом, деятельность малого предпринимательства имеет существенное влияние на экономику страны в целом, так как данная область является лидером по созданию рабочих мест, позволяет развивать инфраструктуру и поддерживать социальное равенство в обществе. При этом субъектами малого предпринимательства могут стать не только юридические лица, но и индивидуальные предприниматели и физические лица в качестве самозанятых, применяющие налог на профессиональный доход (НПД).

Современная налоговая система для субъектов малого бизнеса в России

Современная налоговая система создаёт для малого бизнеса большой выбор для оптимизации налогообложения. Это особые льготы, которые используются малым и средним бизнесом, а также индивидуальными предпринимателями. Для малого

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации: часть 1 от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ и часть 2 от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ // СПС «Консультант плюс».

бизнеса на законодательном уровне уменьшаются налоговая и административная нагрузки, и в течение трёх лет, если малым бизнесом не было совершено никаких налоговых правонарушений, то налоговые органы не проводят выездных налоговых проверок.

В настоящее время, в условиях финансового кризиса, дефицита федерального бюджета, экономических санкций со стороны западных стран, можно говорить об изменении условий функционирования малых предприятий и необходимости государственной системы поддержки этого сектора. Одним из базовых принципов налогообложения малого бизнеса является стабильность налоговой нагрузки. В России основными мерами налогового стимулирования развития малого предпринимательства являются:

- специальные налоговые режимы – упрощённые правила ведения налогового учёта, упрощённые формы налоговых деклараций по отдельным налогам и сборам для малых предприятий;
- упрощённая система ведения бухгалтерской отчётности для малых предприятий, осуществляющих отдельные виды деятельности;
- упрощённый порядок составления субъектами малого и среднего предпринимательства статистической отчётности;
- нулевая ставка для уплаты страховых взносов при применении налога на профессиональный доход и автоматизированную упрощённую систему налогообложения (АУСН);
- освобождение от НДС и от налога на прибыль для предприятий малого бизнеса, если сумма выручки от реализации товаров будет менее 2 млн руб. за три предшествующих календарных месяца;
- региональные налоговые льготы – субъекты Российской Федерации имеют возможность понизить ставку по УСН, сделав её даже 0%, а также сделать дополнительные льготы по налогу на прибыль, уменьшив ставку 17% на 4 процентных пункта, и налогу на имущество, установив ставку от 0 до 2,2%.

Общая система налогообложения (ОСНО) в большинстве случаев применяется крупным бизнесом, который имеет большие доходы свыше 200 млн. руб. и среднюю численность сотрудников свыше 200 чел. Индивидуальные предприниматели, используют эту систему, работая с НДС – 13%.

Общая система налогообложения (ОСНО). Общая система налогообложения (ОСНО), на которую каждое юридическое и физическое лицо переводится сразу же после регистрации. Она предусматривает обложение бизнеса всеми налогами (НДС, налог на прибыль, налог на имущество, НДС и т. д.). Это наименее привлекательная система для малого бизнеса, так как она содержит наибольший объём налогов и необходимость вести подробный налоговый бухгалтерский учёт всех финансово-хозяйственных операций [11, с. 669].

Небольшие предприятия и индивидуальные предприниматели имеют возможность самостоятельно выбирать используемый льготный режим налогообложения. К льготному режиму налогообложения относят специальные налоговые режимы¹. Схематично специальные налоговые режимы можно отобразить следующим образом (табл. 2).

Рассмотрим критерии применения малым бизнесом каждого специального налогового режима на основании таблицы 2.

1. Упрощённая система налогообложения (УСН). Упрощённая система применяется малым бизнесом и индивидуальными предпринимателями. Организации

¹ Ст. 18 НК РФ // СПС «Консультант плюс».

Таблица 2 / Table 2

Системы налогообложения малого предпринимательства / Taxation systems for small businesses

Системы налогообложения					
ОСНО (Общая система)	Специальные налоговые режимы				
	АУСН (доходы)	УСН (доходы минус расходы)	ЕСХН (Сельскохозяйственный налог	ПСН (Патентная система)	НДП (налог на самозанятость)
	АУСН (доходы минус расходы)	УСН (доходы)			
Могут применять юридические лица				Не могут применять юридиче- ские лица	
Могут применять ИП					

Источник: составлено автором.

малого бизнеса освобождаются от НДС, за исключением импортёров, налога на прибыль, налога на имущество организаций, региональных и местных налогов, за исключением налогов транспортного и земельного. Индивидуальные предприниматели не являются налогоплательщиками НДС, за исключением импортёров, НДС/Л, имущественного налога с физических лиц, если это имущество используется ими в предпринимательской деятельности.

Существуют ограничения перехода на этот режим. Основные ограничения: первое – это доход, который за год не должен превышать 150 млн руб, второе – это остаточная стоимость основных средств, которая не должна быть более 150 млн руб., третье – это среднесписочная численность, которая должна не превышать 100 чел. Налогоплательщик выбирает из двух объектов налогообложения для себя самый выгодный, а это могут быть «доходы за вычетом расходов» или только чистые «доходы». От выбора объекта налогообложения зависит ставка налога. Если по выбору налогоплательщика объектом налогообложения будут «доходы за вычетом расходов», то ставка применяется в размере 15%, а если только «доходы», то ставка – 6%. Чаще всего малый бизнес выбирает именно эту систему налогообложения, поскольку она позволяет вести упрощённый учёт, и объёмы налоговых платежей (рис. 9).

2. *Единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН)*. Единым сельскохозяйственным налогом могут воспользоваться только сельхозпроизводители, которые осуществляют первичную переработку и реализацию своей сельхозпродукции. Вся продукция растениеводства сельского и лесного хозяйства, продукция животноводства относится к сельскохозяйственной продукции, а также к ней относится и рыбная продукция. Организации освобождаются от уплаты НДС, за исключением импортёров, налогов на прибыль и имущество организаций, а индивидуальные предприниматели освобождаются от уплаты НДС/Л, налога на имущество физических лиц, если это имущество используется ими в сельскохозяйственной деятельности, а также от региональных и местных налогов, за исключением налогов транспортного и земельного. Такие организации и индивидуальные предприниматели могут заниматься и иными видами деятельности, но, чтобы удержаться на этой системе, необходимо, чтобы их доходы от сельхозпродукции составляли не менее 70%. Ставка налога установлена в размере 6%, отчётность сдаётся один раз в год.

3. *Патентная система налогообложения (ПСН)*. Патентную систему называют иногда торговым налогом малого бизнеса. Используют систему индивидуальные предприниматели, которые оказывают бытовые услуги населению или торгуют различными товарами на рынках, в небольших магазинах, киосках, палатках. Данная система предусматривает покупку патента на определённый срок (можно приобрести одного месяца до одного года), уплаченная за патент сумма и является налогом с совокупного дохода. Применять патентную систему можно наряду с иными режимами налогообложения, например, с упрощённой системой налогообложения (УСН). Налоговая ставка устанавливается в размере 6% от потенциально возможного совокупного дохода. При этом патент уменьшается на всю фиксированную сумму страховых взносов индивидуального предпринимателя и плюс на 1 процентный налог (в 2023 г. фиксированная сумма страховых взносов составляет 45 842 руб.). В налоговые органы налоговые декларации и иная отчётность не сдаются [13, с. 81].

4. *Налог на профессиональный доход (НПД)*. Налогом на профессиональный доход, а в большинстве случаев его называют налогом на самозанятость, могут воспользоваться физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, не имеющие работодателя и не привлекающие наёмных работников. Этот налог ввели для того, чтобы вывести часть доходов, особенно физических лиц, из тени. Это экспериментальный режим, который ввели на 10 лет (с 01.01.2019 год по 31.12.2028 г.). В 2022 г. приняли на своей территории этот налог 85 регионов. Налог нельзя совмещать с общей системой налогообложения (ОСНО), УСН, АУСН, ЕСХН. Максимальный лимит дохода по этому налогу 2,4 млн руб., но если доход превысит этот лимит, то физическому лицу придётся регистрировать себя индивидуальным предпринимателем и выбрать иную систему налогообложения. Налоговая ставка зависит от того, кто перечисляет самозанятому доход. Если самозанятый получил доход от физического лица, то ставка будет в размере 4% с полученного дохода, если от юридического лица, ставка – 6%. Использование налога на профессиональный доход не требует ведения никакой налоговой отчётности [10, с. 80].

5. *Автоматизированная упрощённая система налогообложения (АУСН)*. Новый экспериментальный специальный налоговый режим ввели для микро предприятий, которые будут регистрироваться в следующих субъектах: г. Москва, Республика Татарстан, в Московской и Калужской областях. Период проведения эксперимента: в течение 5 лет, т. е. с 1 июля 2022 г. до 31 декабря 2027 г. включительно. Его основной целью является упрощение налоговой отчётности для предпринимателей, применяющих ККТ. Перейти на такой режим могут индивидуальные предприниматели и организации малого бизнеса, имеющие доход не выше 60 млн руб., а численность наёмных работников не должна превышать 5 чел. Ставка с объектом обложения «доходы» по этому налогу составляет 8%, ставка с объектом «доходы минус расходы» – 20%. В качестве налогового периода признаётся календарный месяц. Сдачи деклараций и иной отчётности не потребуется. Расчёт налога будет производить налоговая инспекция на основании доходов и расходов при совершении расчётов, по которым применяется ККТ, а также на основании доходов и расходов при расчётах по счетам, открытым в уполномоченной кредитной организации. Тарифы страховых взносов устанавливаются в размере 0%.

Как и любой налог в системе налогообложения, *специальные режимы имеют как положительные стороны, так и отрицательные*. На рис. 9 показана численность налогоплательщиков, в связи с применением специальных режимов налогообложения, по видам налогов.

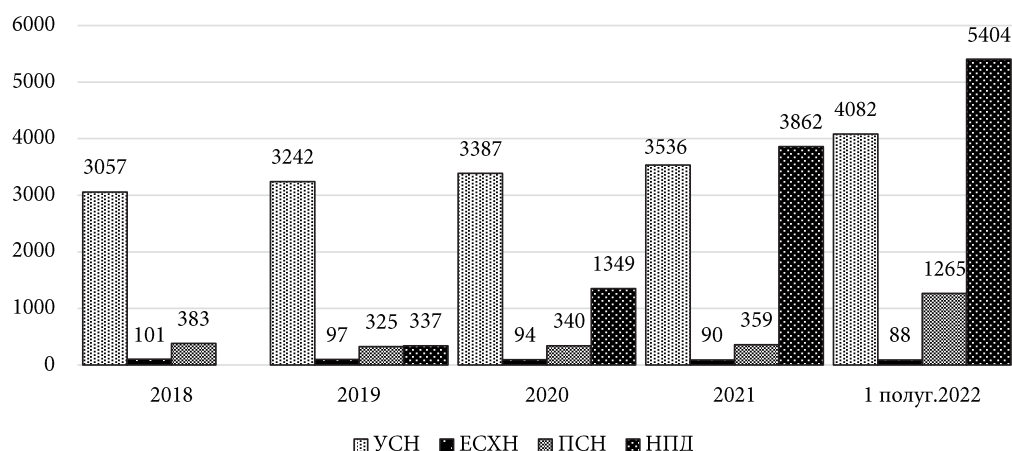


Рис. 9 / Fig. 9. Численность налогоплательщиков, в связи с применением специальных режимов налогообложения, по видам налогов, ты с. единиц / Number of taxpayers due to the use of special taxation regimes, by types of taxes, thousand units

Источник: составлено автором на базе аналитических данных ФНС России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nalog.ru> (дата обращения: 10.02.2023).

Чаще всего налогоплательщики выбирают упрощённую систему налогообложения (УСН), особенно объект налогообложения «доходы» со ставкой 6%, и с каждым годом численность их увеличивается. Если в 2018 г. налогоплательщиков, применяющих УСН, составляло 3 057 тыс., то на 1 полугодие 2022 г. – 4 082 тыс., рост – 1 025 тыс. (133,5%).

С 1 января 2021 г. отменили единый налог на вменённый доход (ЕНВД), поэтому налогоплательщики, применяющие этот налог должны были выбрать для себя оптимальный режим налогообложения из действующих. Для малых предприятий выбор выпал на УСН, для предпринимателей – также на УСН, но больше предпринимателей перешли на патентную систему налогообложения (рис. 9).

Если в 2018 г. патент приобрели 383 ты с. предпринимателей, то за 1 полугодие 2022 г. – 1265 ты с., больше на 882 ты с. (330,3%).

С 1 января 2019 г. в виде эксперимента появилась новая система налогообложения для самозанятых – налог на профессиональный доход. Она сразу стала привлекательной для предпринимателей и физических лиц в связи с оптимизацией налогообложения. Если в 2019 г. она применялась только в четырёх регионах, то в 2022 г. уже в 85. В 2019 г. эту систему стали применять 337 ты с., то на 1 полугодие – 5 404 ты с. предпринимателей и физических лиц, рост – 5 067 ты с. (1 603,6%) (рис. 9).

По численности налогоплательщиков, применяющих автоматизированную систему налогообложения (АУСН) с середины 2022 и начала 2023 гг., данных из ФНС РФ не представлено.

В каждом режиме специальной системы налогообложения есть свои плюсы, а также и минусы:

1. При выборе малым бизнесом упрощённой системы налогообложения (УСН) с объектом налогообложения «доходы за вычетом расходов» есть определённые плюсы:

- доходы можно уменьшить на расходы при исчислении налогооблагаемой базы;
- ставка по общей системе налогообложения (ОСНО) в размере 20% с «доходов за вычетом расходов», при УСН она составляет 15% и может быть снижена до 5% в некоторых регионах;

- у индивидуального предпринимателя имеется возможность получения налоговых каникул на срок двух налоговых периодов;
- из начисленного налога можно уменьшить торговый сбор;
- прошлогодние убытки могут быть учтены при определении налоговой базы, т. е. возможно её уменьшение.

В то же время имеются следующие недостатки:

- списание всех расходов невозможно, существуют закрытый перечень расходов, который определён Налоговым кодексом РФ, а также условие – что все расходы должны быть документально подтверждены;
- даже в случае, если расходы оказались выше доходов, необходимо уплатить налог, исчисляемый от суммы дохода в размере 1%;
- учёт является более сложным в сравнении с УСН с объектом «доходы», т. к. необходимо вносить не только доходы и т. п., но и расходы, которые должны иметь документальное подтверждение в виде первичной документации, отражённой в налоговом учёте.

2. При выборе малым бизнесом *автоматизированной упрощённой системы налогообложения (АУСН)* отметим преимущества применения данной системы:

- автоматизированный расчёт налога делает налоговый орган, а не сам налогоплательщик;
- предприятие освобождено от сдачи налоговых отчётностей, что существенно снижает нагрузку на специалиста в области налогового учёта или на самого предпринимателя;
- ставка по страховым взносам устанавливается в размере 0%, исключение составляют взносы на травматизм в размере 2 040 руб. в год;
- отсутствие обязанности по ведению налогового учёта и КУДиР.

3. При выборе индивидуальным предпринимателем *патентной системы налогообложения (ПСН)* отдельно отметим преимущества выбора данной системы:

- отсутствие необходимости сдачи налоговых отчётов;
- покупка патента на срок от 1 до 12 месяцев, в течение которых не придётся общаться с налоговой инспекцией;
- обязанность в отношении ведения документов касается только книги учёта доходов;
- можно уменьшить сумму патента на сумму фиксированных платежей по страховым взносам;
- стоимость патента определяется в зависимости от предпринимательской деятельности и от потенциально возможного дохода, который устанавливается нормативными актами субъектов РФ.

К недостаткам данной системы относится:

- в случае отсутствия дохода вернуть сумму, уплаченную на приобретение патента, невозможно;
- есть ограничения по приёму сотрудников – не более 15 чел.;
- доход не должен превышать за год 60 млн руб., в том числе и по другим системам, если индивидуальный предприниматель их совмещает в своей деятельности.

Недостатком патентной системы налогообложения можно назвать то, что патент используется только в одном субъекте, и если у предпринимателя появляется желание работать в другом субъекте, то ему придётся покупать ещё один патент, но уже другого субъекта.

4. При выборе физическими лицами и индивидуальными предпринимателями *налога на профессиональный доход* отметим следующие преимущества:

- можно зарегистрировать себя как самозанятого через приложение «Мой налог», при этом не посещая налогового органа;

- простота уплаты налога, нет необходимости платить страховые взносы;
 - налог рассчитывают налоговые органы и высылают ежемесячно платёжные поручения для уплаты, налог уплачивается, только когда есть доход, нет дохода – нет налога;
 - предусмотрен налоговый вычет в размере 10 тыс. руб. для развития бизнеса.
- Недостатки патентной системы сводятся к следующему:
- не учитываются затраты, понесённые самозанятым в ходе бизнеса, например, арендные платежи, расходные материалы и т. д.;
 - больничный никто не оплатит;
 - придётся самостоятельно копить на пенсию, т. к. страховые взносы не уплачиваются;
 - трудовой стаж в этот период не включается, так как нет поступлений страховых взносов.

Заключение

Выбор используемого режима налогообложения имеет большое значение при осуществлении налогового планирования для минимизации налогового бремени. Таким образом, для отнесения предприятия к категории «малый бизнес» оно должно удовлетворять определённым критериям. Среди них: средняя численность работников, величина выручки за год и доля участия в уставном капитале других коммерческих организаций, не являющихся субъектами малого предпринимательства. Но самое главное для малого бизнеса – это выбор выгодной системы налогообложения для оптимизации налоговых платежей.

Сегодня можно говорить об изменении условий функционирования малых предприятий в России и о необходимости государственной системы поддержки данного сектора. Основными мерами налогового стимулирования развития малого предпринимательства в России являются специальные налоговые режимы, упрощение системы ведения бухгалтерской и статистической отчётности, льготы в части уплаты страховых взносов, НДС и других налогов.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гишкаева Л. Л., Юпаева Г. Р., Ганатов И. С. Малый бизнес в современной экономике // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 9 (91). С. 33–35.
2. Дацаева Р. Ш., Шахаева Ф. М. Малый бизнес, его место в экономике РФ // Экономика и предпринимательство. 2021. № 9 (134). С. 337–340.
3. Казимагомедова З. А. Роль малого бизнеса в экономике России и ее регионов // Фундаментальные исследования. 2019. № 8–1. С. 164–168.
4. Кийски С. В., Семенова Г. Н. Специальные налоговые режимы для развития малого и среднего бизнеса // Современные проблемы, тенденции и перспективы развития предпринимательства в России: сборник научных трудов преподавателей и студентов кафедры экономики и предпринимательства. М.: Московский государственный областной университет, 2021. С. 17–26.
5. Коваленко Н. В. Отечественный и зарубежный опыт государственной поддержки малого и среднего предпринимательства // ЦИТИСЭ. 2020. № 2 (24). С. 471–485.
6. Кулакова А. В. Малый бизнес и проблемы его становления в России // Интернаука. 2021. № 47-3 (223). С. 16–18.
7. Малое предпринимательство. Организация, развитие и управление малым предприятием / под науч. ред. Г. Л. Багиева, В. Ю. Бутова. М.: ИНФРА-М, 2020. 582 с.
8. Нуцалханов А. А. Малый бизнес: понятие и преимущества // Экономика и предпринимательство. 2020. № 5 (118). С. 636–637.

9. Расулова Л. В. Трактование терминов «малый бизнес» и «малое предпринимательство» в современной литературе // *Science Time*. 2018. № 5 (29). С. 564–567.
10. Семенова Г. Н. Налог на самозанятых для физических лиц и индивидуальных предпринимателей // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика*. 2021. № 2. С. 77–88.
11. Семенова Г. Н. Влияние налогообложения на развитие бизнеса // *Экономика и предпринимательство*. 2020. № 3 (116). С. 667–671.
12. Семенова Г. Н. Налогообложение малого бизнеса. М.: КноРус, 2022. 248 с.
13. Семенова Г. Н. Патентная система налогообложения для индивидуальных предпринимателей // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика*. 2019. № 3. С. 76–85.
14. Сибекоева А. Р. Малый и средний бизнес России в условиях санкций // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2022. № 4-2 (86). С. 126–130.
15. Степанов А. М. Малый бизнес в современных экономических условиях // *Аллея науки*. 2019. Т. 1. № 2 (29). С. 485–487.
16. Сую С. Проблемы развития малого и среднего бизнеса в России // *Современные проблемы, тенденции и перспективы развития предпринимательства в России: сборник научных трудов преподавателей и студентов кафедры экономики и предпринимательства*. М.: Московский государственный областной университет, 2021. С. 168–175.
17. Управление малым бизнесом: учебное пособие / под общ. ред. В. Д. Свирчевского. М.: ИНФРА-М, 2022. 256 с.
18. Филимонова Н. М., Моргунова Н. В., Ловкова Е. С. Экономика и организация малого и среднего бизнеса: учебное пособие. 2-е изд., доп. М.: ИНФРА-М, 2020. 222 с.

REFERENCES

1. Gishkaeva L. L., Yupayeva G. R., Ganatov I. S. [Small business in modern economy]. In: *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and Business: Theory and Practice], 2022, no. 9 (91), pp. 33–35.
2. Dacaeва R. Sh., Shahayeva F. M. [Small business, its place in the economy of the Russian Federation]. In: *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship], 2021, no. 9 (134), pp. 337–340.
3. Kazimagomedova Z. A. [The role of small business in the economy of Russia and its regions]. In: *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2019, no. 8-1, pp. 164–168.
4. Kijski S. V., Semenova G. N. [Special tax regimes for the development of small and medium-sized businesses]. In: *Sovremennye problemy, tendencii i perspektivy razvitiya predprinimatel'stva v Rossii* [Modern Problems, Trends and Prospects of Entrepreneurship Development in Russia]. Moscow, 2021, pp. 17–26.
5. Kovalenko N. V. [Domestic and foreign experience of state support for small and medium-sized businesses]. In: *TsITISE* [Journal of Chelyabinsk State University. Series: Economics], 2020, no. 2 (24), pp. 471–485.
6. Kulakova A. V. [Small business and the problems of its formation in Russia]. In: *Internauka*, 2021, no. 47-3 (223), pp. 16–18.
7. Bagiev G. L., Burov V. Yu., eds. *Maloe predprinimatel'stvo. Organizaciya, razvitie i upravlenie malym predpriyatiem* [Small Business. Organization, Development and Management of Small Enterprises]. Moscow, INFRA-M Publ., 2020. 582 p.
8. Nutsalkhanov A. A. [Small business: concept and advantages]. In: *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship], 2020, no. 5 (118), pp. 636–637.
9. Rasulova L. V. [Interpretation of the terms “small business” and “small entrepreneurship” in modern literature]. In: *Science Time*, 2018, no. 5 (29), pp. 564–567.
10. Semenova G. N. [Tax on self-employed individuals and individual entrepreneurs]. In: *Vestnik*

- Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Economics], 2021, no. 2, pp. 77–88.
11. Semenova G. N. [The impact of taxation on business development]. In: *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship], 2020, no. 3 (116), pp. 667–671.
 12. Semenova G. N. *Nalogooblozhenie malogo biznesa* [Taxation of small business]. Moscow, KnoRus Publ., 2022. 248 p.
 13. Semenova G. N. [Patent taxation system for individual entrepreneurs]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Economics], 2019, no. 3, pp. 76–85.
 14. Sibekova A. R. [Small and medium-sized businesses in Russia under sanctions]. In: *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and Business: Theory and Practice], 2022, no. 4-2 (86), pp. 126–130.
 15. Stepanov A. M. [Small business in modern economic conditions]. In: *Alleya nauki* [Avenue of Science], 2019, vol. 1, no. 2 (29), pp. 485–487.
 16. Syuj S. [Problems of small and medium-sized business development in Russia]. In: *Sovremennye problemy, tendencii i perspektivy razvitiya predprinimatel'stva v Rossii* [Modern Problems, Trends and Prospects of Entrepreneurship Development in Russia]. Moscow, 2021, pp. 168–175.
 17. Svirchevskij V. D., ed. *Upravlenie malym biznesom* [Management of Small Business]. Moscow, INFRA-M Publ., 2022. 256 p.
 18. Filimonova N. M. *Ekonomika i organizaciya malogo i srednego biznesa* [Economics and Organization of Small and Medium-sized Businesses]. Moscow, INFRA-M Publ., 2020. 222 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенова Галина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственных и муниципальных финансов Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова; доцент кафедры экономики и предпринимательства Государственного университета просвещения;
e-mail: Sg6457@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina N. Semenova – Cand. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Department of State and Municipal Finance, Plekhanov Russian University of Economics, Department of Economics and Entrepreneurship, State University of Education;
e-mail: Sg6457@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Семенова Г. Н. Малый бизнес в экономике России: критерии применения специальных налоговых режимов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 132–153.
DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-132-153

FOR CITATION

Semenova G. N. Small Business in the Russian Economy: Criteria for the Application of Special Tax Regimes. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2023, no. 2, pp. 132–153.
DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-132-153

УДК: 331.446.4

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-154-164

УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ С УЧЁТОМ ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ

Сиволап Л. А., Шикова Л. В.*Мариупольский государственный университет**287537 г. Мариуполь, пр-т Строителей, д. 129А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить особенности управления персоналом, которое опирается на теорию поколений.

Процедура и методы. В работе использованы анализ научной литературы по управлению персоналом, методы дедукции и индукции, а также анализа.

Результаты. На основе теории поколений представлено основные поколенческие группы сотрудников, которые формируют современный рынок труда. Раскрыты особенности и ценности таких поколений, как: беби-бумеры, поколения X, Y, Z. Указаны основные их положительные и отрицательные стороны, а также способы мотивации. Обоснованы необходимость учёта теории поколений при формировании системы управления персоналом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы как в теоретическом аспекте, так и в практическом – при анализе и совершенствовании системы управления в современной компании.

Ключевые слова: беби-бумеры, мотивация, поколение X, поколение Y, поколение Z, теория поколений, управление персоналом, ценности, эффективность

HR MANAGEMENT IN CONSIDERATION OF THE THEORY OF GENERATIONS

Syvolap L. A., Shykova L. V.*Mariupol State University**ul. Stroiteley 129A, Mariupol 287537, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the features of personnel management, which is based on the theory of generations.

Methodology. The work uses research by scientists who study personnel, methods of deduction and induction, as well as analysis.

Results. Based on the theory of generation, the main generational groups of employees are presented, which today form the modern labor market. The features and values of such generations as: baby boomers, generations X, Y, Z are revealed. Their main positive and negative sides, as well as ways of motivation are indicated. The necessity of taking into account the theory of generations in the formation of a personnel management system is substantiated.

Research implications. The results of the study can be used both in a theoretical and practical aspect in the analysis and improvement of the management system in a modern company.

Keywords: baby boomers, motivation, generation X, generation Y, generation Z, theory of generations, personnel management, values, efficiency

Введение

Эпидемия коронавируса напомнила о том, что работа с персоналом в привычном для многих организаций виде, с использованием показателей и оценок, описывающих исключительно текущее состояние персонала, серьёзно ограничивает способность организации выживать в условиях кризиса, не говоря уже о дальнейшем процветании. Стратегический взгляд на персонал, анализ информации и видение перспектив помогут организациям с уверенностью встречать перемены и эффективно работать с разновозрастными сотрудниками [8; 9].

Однако, не смотря на активное внедрение автоматизации и цифровизации во все процессы функционирования предприятия, базовым и определяющим ресурсом остаётся человеческий ресурс. Руководители и HR-менеджеры как зарубежных, так и отечественных компаний понимают, что для функционирования и развития новых технологий, совершенствования инструментов управления предприятиям необходим персонал, потенциал, которого поможет максимально эффективно достичь целей и миссии компании. С развитием гуманистической парадигмы использования человеческого ресурса актуальным остаётся разработка и внедрение системы управления персоналом, которая базируется на теории поколений.

Это позволяет сформировать такую систему управления персоналом, которая будет учитывать особенности каждого сотрудника, опираясь на систему ценностей и потребностей, в зависимости от той возрастной группы, в которой он находится. Группировка персонала по возрастным категориям, позволяет выработать инструменты управления персоналом, программы мотивации и развития персонала, учитывая системы ценностей, которые сложились в разные периоды.

Возникновение теории поколений

Теория поколений была сформулирована в 1991 г. демографом Нейл Хоув и историком Уильямом Штраусом. На основании своих исследований чёные определили, что поколение – это совокупность людей, рождённых в интервалах времени 20 ± 2 лет. Так Н. Хоув и У. Штраус считают, что поколенческий цикл составляет 80–90 лет, соответственно, это четыре поколения. Вместе с тем они полагают, что внутри каждого поколения человек переживает четыре «превращения»: подъём, пробуждение, спад и кризис.

Так согласно данной теории, американские поколения были разделены на такие группы:

- 1) беби-бумеры ($\approx 77-58$ лет) – 1944–1953 г. р.
- 2) поколение X ($\approx 57-37$ лет) – 1964–1984 г. р.
- 3) поколение Y ($\approx 36-21$ год) – 1985–2000 г. р.
- 4) поколение Z (20 лет и моложе) – 2000 г. р. – наст. вр.

В России также в 1990-х гг. проводились исследования теории поколений. Первым провёл такие исследования социолог Юрий Левада. Он определил поколенческие группы, опираясь на ключевые моменты истории. В табл. 1 представлены российские поколения по Ю. Леваде.

Таким образом, видно, что поколения сгруппированы на основе временных периодов, подверженных одним политическим, социальным, экономическим и идеологическим событиям.

Несмотря на логичность теории поколений, выдвинутой Ю. Левадой, она была раскритикована доктором экономических наук, руководителем лаборатории экономико-социологических исследований Вадимом Радаевым. Он предложил классифицировать российские поколения в зависимости от исторической обстановки, в которой проходило их становление. В табл. 2 представлены группировки российских поколений по В. Радаеву.

Таблица 1 / Table 1

Российские поколения по Ю. Леваде / Russian generation according to Yu. Levada

1905–1930	1930–1941	1941–1953	1953–1964	1964–1985	1985–1999
<i>Революционный перелом:</i> - войны; - революции; - Серебряный век российской культуры.	<i>Сталинская мобилизационная система:</i> - урбанизация; - массовый террор; - принудительное единообразие и единомыслие	<i>Военный и послевоенный период:</i> - политические «чистки»; - создание идейно-политических основ холодной войны	<i>Оттепель:</i> - обличение культа Сталина; - формирование свободного от массового страха поколения	<i>Застой:</i> - установка на отсутствие перемен, формирование ориентации на массовое потребление	<i>Перестройка:</i> - распад СССР, - Чеченская война

Источник: Теория поколений. Почему не умолкают споры об X, Y и Z? И кто придет на смену зумерам? [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.bitobe.ru/article/teoriya-pokoleniy> (дата обращения 20.02.2023).

Таблица 2 / Table 2

Группировка российских поколений по В. Радаеву / Grouping of the Russian generation according to V. Radaev

Поколение оттепели 82–75 лет	Поколение застоя 76–54 года	Реформенное поколение 55–40 лет	Поколение миллениалов 39–21 год	Поколение Z 20 лет и младше
Годы рождения				
1939–1946 гг.	1947–1967 гг.	1968–1982 гг.	1982–2000 гг.	2001 г. р. – наст. вр.
Советские поколения		Постсоветские поколения		

Источник: Теория поколений. Почему не умолкают споры об X, Y и Z? И кто придет на смену зумерам? [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.bitobe.ru/article/teoriya-pokoleniy> (дата обращения: 20.02.2023).

Однако, представленные отечественные теории поколений не нашли своего широкого применения в России. И сегодня наиболее популярной является адаптивная версия теории Хоува и Штрауса (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Адаптированная для России версия теории Н. Хоува и У. Штрауса / Version of N. Howe and W. Strauss's theory adapted for Russia

Группа поколений	Годы рождения	События, определяющие ценности поколения	Отличительные особенности
Молчаливое поколение (Книжные дети) 98–78 лет	1923–1943	- Великая Отечественная война; - сталинские репрессии.	- преданность; - соблюдение правил и законов; - уважение к должности и статусу; - терпение.
Беби-Бумеры (Бумеры) 79–58 лет	1944–1963	- советская оттепель; - покорение космоса; - холодная война; - единые стандарты обучения.	- оптимизм; - вера в прогресс; - установка на личностный рост; - коллективизм и командный дух; - психология победителей.

Окончание Таблицы 3

Группа поколений	Годы рождения	События, определяющие ценности поколения	Отличительные особенности
Поколение X (Неизвестное поколение) 57–37 лет	1964–1984	- перестройка; - гласность; - эпоха дефицита; - Война в Афганистане.	- индивидуализм; - прагматизм; - стремление учиться в течение всей жизни; - техническая грамотность и готовность к изменениям.
Поколение Y (Поколение сети, Миллениалы) 36-19 лет	1985–2002	- распад СССР; - военные конфликты и теракты; - падение башен-близнецов в Нью-Йорке; - развитие цифровых технологий.	- глубокая вовлечённость в социальные сети; - долгое взросление; - гражданский долг и мораль; - стремление изменить мир к лучшему; - ответственность.
Поколение Z (Зумеры) 18 лет и младше	2003–2023	- доступность информации; - Wi-Fi; - геймификация; - бум стартапов; - глобальное потепление.	- прагматизм и гибкость; - «на ты» с цифровыми технологиями; - предпочтение виртуальных коммуникаций; - ценность персональной свободы; - позиционирование себя мультиспециалистами.

Источник: Шамис, Е., Антипов, А. Теория поколений [Электронный ресурс].
URL: <https://psycho.ru/library/2581> (дата обращения 20.02.2023).

Анализируя статистическую информацию касаясь доли каждой поколенческой группы в общей численности населения России, можно сделать следующие выводы: самая большая доля у поколения Y (~41,7%), далее идёт поколение Z (32,8%), далее идут поколение X (29,2%), беби-бумеры (29%) и молчаливое поколение (13,7%).

К 2028 г. полностью выйдут из состава трудоспособного населения мужчины (представители генерации беби-бумеров). Женщины – на 4 года раньше, уже в 2024 г. они не войдут в официальную статистику. В то же время поколение, которое ещё не родилось (Альфа), станет полноценными участниками рынка труда лишь к 2032 г. [3].

Таким образом, видно, что каждая поколенческая группа имеет свои особенности и отличительные черты, которые кардинально различаются в зависимости от группы принадлежности. Поэтому является очевидным следующее: изучить более подробно каждую из поколенческих групп, чтобы сформировать особенности управления персоналом, опираясь на теорию поколений.

Характеристика и особенности управления персоналом поколений Беби-Бумеров, X, Y, Z

Сегодня рынок труда составляют представители четырёх поколений: Беби-Бумеров, X, Y, Z. Каждый представитель одной из поколенческих групп несёт свою ценность для работодателя, что в силу кардинальных ценностных отличий требует от руководителя формирования такой системы управления персоналом, которая будет учитывать особенности, ценности и мотивацию представителей конкретных по-

коленческих групп. Поэтому очень важно при анализе персонала на любом предприятии проанализировать, какие группы сотрудников вовлечены в процессы и каковы их ценности, особенности развития, сильные, слабые стороны, а также мотивация.

Беби-бумеры мыслят так: «Я работаю, потому что могу полностью реализовать себя» Это поколение убеждено, что тунеедцем быть позорно, поэтому человек обязательно должен работать [2]. Так, беби-бумеры – достаточно уверенное в себе поколение. Несмотря на стремление максимально соблюдать общественные правила, они всегда имеют свое мнение. Представители данного поколения привыкли много и тяжело работать, так как считают, что таким способом могут достичь максимального успеха и карьерного продвижения. Беби-бумеры – это командные сотрудники, они не любят самостоятельно выполнять важные задания. Для них важно, чтобы были поставленные чёткие цели и сроки их выполнения. Представители беби-бумеров зациклены на будущем, поэтому система планирования для них крайне важна.

Как известно, одним из важных направлений в системе управления предприятием является обучение и развитие персонала. Что касается работников поколения беби-бумеров, они достаточно негативно относятся к необходимости обучения, т. к. считают, что накопленный ими опыт и так позволяет эффективно решать поставленные перед ними задачи. Поэтому, если всё-таки есть необходимость в обучении такого персонала, лучше выбирать преимущественно офлайн-обучение.

К слабым сторонам данного поколения можно отнести: неумение реагировать на изменения; заикленность на финансовой защищённости и стабильности.

К сильным сторонам можно отнести умение работать в команде и полную преданность своей работе и предприятию.

В табл. 4 представлены ценность беби-бумеров для компании и их мотивация.

Таблица 4 / Table 4

Ценность беби-бумеров для компании и их мотивация / The value of baby boomers for the company and their motivation

Название поколения	Ценность для компании	Вид работы	Мотивация
Беби-бумеры	Интересы компании ставят выше своих собственных, поэтому работу ставят на первое место. Передают свой опыт молодым сотрудникам. Стабильны, хорошо справляются со своими обязанностями.	Хорошие руководители. Наставничество. Формируют командную работу	Заинтересованность в личном росте. Командный дух и сплочённость. Дружеские отношения в коллективе. Инновационные задачи.

Источник: составлено автором на базе источников [4; 5]; Управление персоналом на основе теории поколений [Электронный ресурс]. URL: <https://studmir.com/upravlenie-personalom-na-osnove-teorii-pokolenij> (дата обращения 20.02.2023).

Представители поколения X – имеют хорошее образование, стремятся реализовывать максимальные задачи. Данных сотрудников называют «золотой» кадровой группой. Ценности «Иксов» сводятся к трудоголизму, индивидуализму, к конкуренции, прагматизму, экономичности и стремлению к профессиональному росту. Это очень энергичные сотрудники, стремящиеся к постоянному развитию и обучению, однако знаниями они делятся не охотно, т. к. считают их своими конкурентными преимуществами.

Представителей поколения X в компании можно удержать путём привлечения к решению управленческих задач, ведущих к развитию предприятия. Для них важно понимать цели и миссию компании, а также быть частью корпоративной культуры.

В качестве формы обучения таких сотрудников необходимо выбирать офлайн-формат, так как для них важен контакт с обучающейся группой и коучем.

Для сотрудников поколения X большое значение имеет мотивация, и немало важна именно материальная. Если мотивации не достаточно, они могут искать другую работу, даже в периоды кризиса, т. к. не боятся трудностей и достаточно уверены в своих знаниях и умениях.

К слабым сторонам сотрудников поколения X можно отнести необходимость в строгом контроле и принуждении, боязнь нефиксированной оплаты труда.

К сильным сторонам сотрудников поколения X можно отнести высокую трудоспособность, умение справляться с рутинной работой, умение эффективно налаживать деловые отношения.

В табл. 5 Представлено ценность поколения X для компании и их мотивация.

Таблица 5 / Table 5

Ценность поколения X для компании и их мотивация / The value of generation X for the company and their motivation

Название поколения	Ценность для компании	Вид работы	Мотивация
Поколение X	Хорошо управляют людьми. Целеустремлённость и стрессоустойчивость. На многое готовы ради карьеры. Могут реализовывать длительные сложные проекты.	Руководство высшего и среднего звена	Перспектива самореализации и карьерного роста. Возможность непрерывного обучения. Возможность удовлетворить стремление к лидерству и руководству. Не давить отчётами, рамками и ограничениями. Обязательно давать поле для ответственности, для проведения в жизнь собственных решений. Дать возможность поддерживать баланс между работой и личной жизнью.

Источник: составлено автором на базе источников [4; 5]; Управление персоналом на основе теории поколений [Электронный ресурс]. URL: <https://studmir.com/upravlenie-personalom-na-osnove-teorii-pokolenij> (дата обращения 20.02.2023).

Представители поколения Y (Миллениалы) – это активные, свободные и раскованные люди, которые хорошо адаптируются к переменам, позитивны и достаточно приветливы, а также прирождённые оптимисты. В силу того, что их взросление пришлось на времена технического развития, представители данного поколения хорошо владеют компьютером и знают, что такое виртуальная реальность.

Справиться с «миллениалами» бывает непросто и родителям, и преподавателям, и более старшему начальству. Понять, через какую призму они видят мир, – задача не из простых, особенно с учётом того, что в наше время как никогда силён культ индивидуальности, каждый стремится быть личностью и выделиться на фоне «серой массы» [6].

Одной из позитивных черт является нестандартное и нешаблонное мышление. Это позволяет им реализовываться в творчестве и находить себя в фрилансе. Сотрудники поколения Y предпочитают быстро восходить по карьерной лестнице и получать максимальные доходы. Они стремятся осваивать несколько профессий, легко обучаются дистанционно, умеют охватывать несколько потоков разносторонней информации.

Отличительная особенность поколения Y – потребность в признании, успехе. Это источник энергии для организации их деятельности. Если сотрудник чувствует, что его работу отмечает руководитель, он будет спокойнее реагировать на конструктивную критику [10].

К отрицательным чертам поколения Y можно отнести чрезмерно высокие карьерные ожидания, максимальное желание, чтобы работа оставляла время на личную жизнь.

К положительным чертам поколения Y можно отнести быструю реакцию на изменения, системное мышление, способность адекватно реагировать на изменения.

В табл. 6 представлены ценность поколения Y для компании и их мотивация.

Таблица 6 / Table 6

Ценность поколения Y для компании и их мотивация / The value of generation Y for the company and their motivation

Название поколения	Ценность для компании	Вид работы	Мотивация
Поколение Y	Быстрая обучаемость, высокая адаптивность и адаптивность. Хорошо осваивают иностранные языки и технологические программы Быстро переключаются с разных задач. Могут совмещать несколько профессий. Готовность к горизонтальной карьере.	Для руководства поколению пока не хватает опыта. Принимают участие в различных конференциях и мероприятиях. Предлагают новые идеи для развития и совершенствования компании.	Реализация творческого потенциала. Наличие возможности обучения и развития. Принадлежность к известному бренду. Минимум формализации и бюрократизации. Свободный график. Короткие задачи с ограниченным сроком. Возможность выбора формата работы.

Источник: составлено автором на базе источников [4, 5]; Управление персоналом на основе теории поколений [Электронный ресурс]. URL: <https://studmir.com/upravlenie-personalom-na-osnove-teorii-pokolenij> (дата обращения: 20.02.2023).

Представители поколения Z ещё не являются активными участниками рынка труда, однако уже сейчас работодатели изучают особенности представителей данного поколения и формируют перспективную систему управления будущим персоналом.

Поколение Z – это быстро растущее поколение, дети-гении. Они уже с рождения привыкли к высоким технологиям. Данное поколение хорошо адаптировано в сфере цифровой информации и ориентируется в новаторских разработках.

Поколению Z присущи клиповость, визуальное восприятие, они предпочитают общение в мессенджерах, предпочитают карьеру высшему образованию [7].

Они ценят комфорт, достаточно осмотрительны, рассудительны. Ценят свою индивидуальность и пресекают попытки стандартизировать, подогнать под шаблон их жизнь, карьеру. Они любят развлечения, ценят юмор, часто меняют интересы, при этом не особенно коммуникабельны.

Основной сферой деятельности для поколения Z будут компании, ориентированные на инновационную деятельность, в которой будет поощряться стремление к творчеству и нестандартному мышлению.

Рассмотрим методы или, на языке этого поколения, лайфхаки, которые помогут в «воспитании» и работе с ними [11]: лаконичные устные задачи, структурированные письменные инструкции; при приёме новых работников вводные инструкции лучше давать в виде образов, картинок, видеороликов, это будет эффективнее, план стратегии развития компании будет понятнее в качестве карты, графического изображения, а не списка пунктов; ставьте лайки; используйте гаджеты; представители поколения Z не делают из работы культа, они для себя важнее; чётко оговаривайте дедлайн.

Отрицательными сторонами поколения Z являются недостаточно развитые навыки критического мышления, трудности при анализе больших объёмов информации.

К положительным сторонам поколения Z можно отнести творческий подход к решению задач, эффективное использование ИКТ.

В табл. 7 представлены ценность поколения Z для компании и их мотивация.

Таблица 7 / Table 7

Ценность поколения Z для компании и их мотивация / The value of generation Z for the company and their motivation

Название поколения	Ценность для компании	Вид работы	Мотивация
Поколение Z	1. Талантливы и трудолюбивы, хорошо ориентируются в современном мире, где преобладают технологии. 2. Быстро анализируют большой объём информации. 3. Предлагают нестандартные, экстраординарные решения. 4. Могут решать несколько задач одновременно. 5. Готовы брать на себя ответственность. 6. Могут интенсивно вовлекаться в процесс работы 7. Относятся к работе как к увлечению, любимому делу.	Им необходим некий наставник, который скоординирует их работу, правильно поставит задачи и объяснит нюансы	позитивная, приятная рабочая атмосфера; гибкий график, работа из дома; карьера и статус; развитие личного бренда; справедливая мотивация: соотношение «задачи-результат»; возможность всегда быть в привычных каналах коммуникации; много хвалить

Источник: составлено автором на базе источников [4, 5]; Управление персоналом на основе теории поколений [Электронный ресурс]. URL: <https://studmir.com/upravlenie-personalom-na-osnove-teorii-pokolenij> (дата обращения: 20.02.2023).

Таким образом, анализ особенностей людей разных поколений является весьма условным и индивидуальным, но общие тенденции в работе поколенческих групп, как показывает практика, совпадают. Это даёт возможность сформировать на предприятии максимально эффективную систему управления персоналом.

Повышение эффективности использования кадрового потенциала по качественному направлению подразумевает развитие персонала не только как повышение уровня их образования и квалификации, но и как повышение их эмоционально-социального интеллекта, который способствует улучшению рабочей обстановки, отношений между сотрудниками, а также повышает качество производимой продукции и услуг [1]. Поэтому внедрение теории поколений в управленческую практику предприятия позволит максимально использовать имеющийся потенциал сотрудников.

Заключение

Занимаясь развитием и повышением эффективности компании, руководителям необходимо уделять большое внимание формированию эффективной системы управления персоналом, применяя индивидуальный подход к каждому сотруднику. Начиная от поиска нового сотрудника, его адаптации и заканчивая непрерывным развитием. Однако, необходимо понимать, что на больших предприятиях, корпорациях достаточно сложно осуществлять индивидуальный подход к каждому сотруднику. Здесь актуальным может стать применение теории поколений, что позволит сгруппировать сотрудников в соответствии с их ценностями, навыками и мировоззрением. Таким образом, можно разрабатывать наиболее эффективные программы адаптации, развития и мотивации персонала. Что поможет максимально раскрыть потенциал каждого сотрудника.

Анализируя особенности и мотивацию сотрудников разных поколений, видим, что каждая группа поколений (беби-бумеры, X, Y, Z) по-своему уникальна. И современным компаниям необходимо привлекать, сотрудников различных поколений, формируя направление их деятельности максимально учитывая ценности их поколения. Таким образом, можно избежать появления конфликтов как внутри персонала, так и персонала с руководством. Это значит, что будет сформирована сильная и целеустремлённая команда, направленная на повышение конкурентоспособности своей компании.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев О. А. Кадровый потенциал предприятия (организации) и основные направления его совершенствования // Общество. 2019. № 2. С. 53–54.
2. Близнюк Т. П. Теория поколений в управлении персоналом // Теоретические и практические аспекты экономики и интеллектуальной собственности. 2016. Вып. 14. С. 112–117.
3. Виниченко В. А., Ростовцев К. В., Хохолуш М. С. Влияние теории поколений на кадровую политику промышленных предприятий // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 10. С. 1559–1576.
4. Депутатова Л. Н., Шишкина К. А. Мотивация персонала в контексте теории поколений // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. №2. С. 178–191.
5. Завьялова М. М., Микушина Д. В., Хороших А. А., Лысенко Е. В. Талант-менеджмент через призму «теории поколений» в ГК «ХОМС» // Цифровая трансформация общества, экономики, менеджмента и образования: материалы Международной конференции, Екатеринбург, 05–06 декабря 2019 г. 2020. Т. 1. С. 48–59.

6. Литвинова Н. П. Поколение «Y»: а где же у него кнопка? // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 4. С. 77–82.
7. Никишина А. Л., Соболева Ю. М. Мотивация персонала на основе «Теории поколений» // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8. №1 (26). С. 90–93.
8. Синева Н. Л., Яшкова Е. В., Зыкова А. А. Глобализация экономики, знаний и технологий, как тренд, определяющий образ рабочего места в XXI веке // Актуальные вопросы современной экономики. 2019. № 4. С. 954–958.
9. Смирнова Ж. В., Кочнова К. А. Обучение сотрудников сервисных предприятий с использованием информационных технологий // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7. № 1. С. 1–5.
10. Федотова А. А. Теория поколений и ее применение в мотивации персонала Республики Беларусь // Труд. Профсоюзы. Общество. 2018. № 1 (59). С. 83–89.
11. Ямщикова Т. Н., Скоблякова И. В., Бухтиярова Д. А. Трансформация целей и приоритетов участников социально-трудовых отношений в рамках теории поколений // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 4. С. 1437–1446.

REFERENCES

1. Alekseev O. A. [Personnel potential of an enterprise (organization) and the main directions of its improvement]. In: *Obshchestvo* [Society], 2019, no. 2, pp. 53–54.
2. Bliznyuk T. P. [Generational theory in personnel management]. In: *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty ekonomiki i intellektual'noj sobstvennosti* [Theoretical and Practical Aspects of Economics and Intellectual Property], 2016, iss. 14, pp. 112–117.
3. Vinichenko V. A., Rostovcev K. V., Hoholush M. S. [Impact of generational theory on personnel policy of industrial enterprises]. In: *Ekonomika truda* [Labor Economics], 2022, vol. 9, no. 10, pp. 1559–1576.
4. Deputatova L. N., Shishkina K. A. [Personnel motivation in the context of generational theory]. In: *Vestnik PNIPU. Social'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of PNIPU. Social and Economic Sciences], 2019, no. 2, pp. 178–191.
5. Zavyalova M. M., Mikushina D. V., Hroshih A. A., Lysenko E. V. [Talent management through the prism of “generational theory” in GC “HOMS”]. In: *Tsifrovaya transformatsiya obshchestva, ekonomiki, menedzhmenta i obrazovaniya: materialy Mezhdunarodnoj konferencii* [Digital Transformation of Society, Economics, Management and Education: Proceedings of the International Conference, Ekaterinburg, December 05–06, 2019, vol. 1], 2020, pp. 48–59.
6. Litvinova N. P. [Generation “Y”: where is their button?]. In: *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of Altai Academy of Economics and Law], 2018, no. 4, pp. 77–82.
7. Nikishina A. L., Soboлева Yu. M. [Personnel motivation based on the “Generational Theory”]. In: *Karelskij nauchnyj zhurnal* [Karelian Scientific Journal], 2019, vol. 8, no. 1 (26), pp. 90–93.
8. Sineva N. L., Yashkova E. V., Zyкова A. A. [Globalization of the economy, knowledge and technology as a trend defining the image of the workplace in the XXI century]. In: *Aktual'nye voprosy sovremennoj ekonomiki* [Actual Problems of Modern Economics], 2019, no. 4, pp. 954–958.
9. Smirnova Zh. V., Kochnova K. A. [Training of service enterprise employees using information technology]. In: *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of Minin University], 2019, vol. 7, no. 1, pp. 1–5.
10. Fedotova A. A. [Generational theory and its application in personnel motivation in the Republic of Belarus]. In: *Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo* [Labor. Trade Unions. Society], 2018, no. 1 (59), pp. 83–89.
11. Yamshchikova T. N., Skoblyakova I. V., Buhtiyarova D. A. [Transformation of goals and priorities of participants in socio-labor relations within the framework of generational theory]. In: *Ekonomika truda* [Labor Economics], 2019, vol. 6, no. 4, pp. 1437–1446.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сиволап Лариса Анатольевна – доктор экономических наук, доцент, и. о. ректора, профессор кафедры экономики и международных экономических отношений Мариупольского государственного университета;
e-mail: rectorat@mgumariupol.ru

Шикова Лилия Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и международных экономических отношений Мариупольского государственного университета;
e-mail: shykova86lilya@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Larisa A. Sivolap – Dr. Sci (Economics), Assoc. Prof., Acting Rector, Prof., the Department of Economics and International Economic Relations, Mariupol State University;
e-mail: rectorat@mgumariupol.ru

Lilia V. Shikova – Cand. Sci (Economics), Assoc. Prof., the Department of Economics and International Economic Relations, Mariupol State University;
e-mail: shykova86lilya@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сиволап Л. А., Шикова Л. В. Управление персоналом с учётом теории поколений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 154–164.

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-154-164

FOR CITATION

Syvolap L. A., Shykova L. V. HR Management in Consideration of the Theory of Generations. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*, 2023, no. 2. pp. 154–164.

DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-154-164

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Государственным университетом просвещения выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.economicsmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА
2023. № 2

Над номером работали:
Литературный редактор Е. В. Щедрина
Переводчик Е. В. Приказчикова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайты: www.economicsmgou.ru;
www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 10,5, уч.-изд. л. 11,5.
Подписано в печать: 30.05.2023 г. Дата выхода в свет: 09.06.2023 г. Заказ № 2023/05-06.
Отпечатано в ГУП
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А